ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

ЮСТИЦІИ.

1859.

ОКТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Часть оффиціальная.

II. Часть неоффиціальная.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

1859.

ТОМЪ II.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Печатать позволяется. С. Петербургъ. 23 сентября 1859 года.

Цензоръ *Обертъ*.

I.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. Постановленія по судебной части, обнародованныя въ теченіи августа 1859 года.

1) О предоставленіи Казанскому городскому обществу права избирать въ засѣдатели Судебныхъ Палатъ какъ христіанъ, такъ и магометанъ.

22-го іюня 1859 года Высочайше утверждено и 2-го августа обнародовано мнѣніе Государственнаго Совѣта, коимъ, въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ, постановлено: «Казанскому городскому обществу дозволяется избирать «засѣдателей въ Судебныя Палаты, какъ изъ христіанъ, такъ и «изъ магометанъ, съ тѣмъ лишь, чтобы число сихъ послѣднихъ «никогда не превосходило числа засѣдателей изъ христіанъ.»

2) 25 августа 1859 г. обнародована удостоенная одобренія Его Императорскаго Величества *вторая часть третьяго продолженія къ Своду Законовъ*, изданія 1857 года,

II. *Высочайшіе именные указы, данные Правительствующему Сенату.*

1) О передачѣ имѣнія отставнаго поручика Теляковскаго въ пожизненное владѣніе жены его.

Снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе отставнаго гвардіи поручика Николая Теляковскаго, всемилостивѣйше дозволяемъ: принадлежащее ему родовое имѣніе, Ярославской губерніи Пошехонскаго уѣзда сельцо Оконцево и деревни Фомушкина, Соренжа и Степачиха съ 519 десят. 1114 сажен. земли, на которыхъ водворены 68 крестьянъ по 9-ой ревизіи, передать, послѣ его смерти, въ пожизненное владѣніе жены его, урожденной Давыдовой, въ замѣнъ слѣдующей ей изъ тѣхъ имѣній указной части, съ тѣмъ, чтобы Теляковская, пользуясь сими имѣніями безъ права продажи и отчужденія чего-либо изъ состава оныхъ, обязана была уплачивать лежащіе на оныхъ долги въ Кредитныя Установленія. Въ случаѣ необходимости, для поддержанія имѣній, дозволяется Теляковской залогъ и перезалогъ оныхъ въ Государственныхъ Кредитныхъ Установленіяхъ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія Правительствующаго Сената и въ томъ размѣрѣ, который Сенатомъ будетъ признанъ соотвѣтствующимъ дѣйствительной и дознанной надобности. По смерти Теляковской, находившіяся въ пожизненномъ владѣніи имѣнія поступятъ къ законнымъ наслѣдникамъ ея мужа, если имъ не будетъ сдѣлано о сихъ имѣніяхъ особыхъ распоряженій на точномъ основаніи существующихъ постановленій.

Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: АЛЕКСАНДРЪ.

Петергофъ.

31 іюля 1859 г.

2) О передачѣ имѣнія жены поручика Самойловичъ въ пожизненное владѣніе мужа ея.

Снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе жены отставнаго поручика Александры Самойловичъ, урожденной Куроѣдовой, Всемилостивѣйше дозволяемъ: принадлежащее ей имѣніе, состоящее Самарской губерніи Бугурусланскаго уѣзда въ селѣ Троицкомъ, Куроѣдово тожъ, и сельцѣ Михайло-Архангельскомъ, Подтолки тожъ, съ 85 ревизскими мужескаго пола крестьянами, со всѣми слѣдующими къ нему землями и угодьями, а равно и пустошь, находящуюся въ кортомномъ пользованіи у жителей деревни Большихъ-Толкай, передать, послѣ ея смерти, въ пожизненное владѣніе мужа ея, отставнаго поручика Николая Самойловичъ, отказавшагося отъ слѣдующей ему изъ сего имѣнія указной части, съ тѣми правами, которыя обыкновенно соединяются съ временнымъ владѣніемъ, безъ права продажи и отчужденія какимъ бы то ни было образомъ чего-либо изъ состава сего имѣнія и съ обязанностію уплачивать лежащіе на ономъ казенные и частные долги. Въ случаѣ необходимости, для поддержанія имѣнія, дозволяется Самойловичу залогъ и перезалогъ онаго въ Государственныхъ Кредитныхъ Установленіяхъ, съ разрѣшенія Правительствующаго Сената и въ томъ размѣрѣ, который признанъ будетъ Сенатомъ соотвѣтствующимъ дѣйствительной и дознанной надобности. По смерти обоихъ супруговъ, имѣніе это должно поступить къ законнымъ наслѣдникамъ Александры Самойловичъ, если ею не будетъ сдѣлано объ ономъ распоряженія на точномъ основаніи существующихъ постановленій.

Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: АЛЕКСАНДРЪ.

Въ Ропшѣ.

7 августа 1859 г.

III. Высочайше утвержденныя мнѣнія Государственнаго Совѣта, предложенныя Правительствующему Сенату къ исполненію въ продолженіе іюня мѣсяца 1859 года.

I. ПО ДѢЛАМЪ ГРАЖДАНСКИМЪ.

1.) *О порядкѣ исчисленія процентовъ на сумму, должную маіоршѣ Дингельштетъ Попечительствомъ по дѣламъ графовъ Комаровскихъ (25 мая 1859 г.).*

Государь Императоръ, разсмотрѣвъ послѣдовавшія въ Государственномъ Совѣтѣ разныя мнѣнія по дѣлу о порядкѣ исчисленія процентовъ на должную Попечительствомъ по дѣламъ графовъ Комаровскихъ маіоршѣ Дингельштетъ сумму, и принявъ во вниманіе причины и основанія, изложенныя въ нижеслѣдующей выпискѣ изъ журналовъ Государственнаго Совѣта, Высочайше соизволилъ повелѣть: утвердить состоявшееся 12 февраля 1857 года по настоящему дѣлу опредѣленіе 4 Департамента Сената, а всеподданнѣйшую жалобу членовъ Высочайше утвержденнаго Попечительства по дѣламъ графовъ Комаровскихъ оставить безъ уваженія.

Вышеупомянутая выписка изъ журналовъ Государственнаго Совѣта слѣдующаго содержанія:

При учрежденіи въ 1834 г. коммиссіи по дѣламъ графовъ Комаровскихъ, для приведенія въ извѣстность массы всѣхъ частныхъ ихъ долговъ, былъ назначенъ всѣмъ кредиторамъ, по именному указу 16 марта 1834 г., 9—мѣсячный срокъ для предъявленія ихъ претензій, съ удостовѣреніемъ, что всѣ претензіи, предъявленныя послѣ сего срока, ни въ какомъ случаѣ не будутъ принимаемы ни на счетъ казны, ни на счетъ имѣнія графа Комаровскаго, супруги его и тещи,—а при учрежденіи въ

замѣнъ сей коммиссіи Попечительства по дѣламъ графа Комаровскаго, именнымъ указомъ 5 августа 1835 г. было постановлено, что Попечительство дѣйствуетъ не иначе, какъ сообразно съ существующими узаконеніями и безъ малѣйшаго стѣсненія правъ частныхъ кредиторовъ, предоставленныхъ имъ закономъ.

Маіорша Дингельштетъ предъявила свою претензію въ августѣ 1834 г., чѣмъ самымъ исполнила въ точности Высочайшую волю, предписанную въ огражденіе правъ Комаровскихъ, и потому учрежденное по дѣламъ ихъ Попечительство обязано было принять всѣ мѣры къ скорѣйшему удовлетворенію означенной претензіи.

Между тѣмъ претензія Дингельштетъ съ 1834 по 1852 годъ не была удовлетворена, и только въ 1852 году Попечительство по дѣламъ Комаровскихъ составило окончательныя предположенія о погашеніи частныхъ ихъ долговъ, въ томъ числѣ и по обязательствамъ Дингельштетъ. Попечительство, принявъ при этомъ въ основаніе, что во время представленія обязательствъ ко взысканію, т. е въ 1834 г., существовалъ законъ, по силѣ коего проценты на капиталъ пресѣкались, если сумма ихъ дѣлалась равна капиталу, и что на заемныя обязательства, представленныя ко взысканію до 1849 г., проценты велѣно исчислять на основаніи существовавшихъ до того узаконеній, исчислило на претензію Дингельштетъ проценты не свыше капитальной суммы.

Изъ вышеизложеннаго видно, что если Попечительство по дѣламъ Комаровскихъ не удовлетворило претензію Дингельштетъ своевременно, тотчасъ по предъявленіи оной, и составило окончательный разсчетъ по этой претензіи лишь въ 1852 г., т. е. спустя 18 лѣтъ послѣ ея предъявленія, то этого нельзя ставить въ вину кредиторшѣ Дингельштетъ и нельзя лишать ее правъ на законное удовлетвореніе. Хотя по существовавшимъ въ 1834 г., т. е. во время предъявленія претензіи Дингельштетъ, узаконеніямъ проценты дѣйствительно исчислялись лишь до срав-

ненія съ капиталомъ, но въ указѣ 25 марта 1842 г., вошедшемъ въ ст. 2094 Т. X. Св. Зак. Гражд. изд. 1842 г., было принято за правило, чтобы проценты исчислялись безъ всякаго ограниченія, какъ скоро долговыя суммы будутъ удерживаемы безъ согласія кредиторовъ послѣ окончательнаго рѣшенія о присужденіи оныхъ. Посему не выдавать всѣхъ процентовъ, причитающихся на сумму, которая удерживалась Попечительствомъ графовъ Комаровскихъ съ 1842 по 1852 годъ, безъ согласія кредиторши Дингельштетъ, значило бы, нарушивъ точную силу закона 1842 г., предоставить кромѣ того Попечительству право на безмездное пользованіе чужимъ капиталомъ и стѣснить права кредиторши, въ нарушеніе изъясненной въ именномъ указѣ 1835 г. Высочайшей воли, коею было вмѣнено Попечительству въ обязанность дѣйствовать безъ малѣйшаго стѣсненія правъ частныхъ кредиторовъ, предоставленныхъ имъ закономъ. Такимъ образомъ мѣра сія противорѣчила бы и буквальной силѣ закона, и естественному чувству справедливости.

На основаніи сихъ соображеній, вполнѣ согласныхъ съ опредѣленіемъ 4-го Департамента Правительствующаго Сената отъ 12 февраля 1857 г, проценты, установленные закономъ 25 марта 1842 г., должны быть исчислены по претензіи Дингельштетъ безъ ограниченія со всей суммы, слѣдовавшей ей со времени воспослѣдованія означеннаго закона.

2.) *О выгонахъ, оспориваемыхъ у надворнаго совѣтника Льва Немеровскаго казаками мѣстечка Чернухъ* (25 *мая* 1859 г).

Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ внесенное изъ Общаго Собранія 1-хъ 3-хъ Департаментовъ и Департамента Герольдіи, по разногласію, дѣло о выгонахъ, оспориваемыхъ у надворнаго совѣтника Льва Немеровскаго казаками мѣстечка Чернухъ, мнѣніемъ положилъ: утвердить по сему дѣлу заключеніе Министра Юстиціи и Сенаторовъ, съ нимъ согласныхъ.

Заключеніе Министра Юстиціи состояло въ слѣдующемъ:

Помѣщикъ Полтавской губерніи, Лохвицкаго уѣзда, надворный совѣтникъ Левъ Немеровскій, въ іюнѣ 1839 года обратился въ Лохвицкій земскій судъ съ прошеніемъ, въ коемъ объяснилъ, что казаки мѣстечка Чернухъ отдали въ наемъ часть выгоновъ, принадлежащихъ ему, Немеровскому, при означенномъ мѣстечкѣ. Жалуясь на таковое самоуправное дѣйствіе казаковъ, Немеровскій, въ удостовѣреніе принадлежности ему трехъ выгонныхъ мѣстъ при имѣніи Чернухахъ, представилъ засвидѣтельствованныя копіи:

1., съ отдаточнаго листа и вѣдомости, выданныхъ въ 1787 году графу (:въ послѣдствіи князь:) Александру Безбородко, и 2., съ купчей крѣпости, совершенной въ 1823 году, въ С.-Петербургской гражданской палатѣ.

Изъ представленныхъ Немеровскимъ документовъ видно:

1., что княгиня Клеопатра Лобанова-Ростовская по купчей крѣпости, совершенной въ 1823 году, продала Немеровскому доставшееся ей по наслѣдству отъ князя Безбородко недвижимое имѣніе, въ мѣстечкѣ Чернухахъ и селеніи Коваляхъ, съ 124 мужескаго пола крестьянами и со всѣми принадлежностями, на точномъ основаніи отдаточныхъ книгъ, данныхъ князю Безбородко при Всемилостивѣйшемъ пожалованіи ему, въ 1787 году, вышеупомянутаго имѣнія, и 2, что въ вѣдомости о людяхъ и крестьянахъ, отданныхъ во владѣніе князя Безбородко по таковому Всемилостивѣйшему пожалованію, показаны, между прочимъ, три выгонныя мѣста при мѣстечкѣ Чернухахъ.

При дальнѣйшемъ производствѣ дѣла, Немеровскій представилъ вводный листъ, по которому онъ былъ введенъ во владѣніе имѣніемъ, купленнымъ у княгини Лобановой-Ростовской. Въ листѣ этомъ, въ числѣ принадлежностей имѣнія, поименованы между прочимъ три выгонныя мѣста при мѣстечкѣ Чернухахъ.

Казаки мѣстечка Чернухъ объяснили, что спорныя выгонныя мѣста издревле считались общественными, а не одному лицу принадлежащими, и что они, казаки, постоянно пользовались сими мѣстами безъ всякого прекословія со стороны Немеровскаго. Въ удостовѣреніе сего казаки ссылались на священника мѣстечка Чернухъ и на жителей смежныхъ селеній.

При произведенномъ, по распоряженію Правительствующаго Сената, мѣстномъ изысканіи, казенный крестьянинъ Дмитрій Коваленко подъ присягою показалъ, что сколько онъ припомнитъ, на выгонныхъ мѣстахъ около мѣстечка Чернухъ и селенія Ковалей всѣ вообще жители мѣстечка и селенія пользовались свободно пастьбою своего скота, безъ всякаго со стороны кого-либо препятствія; что три выгонныя мѣста, отданныя Немеровскому по вводному листу 1824 г., принадлежатъ, какъ полагаетъ Коваленко, въ общественное владѣніе Чернухскимъ казакамъ и прочимъ жителямъ мѣстечка Чернухъ, потому что никто пастьбу скота и постройку мельницъ на тѣхъ выгонахъ не воспрещалъ. Чтобы Чернухскіе казаки и другіе помѣщики орали означенные выгоны или отдавали ихъ подъ посѣвъ стороннимъ людямъ, по собственному распоряженію или съ дозволенія экономіи Безбородко и его наслѣдниковъ, а потомъ съ дозволенія Немеровскаго, о томъ онъ, Коваленко, не знаетъ и ни отъ кого не слышалъ.

Показаніе Коваленко утвердили подъ присягою 46 казаковъ и крестьянъ сосѣднихъ селеній. Жители мѣстечка Чернухъ въ данныхъ приставу 2 стана Лохвицкаго уѣзда объясненіяхъ показали, что сколько имъ извѣстно, выгонныя земли издревле были и состоятъ въ спокойномъ и безпрепятственномъ владѣніи всѣхъ сословій мѣстечка Чернухъ, какъ то: дворянъ, церковно-служителей, мѣщанъ, казенныхъ крестьянъ, казаковъ и помѣщичьихъ крестьянъ, и что на томъ же основаніи пользовались землями Немеровскій и его крестьяне; при чемъ одинъ изъ жителей присовокупилъ, что Немеровскій незадолго предъ

тѣмъ допустилъ постройку на спорной землѣ двухъ значительныхъ общественныхъ магазиновъ.

Немеровскій, опровергая показанія свидѣтелей, утверждалъ, что пастьба скота и постройка мельницъ и другихъ зданій на спорныхъ выгонныхъ мѣстахъ допускаема была имъ только по снисхожденію къ бѣдности жителей мѣстечка Чернухъ.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что въ настоящемъ дѣлѣ подлежитъ разрѣшенію слѣдующій вопросъ:

Должно ли признать собственностію помѣщика Немеровскаго выгонныя мѣста, состоящія при мѣстечкѣ Чернухахъ?

По закону, право вотчинное на имущества утверждается актами, установленнымъ порядкомъ у крѣпостныхъ дѣлъ совершенными, каковы суть акты наслѣдства, завѣщанія, купчія и данныя крѣпости, раздѣльныя и другія тому подобныя записи. Въ дѣлахъ о крѣпостномъ правѣ на недвижимое имущество не должно основывать рѣшеній на показаніяхъ свидѣтелей (: т. X Св. Зак. Гр. ч. II ст. 683 и 684 изд. 1857 г.:) Спокойное, безспорное и непрерывное владѣніе въ видѣ собственности превращается въ право собственности, когда оно продолжится въ теченіи установленной закономъ давности. Для силы давности надобно владѣть на правѣ собственности, а не на иномъ основаніи. Какъ по сему одно пользованіе не составляетъ основанія къ праву собственности, то всѣ тѣ, которымъ даны въ пользованіе казенныя земли на извѣстныхъ условіяхъ или для извѣстнаго употребленія, не могутъ пріобрѣсти въ свою собственность, по праву давности, казенныхъ земель, состоящихъ въ ихъ пользованіи, какъ бы долго то пользованіе не продолжалось (:т. X Св. Зак. Гражд. ч. I ст. 533 и 560:).

Соображеніе сихъ узаконеній съ вышеизложенными обстоятельствами настоящаго дѣла показываетъ, что казаки мѣстечка Чернухъ, оспоривая права Немеровскаго на полную собственность трехъ выгонныхъ мѣстъ при означенномъ мѣстечкѣ, въ подкрѣпленіе своего спора не представили никакихъ письмен-

ныхъ документовъ и ограничились однимъ показаніемъ, что выгоны мѣстечка Чернухъ издревле считались общественными.

Для разъясненія сего обстоятельства произведено было, по указу Правительствующаго Сената, мѣстное дознаніе о томъ, кто именно и на какомъ основаніи владѣлъ спорною землею.

Спрошенные подъ присягою свидѣтели изъявили предположеніе, что спорные выгоны, находившіеся, сколько они припомнятъ, въ безпрепятственномъ пользованіи всѣхъ жителей мѣстечка Чернухъ, принадлежатъ въ общественное владѣніе Чернухскимъ казакамъ и прочимъ жителямъ мѣстечка.

Показаніе это, основанное не на личномъ удостовѣреніи и не на положительныхъ данныхъ, а на одномъ предположеніи, оставляетъ недоказаннымъ не только право Чернухскихъ казаковъ на общественное владѣніе выгонами мѣстечка Чернухъ, но и самое основаніе долговременнаго пользованія означенными выгонами; ибо по собственному отзыву свидѣтелей, они незнаютъ, на какомъ основаніи выгоны состояли въ пользованіи всѣхъ жителей мѣстечка Чернухъ.

Притомъ одно пользованіе выгонами, какъ бы долго и безпрепятственно оно ни продолжалось, по закону не могло присвоить казакамъ мѣстечка Чернухъ права общей собственности на выгоны, ибо для пріобрѣтенія имущества посредствомъ земской давности, необходимо, по словамъ ст. 533 и 560 т. X Зак. Гражд. изд. 1857 г., владѣть онымъ на правѣ полной собственности. Между тѣмъ изъ дѣла не видно, чтобы казаки мѣстечка Чернухъ когда-либо распоряжались спорными выгонами какъ своею собственностію; спрошенные подъ присягою свидѣтели не знаютъ и не слышали, чтобъ означенные выгоны отдаваемы были казаками, собственною властью, въ содержаніе стороннимъ людямъ. Напротивъ того, подобная отдача, допущенная казаками въ 1839 г., вызвала протестъ со стороны Немеровскаго и послужила поводомъ къ начатію настоящаго дѣла.

Въ удостовѣреніе правъ своихъ на полную собственность трехъ выгонныхъ мѣстъ, Немеровскій представилъ письменные

документы, какъ то: купчую крѣпость, отдаточныя книги и вводный листъ, изъ коихъ видно, что въ составъ имѣнія, Всемилостивѣйше пожалованнаго въ 1787 г. князю Безбородко, отъ него дошедшаго по наслѣдству къ княгинѣ Лобановой-Ростовской, а сею послѣднею уступленнаго въ 1823 г. надворному совѣтнику Немеровскому, входятъ три выгонныя мѣста при мѣстечкѣ Чернухахъ.

Означенные документы соотвѣтствуютъ требованію 683 ст. т. X ч. II Св. Зак. Гражд., по которой вотчинное право на имущество утверждается актами, установленнымъ порядкомъ у крѣпостныхъ дѣлъ совершенными.

Произведеннымъ по указу Сената розысканіемъ не подтвердилось показаніе казаковъ о томъ, что спорная земля была общественною

Посему свидѣтельскія показанія не могутъ ни ослабить силы представленныхъ документовъ, ни тѣмъ менѣе служить основаніемъ для рѣшенія въ настоящемъ дѣлѣ о крѣпостномъ правѣ на недвижимое имущество (ст. 684).

Неозначеніе въ документахъ Немеровскаго мѣры и положенія выгонныхъ мѣстъ, состоящихъ при мѣстечкѣ Чернухахъ, не можетъ ослабить принадлежащаго Немеровскому права собственности на выгоны; ибо сами Чернухскіе казаки не оспориваютъ тождества спорныхъ выгоновъ съ тремя выгонными мѣстами, упомянутыми въ вводномъ листѣ Немеровскаго и въ отдаточной вѣдомости князя Безбородко.

По всѣмъ симъ основаніямъ, признавая домогательство Чернухскихъ казаковъ бездоказательнымъ, а искъ Немеровскаго основаннымъ на безспорныхъ письменныхъ документахъ, Министръ Юстиціи полагалъ: три выгонныя мѣста, состоящія при мѣстечкѣ Чернухахъ, согласно съ ст. 683 т. X ч. II, оставить въ исключительной собственности надворнаго совѣтника Льва Немеровскаго, предоставивъ казакамъ право свое на участіе въ пользованіи означенными выгонами отыскивать, если пожелаютъ, съ ясными доказательствами въ установленномъ порядкѣ.

3.) *По дѣлу князя Воронцова съ княземъ Ливеномъ о контрактѣ на содержаніе каменно-угольныхъ копей въ селѣ Александровкѣ (8 іюня 1859 г.).*

Обстоятельства этого дѣла слѣдующія:

Генералъ отъ инфантеріи графъ (въ послѣдствіи князь) Воронцовъ и помѣщикъ Ѳедоръ Шидловскій заключили 1 ноября 1842 года между собою контрактъ, по которому Шидловскій отдалъ Воронцову въ тридцати-лѣтнее арендное содержаніе и полное распоряженіе всѣ безъ исключенія каменно-угольныя копи, открытыя и впредь могущія быть открытыми въ принадлежавшемъ Шидловскому селеніи Александровкѣ (Екатеринославской губерніи Бахмутскаго уѣзда).

За каждый добываемый пудъ угля, графъ Воронцовъ обязался уплачивать Шидловскому извѣстную сумму. Въ замѣнъ сего графъ Воронцовъ выговорилъ себѣ право устроивать на мѣстахъ разработки угля всякаго рода машины и кузницы. При семъ въ контрактѣ положено, что неустойка со стороны графа Воронцова или его наслѣдниковъ, влечетъ за собою прекращеніе контракта, безъ всякой со стороны Шидловскаго и его наслѣдниковъ претензіи.

Контрактъ этотъ явленъ 14 ноября 1842 года у крѣпостныхъ дѣлъ Бахмутскаго уѣзднаго суда, безъ взысканія пошлинъ, кромѣ актовыхъ денегъ 3 руб. серебр. Послѣ сего контрактомъ, засвидѣтельствованнымъ 1-го мая 1850 года въ Тифлисской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда, князь Воронцовъ передалъ Нахичеванскому купцу Христофору Иванову всѣ права свои на арендное содержаніе каменно-угольныхъ копей селенія Александровки, при чемъ Ивановъ обязался свято и ненарушимо исполнять въ отношеніи къ Шидловскому и его наслѣдникамъ всѣ тѣ условія, какія были приняты на себя княземъ Воронцовымъ.

Вслѣдъ за симъ помѣщикъ Шидловскій продалъ 21 декабря 1851 года село Александровку коллежскому ассесору кня-

зю Павлу Ливену. Въ купчей крѣпости, между прочимъ, объяснено, что хотя каменно-угольныя копи при селѣ Александровкѣ и отданы Шидловскимъ въ арендное содержаніе графу Воронцову съ 1842 года срокомъ на 30-ть лѣтъ, но по истеченіи этого срока, копи должны поступить въ полную собственность князя Ливена. До окончанія срока, арендныя деньги съ графа Воронцова равномѣрно должны составлять собственность князя Ливена.

Князь Павелъ Ливенъ 10-го октября 1852 года обратился въ Екатеринославскую гражданскую палату съ прошеніемъ, въ коемъ ходатайствовалъ объ уничтоженіи какъ первоначальнаго контракта, заключеннаго княземъ Воронцовымъ съ помѣщикомъ Шидловскимъ, такъ и передаточнаго условія, заключеннаго княземъ Воронцовымъ съ купцомъ Ивановымъ.

Екатеринославская гражданская палата при указѣ отъ 6 ноября 1852 года отослала прошеніе князя Ливена въ Бахмутскій уѣздный судъ, для разсмотрѣнія онаго въ апелляціонномъ порядкѣ. Уѣздный судъ, по полученіи прошенія князя Ливена, истребовалъ по оному объясненіе отъ помѣщика Ѳедора Шидловскаго.

Повѣренный Шидловскаго, ссылаясь на купчую крѣпость, по которой князь Ливенъ пріобрѣлъ имѣніе Шидловскаго, и на выданную Ливеномъ 25-го сентября 1852 года актовую росписку, доказывалъ, что вѣритель его не можетъ подлежать отвѣту по настоящему дѣлу.

Въ актовой роспискѣ, выданной княземъ Ливеномъ Шидловскому и засвидѣтельствованной у крѣпостныхъ дѣлъ Бахмутскаго уѣзднаго суда, объяснено, что князь Ливенъ по всѣмъ пунктамъ запродажной записи и купчей крѣпости Шидловскаго совершенно удовлетворенъ и никакихъ претензій къ Шидловскому имѣть не долженъ.

Въ поданномъ на объясненіе Шидловскаго отзывѣ, князь Ливенъ между прочимъ написалъ, что требованіе его заклю-

чается лишь въ уничтоженіи контракта, совершеннаго Шидловскимъ съ княземъ Воронцовымъ, и что привлеченіе или непривлеченіе Шидловскаго къ отвѣтственности по сему предмету зависитъ отъ усмотрѣнія уѣзднаго суда.

Повѣренный Шидловскаго въ опроверженіи своемъ доказывалъ, что въ случаѣ неправильности контракта, заключеннаго между Шидловскимъ и княземъ Воронцовымъ, отвѣтственность за сіе должна упадать не на договаривавшіяся стороны, а на членовъ Бахмутскаго уѣзднаго суда, допустившихъ совершеніе контракта.

Послѣ того повѣренный князя Воронцова обратился въ уѣздный судъ съ прошеніемъ, въ коемъ опровергалъ домогательство князя Ливена.

Бахмутскій уѣздный судъ 26-го іюля 1854 года заключилъ: контрактъ Шидловскаго съ княземъ Воронцовымъ и условіе князя Воронцова съ Ивановымъ оставить въ полной силѣ безъ всякаго измѣненія.

На сіе опредѣленіе уѣзднаго суда князь Ливенъ принесъ апелляціонную жалобу, въ коей, между прочимъ, объяснилъ, что контрактъ князя Воронцова съ Шидловскимъ совершенъ не на установленной гербовой бумагѣ и безъ уплаты крѣпостныхъ пошлинъ, и потому самому не можетъ быть признанъ дѣйствительнымъ, а уѣздный судъ за засвидѣтельствованіе онаго подлежитъ законной отвѣтственности.

Екатеринославская Гражданская Палата, по опредѣленію 2-го сентября 1855 года, утвердила рѣшеніе Бахмутскаго уѣзднаго суда.

На рѣшеніе гражданской палаты повѣренный князя Ливена принесъ апелляціонную жалобу 8-му Департаменту Правительствующаго Сената, изъ коего настоящее дѣло, за разногласіемъ Гг. сенаторовъ, перенесено на разсмотрѣніе Общаго Собранія Московскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената.

Въ рукоприкладствѣ, учиненномъ подъ запискою въ Правительствующемъ Сенатѣ, повѣренный князя Воронцова между прочимъ объяснилъ, что контрактъ, заключенный въ 1842 году между княземъ Воронцовымъ и Шидловскимъ, совершенъ былъ на крѣпостной бумагѣ соотвѣтствующаго цѣнѣ контракта достоинства, а не на простой гербовой бумагѣ, какъ утверждаетъ князь Ливенъ.

Въ предложеніи, данномъ Правительствующему Сенату, Товарищъ Министра Юстиціи нашелъ, что въ настоящемъ дѣлѣ, по существу ходатайства тяжущихся сторонъ, подлежитъ разрѣшенію вопросъ:

Могутъ ли быть признаны дѣйствительными: во 1-хъ, контрактъ, заключенный въ 1842 году между княземъ Воронцовымъ и Шидловскимъ по предмету арендного содержанія каменно-угольныхъ копей селенія Александровки, и во 2-хъ, передаточное условіе, совершенное по тому же предмету, въ 1850 году, между княземъ Воронцовымъ и купцомъ Ивановымъ?

Предварительно обсужденія сего вопроса, надлежитъ привести въ ясность, кто именно изъ лицъ, участвовавшихъ въ совершеніи спорныхъ контрактовъ, долженъ быть признанъ отвѣтчикомъ противу иска князя Павла Ливена.

Въ семъ отношеніи изъ дѣла видно, что предметъ спорныхъ контрактовъ заключается въ арендномъ содержаніи каменно-угольныхъ копей села Александровки. По первоначальному контракту 1842 года, копи эти были отданы помѣщикомъ Шидловскимъ въ аренду князю Воронцову. Въ послѣдствіи времени, въ права Шидловскаго вступилъ покупщикъ имѣнія его, князь Ливенъ, а права князя Воронцова были переданы, по особому контракту, купцу Иванову. Затѣмъ всякій споръ о дѣйствительности вышеупомянутыхъ контрактовъ очевидно долженъ былъ происходить между собственникомъ арендуемыхъ копей, т. е. княземъ Ливеномъ, съ одной стороны, и арендаторомъ копей, т. е. княземъ Воронцовымъ или, въ лицѣ его, купцомъ Ивановымъ съ другой стороны.

Между тѣмъ, Бахмутскій уѣздный судъ, на разсмотрѣніе котораго поступило прошеніе князя Ливена объ уничтоженіи контрактовъ, потребовалъ по оному объясненіе отъ Шидловскаго, и такимъ образомъ сдѣлалъ сего послѣдняго отвѣтчикомъ въ искѣ, начатомъ княземъ Ливеномъ въ качествѣ преемника правъ самаго Шидловскаго. Привлеченіе Шидловскаго къ отвѣту представляется тѣмъ болѣе неосновательнымъ, что вслѣдъ за покупкою села Александровки, князь Ливенъ выдалъ Шидловскому актовую, засвидѣтельствованную у крѣпостныхъ дѣлъ, росписку, въ коей призналъ себя удовлетвореннымъ по всѣмъ статьямъ запродажной записи и купчей крѣпости, и обязался не простирать по онымъ къ Шидловскому никакихъ претензій. Во время производства дѣла, князь Ливенъ равномѣрно не обращалъ притязаній своихъ непосредственно къ Шидловскому, объясняя, что привлеченіе или непривлеченіе его къ отвѣтственности зависитъ отъ усмотрѣнія судебныхъ мѣстъ.

Независимо отъ объясненій, истребованныхъ Бахмутскимъ уѣзднымъ судомъ отъ Шидловскаго, повѣренный князя Воронцова, безъ всякого вызова со стороны суда, представилъ въ оный опроверженіе противу домогательства князя Ливена.

Въ послѣдствіи времени, повѣренный князя Воронцова допущенъ былъ къ рукоприкладству по настоящему дѣлу въ Екатеринославской гражданской палатѣ и въ 8-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената.

Что касается до купца Иванова, то отзыва отъ него отобрано не было и объясненій во все время производства дѣла имъ не представлено.

Вышеизложенное приводитъ къ заключенію, что за неприкосновенностію къ настоящему дѣлу помѣщика Шидловскаго и за непривлеченіемъ къ оному купца Иванова, отвѣтчикомъ противу иска князя Ливена долженъ быть признанъ князь Воронцовъ, который по собственному побужденію принялъ на себя защиту обоихъ контрактовъ, оспориваемыхъ княземъ Ливеномъ.

Самая сущность спора, предъявленнаго княземъ Ливеномъ, показываетъ, что споръ этотъ направленъ какъ противу контракта, совершеннаго въ 1842 году Шидловскимъ и княземъ Воронцовымъ, такъ и противу условія, заключеннаго въ 1850 году княземъ Воронцовымъ съ Нахичеванскимъ купцомъ Христофоромъ Ивановымъ.

Въ опроверженіе перваго изъ сихъ актовъ, князь Ливенъ приводитъ слѣдующіе доводы:

1) контрактъ совершенъ не на установленной по цѣнѣ онаго крѣпостной бумагѣ, а на простой гербовой бумагѣ рублеваго достоинства;

2) при совершеніи контракта не были уплачены опредѣленныя закономъ крѣпостныя пошлины;

и 3) каменно-угольныя копи отданы въ арендное содержаніе на срокъ, не дозволенный закономъ.

Первый изъ вышеприведенныхъ доводовъ князя Ливена возбудилъ возраженіе со стороны повѣреннаго князя Воронцова, который въ рукоприкладствѣ подъ запискою въ Правительствующемъ Сенатѣ объяснилъ, что контрактъ 1842 года совершенъ на крѣпостной бумагѣ соотвѣтственнаго цѣнѣ онаго достоинства.

При такихъ противорѣчивыхъ показаніяхъ тяжущихся сторонъ, обстоятельство о бумагѣ, на которой написанъ контрактъ могло бы быть приведено въ ясность неиначе, какъ на основаніи самаго подлиннаго контракта. Контрактъ этотъ къ дѣлу не предъявленъ, и князь Ливенъ въ апелляціонной жалобѣ своей Правительствующему Сенату не просилъ объ истребованіи онаго отъ князя Воронцова.

Засимъ объясненіе князя Ливена о написаніи контракта на простой гербовой бумагѣ не можетъ быть признано доказаннымъ, и должно быть оставлено, за силою ст. 312 т. X ч. II Св. Зак. Гражд., безъ послѣдствій,

Истребованіе подлиннаго контракта представлялось бы въ настоящее время тѣмъ болѣе неумѣстнымъ, что оно могло бы надолго замедлить разрѣшеніе дѣла обращеніемъ онаго вновь въ низшія инстанціи, въ виду которыхъ не былъ вышеозначенный документъ.

Объясненіе князя Ливена о невзысканіи крѣпостныхъ пошлинъ, слѣдовавшихъ по закону съ контракта князя Воронцова и Шидловскаго, равномѣрно лишено правильнаго основанія, ибо ст. 332 т. V Уст. о пошл. изд. 1842 года (по изд. 1857 г. ст. 367), на которую ссылается князь Ливенъ, относится только къ купчимъ крѣпостямъ, даннымъ и другимъ равносильнымъ актамъ, а въ ст. 363 (изд. 1857 г.) прямо сказано, что крѣпостныя пошлины взимаются при переходѣ имущества отъ одного лица къ другому въ полную собственность, или вообще при перемѣнѣ крѣпостнаго владѣнія.

Очевидно, что контрактъ, опредѣляющій отдачу имущества въ арендное содержаніе и принадлежащій къ числу актовъ явочныхъ, а не крѣпостныхъ, не содержитъ въ себѣ уступки однимъ лицомъ другому правъ полной собственности на недвижимое имущество, а посему и не подлежитъ взысканію крѣпостныхъ пошлинъ.

Во всякомъ случаѣ упущеніе во взысканіи пошлинъ должно упадать на отвѣтственность присутственныхъ мѣстъ, допустившихъ совершеніе или засвидѣтельствованіе акта, и не можетъ имѣть вредныхъ послѣдствій для частныхъ лицъ, которыя не обязаны отвѣчать за неправильныя дѣйствія лицъ должностныхъ.

Наконецъ, въ отношеніи къ сроку арендного содержанія каменно-угольныхъ копей, дѣйствующія узаконенія показываютъ, что общій срокъ найма частныхъ недвижимыхъ имуществъ есть двѣнадцатилѣтній (т. X ч. I Св. Зак. Граж. изд. 1857 г., ст. 1692), и что болѣе продолжительный, а именно тридцати-лѣтній срокъ найма, допускается только для благопріобрѣтен-

ныхъ пустопорожнихъ земель, предназначенныхъ для устройства фабрикъ или заводовъ (ст. 1693).

Князь Ливенъ утверждаетъ, что каменно-угольныя копи, отданныя Шидловскимъ въ арендное содержаніе князю Воронцову, составляли родовое и населенное имѣніе Шидловскаго, и что самое добываніе каменнаго угля не можетъ быть отнесено къ разряду фабрикъ или заводовъ, а посему означенныя копи могли быть отданы въ аренду не болѣе, какъ на общій двѣнадцати-лѣтній срокъ.

Родовое свойство имѣнія Шидловскаго въ такомъ только случаѣ могло бы служить основаніемъ къ уничтоженію арендного контракта, если бы контрактъ этотъ былъ оспориваемъ самимъ Шидловскимъ или наслѣдниками его по закону. Въ отношеніи къ князю Ливену, село Александровка, доставшееся ему по купчей крѣпости, составляетъ имѣніе благопріобрѣтенное, и слѣдовательно камено-угольныя копи означеннаго села съ этой стороны вполнѣ соотвѣтствуютъ требованіямъ закона, опредѣляющаго отдачу недвижимыхъ имѣній въ аренду на продолжительные сроки.

Объясненіе князя Ливена о населенности земель, отданныхъ въ аренду, представляется не только бездоказательнымъ, но и противурѣчащимъ точному смыслу арендного контракта и дѣйствующихъ узаконеній. По силѣ условій, заключенныхъ между Шидловскимъ и княземъ Воронцовымъ, сей послѣдній принялъ въ свое содержаніе всѣ каменно-угольныя копи села Александровки, съ исключительною цѣлью разработки оныхъ и добыванія каменнаго угля.

Само собою разумѣется, что условія эти распространяются только на пустопорожнія пространства, принадлежащія къ селу Александровкѣ, а не на земли, заселенныя крестьянами означеннаго села. Съ другой стороны, постановленное въ 1693 ст. правило о продолжительномъ срокѣ арендного содержанія частныхъ недвижимыхъ имуществъ безъ сомнѣнія относится и къ

тѣмъ пустопорожнимъ землямъ, которыя входятъ въ составъ населенныхъ имѣній.

Наконецъ, каменно-угольные промыслы въ Россійской Имперіи статьею 7-ю т. VII Уст. Горн. положительно отнесены къ числу горныхъ промысловъ и заводовъ, и потому объясненіе князя Ливена, что добываніе каменнаго угля не составляетъ фабрики или завода, равномѣрно не заслуживаетъ уваженія.

Предоставленное князю Воронцову по контракту право устроивать на мѣстахъ разработки угля машины и кузницы доказываетъ, что промыселъ этотъ требовалъ такихъ же трудовъ и усилій, какъ и учрежденіе фабрики или завода. Отсюда слѣдуетъ заключить, что земля, предназначенная для добыванія каменнаго угля, могла быть отдана въ аренду на продолжительный срокъ безъ всякаго нарушенія ст. 1693 т. X ч. I Св. Зак. Гражд. (изд. 1857 года).

Независимо отъ сего, нельзя не принять въ соображеніе, что въ купчей крѣпости, по которой князь Ливенъ пріобрѣлъ имѣніе Шидловскаго, право полной собственности на каменноугольныя копи предоставлено князю Ливену лишь по истеченіи тридцатилѣтняго срока, на который копи эти отданы въ арендное содержаніе князя Воронцова. Обстоятельство сіе приводитъ къ заключенію, что князь Ливенъ, зная объ отдачѣ копей въ аренду на тридцать лѣтъ, и согласясь принять оныя въ полное свое владѣніе только по истеченіи этого времени, тѣмъ самымъ лишилъ себя права оспоривать дѣйствительность контракта князя Воронцова подъ предлогомъ незаконности срока, на который совершенъ означенный контрактъ.

Заключеніе сіе еще болѣе подтверждается тѣмъ, что впредь до окончанія арендного срока, князь Ливенъ предоставилъ себѣ право на полученіе слѣдовавшихъ съ князя Воронцова арендныхъ денегъ, и такимъ образомъ изъявилъ намѣреніе исполнять контрактъ, не домогаясь уничтоженія онаго.

Другой главный предметъ домогательства князя Ливена состоитъ въ уничтоженіи условія, по которому князь Воронцовъ

права свои на арендное содержаніе каменно-угольныхъ копей села Александровки передалъ, въ 1850 году, купцу Иванову, съ тѣмъ, чтобы сей послѣдній свято и ненарушимо исполнялъ въ отношеніи къ Шидловскому всѣ тѣ обязанности, какія были приняты на себя княземъ Воронцовымъ.

Князь Ливенъ утверждаетъ, что вышеприведенное условіе совершено въ противность первоначальному контракту князя Воронцова съ Шидловскимъ, по которому князю Воронцову не было предоставлено право передавать арендное содержаніе каменно-угольныхъ копей другому постороннему лицу.

По закону: договоры должны быть исполняемы по точному разуму оныхъ и изъясняемы по словесному ихъ смыслу. Если словесный смыслъ представляетъ важныя сомнѣнія, тогда договоры должны быть изъясняемы по намѣренію ихъ и доброй совѣсти; при чемъ неясныя статьи объясняются по тѣмъ, кои несомнительны, и вообще по разуму всего договора. Въ случаѣ равнаго съ обѣихъ сторонъ недоумѣнія, сила договора изъясняется болѣе въ пользу того, кто обязался что-либо отдать или исполнить, по тому уваженію, что отъ противной стороны зависѣло опредѣлить предметъ обязательства съ бо́льшею точностію (т. X Св. Зак. Гражд. ч. I ст. 1536, 1538 и 1539).

Соображеніе вышеприведенныхъ узаконеній съ контрактомъ, заключеннымъ въ 1842 году между помѣщикомъ Шидловскимъ и княземъ Воронцовымъ, показываетъ, что въ контрактѣ этомъ не содержится ни дозволенія, ни воспрещенія передачи пріобрѣтенныхъ княземъ Воронцовымъ правъ какому-либо постороннему лицу. Засимъ, разрѣшеніе вопроса о правильности или неправильности таковой передачи и о послѣдствіяхъ оной, должно зависѣть отъ общаго разума всего договора и въ особенности отъ силы тѣхъ статей, которыя представляются вполнѣ ясными и несомнѣнными.

Сущность контракта, заключеннаго между княземъ Воронцовымъ и Шидловскимъ, состоитъ въ томъ, что князь Ворон-

цовъ принялъ на себя разработку каменно-угольныхъ копей села Александровки, съ платою за то Шидловскому опредѣленной суммы денегъ. Этою платою должны были ограничиться отношенія арендатора къ владѣльцу имѣнія, который на все время арендпаго срока предоставилъ каменно-угольныя копи въ полное распоряженіе арендатора. Примѣняясь къ точному и буквальному смыслу сего послѣдняго условія, нельзя не прійти къ убѣжденію, что князь Воронцовъ имѣлъ несомнѣнное право передать разработку копей другому лицу, съ тѣмъ только, чтобы оно приняло на себя въ отношеніи къ Шидловскому исполненіе всѣхъ обязанностей, установленныхъ контрактомъ.

Предоставляя князю Воронцову полную власть распоряжаться каменно-угольными копями по своему произволу и усмотрѣнію, Шидловскій тѣмъ самымъ освободилъ его отъ всѣхъ стѣсненій и ограниченій, кромѣ тѣхъ, которыя прямо и опредѣлительно выражены въ контрактѣ.

Посему подчиненіе князя Воронцова такимъ условіямъ, которыхъ въ контрактѣ не содержится, противурѣчило бы сколько разуму сего контракта, столько и закону, по которому сила договора изъясняется болѣе въ пользу того, кто обязался что-либо исполнить, по тому уваженію, что отъ противной стороны зависѣло опредѣлить предметъ обязательства съ большею точностію. Въ настоящемъ случаѣ исполненіе контракта лежало именно на князѣ Воронцовѣ, и слѣдовательно безмолвіе контракта относительно права арендатора передать арендное содержаніе другому лицу, должно быть истолковано въ пользу князя Воронцова, а не Шидловскаго и преемниковъ правъ его.

Притомъ надлежитъ принять во вниманіе, что переуступка арендныхъ правъ князя Воронцова, возможность которой безъ сомнѣнія была предусмотрѣна договаривавшимися сторонами, представлялась особенно необходимою при столь продолжительномъ срокѣ арендпаго содержанія, на каковой отданы были каменно-угольныя копи села Александровки. Въ теченіи тридцати лѣтъ обстоятельства арендатора легко могли измѣниться и сдѣлать для

него крайне затруднительною дальнѣйшую разработку копей. Затрудненіе это, при невозможности передать разработку въ другія руки, повлекло бы за собою неустойку противу контракта и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенное уничтоженіе онаго, равно невыгодное для обѣихъ сторонъ.

При всей правильности условія, заключеннаго въ 1850 году между княземъ Воронцовымъ и купцомъ Ивановымъ, условіе сіе едва ли можетъ освободить князя Воронцова и наслѣдниковъ его отъ отвѣтственности предъ Шидловскимъ, а въ лицѣ сего послѣдняго, предъ княземъ Ливеномъ. Владѣлецъ имѣнія, отдавая оное въ аренду другому лицу, обезпечиваетъ исправное исполненіе арендного контракта не только постановляемыми въ сномъ условіями и мѣрами взысканія, но и довѣріемъ своимъ къ лицу арендатора. Дозволеніе арендатору переуступать имѣніе третьему лицу, безъ согласія владѣльца, и за тѣмъ уклоняться отъ всякой отвѣтственности предъ симъ послѣднимъ, во многихъ случаяхъ было бы нарушеніемъ истиннаго разума договоровъ и воли одной изъ договаривавшихся сторонъ.

Посему, если съ одной стороны арендатору можетъ быть предоставлено право безпрепятственно, по собственному усмотрѣнію, переуступать содержаніе имѣнія, то съ другой стороны переуступка сія не можетъ быть признаваема обязательною для владѣльца имѣнія, который по прежнему долженъ сохранить непосредственныя отношенія исключительно къ тому лицу, съ которымъ первоначально былъ заключенъ арендный контракъ. Сіе послѣднее лицо одно только можетъ подлежать отвѣтственности предъ владѣльцемъ имѣнія въ случаѣ нарушенія контракта.

Примѣненіе вышеизложенныхъ соображеній къ настоящему дѣлу обнаруживаетъ, что князь Воронцовъ, послѣ передачи купцу Иванову правъ своихъ по арендному контракту, по собственному побужденію, безъ всякаго судебнаго вызова, взялъ на себя защиту сего контракта и сдѣлался отвѣтчикомъ предъ княземъ Ливеномъ. Что касается до купца Иванова, то онъ не

принималъ никакого участія въ производствѣ дѣла. Отсюда слѣдуетъ заключить, что князь Воронцовъ, не смотря на слѣдовавшую съ его стороны уступку арендныхъ правъ, не считалъ себя свободнымъ отъ всякой по сему предмету отвѣтственности предъ владѣльцемъ заарендованнаго имѣнія. При такомъ образѣ дѣйствій князя Воронцова и при такомъ пониманіи условія 1850 года, условіе сіе тѣмъ менѣе можетъ быть признано нарушеніемъ первоначальнаго контракта, совершеннаго въ 1842 году между Шидловскимъ и княземъ Воронцовымъ. Единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ предъ княземъ Ливеномъ остается, на точномъ основаніи сего контракта и купчей крѣпости, князь Воронцовъ или, въ его лицѣ, законные князя Воронцова наслѣдники.

Самое признаніе условія 1850 года неправильнымъ и подлежащимъ отмѣнѣ едва ли могло бы служить достаточнымъ поводомъ къ уничтоженію контракта, 1842 года. По точной силѣ сего контракта неустойка по оному князя Воронцова или его наслѣдниковъ, должна была повлечь за собою совершенное прекращеніе арендного содержанія каменно-угольныхъ копей. Но подъ именемъ неустойки очевидно должно разумѣть неисполненіе условій контракта, т. е. неплатежъ опредѣленной по оному въ пользу владѣльца имѣнія суммы.

Передача арендныхъ правъ другому лицу, при отсутствіи въ контрактѣ всякаго по сему предмету постановленія, не можетъ быть признана неустойкою, если только она не причинила существеннаго нарушенія арендныхъ условій. Такое нарушеніе обстоятельствами дѣла не обнаруживается, и самимъ княземъ Ливеномъ не доказывается. Засимъ уничтоженіе условія 1850 года могло бы имѣть послѣдствіемъ только возвращеніе каменно-угольныхъ копей купцомъ Ивановымъ въ арендное содержаніе наслѣдниковъ князя Воронцова, а отнюдь не окончательную отмѣну первоначальнаго контракта, заключеннаго въ 1842 году княземъ Воронцовымъ съ помѣщикомъ Шидловскимъ.

По всѣмъ симъ основаніямъ, признавая споръ князя Ливена во всѣхъ частяхъ онаго незаслуживающимъ уваженія, Товарищъ Министра Юстиціи полагалъ: контрактъ, заключенный въ 1842 году между Шидловскимъ и княземъ Воронцовымъ и условіе, заключенное въ 1850 году между княземъ Воронцовымъ и Ивановымъ, оставить въ полной силѣ, безъ всякаго измѣненія.

По разногласію Г.г. сенаторовъ, настоящее дѣло внесено было въ Государственный Совѣтъ.

Государственный Совѣтъ нашелъ, что въ купчей крѣпости, по которой коллежскій ассесоръ князь Павелъ Ливенъ пріобрѣлъ въ 1851 г. отъ помѣщика Шидловскаго село Александровку, между прочими условіями было сказано, что «каменно-«угольныя копи при селѣ Александровкѣ (проданномъ Шидлов-«скимъ князю Ливену), которыя хотя отданы Шидловскимъ въ «арендное содержаніе графу Михаилу Семеновичу Воронцову съ «1842 г. на 30 лѣтъ по заключенному условію, но по исте-«ченіи арендпаго времени эти копи должны поступить въ не-«отъемлемую собственность князя Ливена, а до того со дня со-«вершенія сей купчей арендныя деньги съ графа Воронцова «должны составлять собственность князя Ливена.» Изъ буквальнаго смысла сего условія явствуетъ, что князь Ливенъ, по купчей крѣпости 21 декабря 1851 г., право собственности на каменно-угольныя копи въ селѣ Александровкѣ пріобрѣлъ не ранѣе, какъ со времени окончанія арендпаго контракта, заключеннаго въ 1842 г. на содержаніе означенныхъ копей, а до истеченія срока контракта князю Ливену принадлежало одно право на полученіе денегъ, положенныхъ за содержаніе каменно-угольныхъ копей; слѣдовательно князь Ливенъ, покупая имѣніе отъ Шидловскаго, самъ призналъ святость и обязательность для себя контракта, заключеннаго въ 1842 г. прежнимъ владельцемъ имѣнія съ княземъ Воронцовымъ, на отдачу въ аренду каменно-угольныхъ копей въ селѣ Александровкѣ. За тѣмъ всякій споръ со стороны князя Ливена противу условія, имъ самимъ признаннаго и добровольно принятаго, не можетъ имѣть

мѣста, за силою Св. Зак. Гражд. изд. 1857 г. т. X ч. 1 ст. 1528, 1530 и 1536, и долженъ подлежать уничтоженію со всѣми послѣдствіями.

Что касается до условія, заключеннаго въ 1850 г. княземъ Воронцовымъ съ купцомъ Ивановымъ о передачѣ сему послѣднему правъ на арендное содержаніе помянутыхъ копей въ селѣ Александровкѣ, то по сему предмету изъ обстоятельствъ настоящаго дѣла видно, что въ арендномъ контрактѣ, заключенномъ 1-го ноября 1842 г. княземъ Воронцовымъ съ помѣщикомъ Шидловскимъ, не было постановлено ни прямаго разрѣшенія арендатору передать свои права по содержанію копей другому лицу, ни воспрещенія сего права. Посему, согласно Св. Зак. Гражд. изд. 1857 г. т. X. ч. I ст. 1539, сила договора въ семъ отношеніи должна быть изъясняема въ пользу князя Воронцова, который обязался по контракту содержать каменноугольныя копи за условленную плату, по тому уваженію, какъ сказано въ означенномъ законѣ, что отъ стороны противной зависѣло опредѣлить предметъ обязательства съ бо́льшею точностію. По смыслу сего узаконенія ни самъ Шидловскій, ни преемникъ его правъ князь Ливенъ, не могутъ отвергать силу передаточнаго контракта, заключеннаго княземъ Воронцовымъ съ купцомъ Ивановымъ, тѣмъ болѣе, что по этому контракту купецъ Ивановъ обязался свято и ненарушимо исполнять въ отношеніи къ Шидловскому и его наслѣдникамъ всѣ тѣ условія, какія были приняты на себя княземъ Воронцовымъ. Слѣдовательно, силою сего контракта не только не была отмѣнена, но во всей силѣ подтверждена сущность первоначальнаго арендного контракта, заключеннаго въ 1842 г.

По симъ основаніямъ Государственный Совѣтъ призналъ неправильнымъ споръ, предъявленный коллежскимъ ассесоромъ княземъ Ливеномъ какъ противъ арендного контракта, заключеннаго въ 1842 г. княземъ Воронцовымъ на содержаніе каменно-угольныхъ копей въ селѣ Александровкѣ,—такъ и противъ условія, совершеннаго въ 1850 г. на передачу содержа-

нія тѣхъ копей купцу Иванову, а потому, согласно съ заключеніемъ Товарища Министра Юстиціи, *мнѣніемъ положилъ*: означенные договоры оставить во всей силѣ, отказавъ князю Ливену въ апелляціонной жалобѣ, принесенной на рѣшеніе по настоящему дѣлу Екатеринославской гражданской палаты.

II. ПО ДѢЛУ СУДЕБНО-АДМИНИСТРАТИВНОМУ.

По просьбѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Серапина о выдачѣ ему процентовъ на сумму, уплаченную за отшедшую подъ Варшавскую желѣзную дорогу землю (15 *іюня* 1859 *г.*)

Обстоятельства дѣла сего слѣдующія:

Высочайше утвержденнымъ 22 октября 1856 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было утверждено представленіе Главноуправляющаго Путями Сообщенія и Публичными Зданіями о вознагражденіи Николаевской Чесменской Военной Богадѣльни, Лейбъ Гвардіи Преображенскаго полка и другихъ владѣльцевъ за отшедшія подъ С.-Петербургско-Варшавскую желѣзную дорогу земли.

На основаніи означеннаго мнѣнія Государственнаго Совѣта одному изъ владѣльцевъ, дѣйствительному статскому совѣтнику Серапину, причиталось получить вознагражденія 7275 р. 60 коп. сер.

Извѣстясь о семъ, Серапинъ обратился въ Главное Управленіе Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій съ просьбою, въ которой ходатайствовалъ о выдачѣ ему не только капитальной суммы 7275 руб. 60 коп. сер., но и 6 процентовъ на оную со времени отобранія у него земли по день уплаты вознагражденія, ссылаясь при этомъ на Высочайше утвержденное 7-го января 1857 года мнѣніе Государственнаго Совѣта по дѣлу о возна-

гражденіи помѣщицы Кучиной за отшедшую изъ владѣнія ея землю подъ Николаевскую желѣзную дорогу.

Таковое домогательство Серапина оставлено было Главноуправляющимъ Путями Сообщенія и Публичными Зданіями безъ уваженія на томъ основаніи: 1, что въ Высочайше утвержденномъ 22 октября 1856 г. мнѣніи Государственнаго Совѣта, по коему присуждено Серапину вознагражденіе за его землю, не было сказано о процентахъ; 2, что самъ Серапинъ, отъ котораго отобрана земля еще въ 1852 г., изъявляя согласіе въ мартѣ 1856 г. на полученіе опредѣленнаго вознагражденія, не упоминалъ при томъ о процентахъ; и 3, что Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта по дѣлу Кучиной не можетъ относиться къ сему дѣлу, какъ послѣдовавшее послѣ присужденія Серапину вознагражденія.

Первый Департаментъ Правительствующаго Сената, войдя въ разсмотрѣніе сего дѣла по жалобѣ Серапина, согласился съ мнѣніемъ Главноуправляющаго и призналъ жалобу Серапина незаслуживающею уваженія.

На таковое опредѣленіе Правительствующаго Сената Серапинъ принесъ всеподданнѣйшую жалобу, которая, въ слѣдствіе Высочайшаго о семъ повелѣнія, подлежала разсмотрѣнію Общаго Собранія Правительствующаго Сената.

Въ означенной всеподданнѣйшей жалобѣ Серапинъ, между прочимъ, объяснялъ, что земля его поступила подъ С. Петербургскую Варшавскую желѣзную дорогу въ половинѣ 1852 г., а Главное Управленіе Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій представило въ Государственный Совѣтъ о вознагражденіи его за землю только четыре года послѣ того, и именно 23 іюля 1856 года.

На семъ основаніи Серапинъ, ссылаясь на Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта по дѣлу Кучиной, просилъ: выдать на слѣдующую ему капитальную сумму и проценты со времени отобранія земли его до уплаты денегъ.

Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, внесенное въ оный за разногласіемъ изъ Общаго Собранія 1-хъ 3-хъ Департаментовъ и Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената, разсуждалъ:

1., Серапинъ домогательство свое о процентахъ на сумму, выданную ему въ вознагражденіе за землю, отшедшую подъ Варшавскую желѣзную дорогу, основываетъ на Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта по дѣлу помѣщицы Кучиной.

2., Помѣщица Кучина, еще до утвержденнаго ей вознагражденія, именно при самомъ объявленіи оцѣнки, отозвалась, что она проситъ о выдачѣ ей и процентовъ на причитающуюся сумму; Серапинъ, при объявленіи ему оцѣнки и по окончательномъ утвержденіи оной, о процентахъ не просилъ, а сталъ заявлять свое требованіе оныхъ уже при самомъ совершеніи купчей крѣпости, именно въ декабрѣ 1856 г.

3., Правило о выдачѣ процентовъ на причитающіяся въ вознагражденіе за отбираемыя подъ общественныя надобности имущества сдѣлалось обязательнымъ и вошло въ силу закона лишь со времени воспослѣдованія Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта по дѣлу Кучиной, т. е. съ 7 января 1857 года, и на основ. 60 ст. I т. Св. Зак. обратнаго дѣйствія имѣть не можетъ, а потому сего правила нельзя примѣнить къ дѣлу Серапина, которому вознагражденіе окончательно присуждено еще 22 октября 1856 г.

4., Серапинъ, до состоянія означеннаго Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, заключилъ съ казною 21 декабря 1856 г. купчую крѣпость и получилъ полную причитавшуюся ему сумму; такое дѣйствіе со стороны Серапина представляется окончательнымъ, точно также, какъ совершеніе всякаго крѣпостнаго акта между частными лицами.

5., Одновременно съ Серапинымъ было присуждено вознагражденіе за отшедшія смежныя земли другихъ владѣльцевъ, которые, при изъявленіи, точно также какъ и Серапинъ, согласія на оцѣнки, о процентахъ не просили, и теперь не просятъ.

6., Если удовлетвореніемъ просьбы Серапина дать, вопреки основнаго закона, силу обратнаго дѣйствія правилу, постановленному въ мнѣніи Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденномъ 7 января 1857 г., то тогда не будетъ повода къ отказу въ выдачѣ процентовъ и всѣмъ другимъ лицамъ, которымъ уже выдано вознагражденіе по оцѣнкамъ до 7 января 1857 г., что, независимо отъ возбужденія вновь множества дѣлъ уже оконченныхъ, вовлекло бы казну въ огромныя издержки безъ правильнаго къ тому основанія.

По симъ уваженіямъ, Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положилъ*: заключеніе по настоящему дѣлу Главноуправляющаго Путями Сообщенія и Публичными Зданіями, а равно Министра Юстиціи и согласившихся съ нимъ сенаторовъ утвердить, и въ слѣдствіе сего, домогательство дѣйствительнаго статскаго совѣтника Серапина объ уплатѣ процентовъ на сумму, выданную ему за землю, отшедшую подъ Варшавскую желѣзную дорогу, какъ неосновательное, оставить безъ послѣдствій.

ОТДѢЛЪ II.

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета по Министерству Юстиціи за 1857 годъ.

I. состояніе дѣлопроизводства въ присутственныхъ мѣстахъ судебнаго вѣдомства.

1) Перечневыя свѣдѣнія о производившихся по судебному вѣдомству дѣлахъ.

Во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ вѣдомства Министерства Юстиціи низшихъ, среднихъ и высшихъ производилось въ 1857 году дѣлъ, вмѣстѣ съ оставшимися отъ прежнихъ лѣтъ, уголовныхъ 237,721, гражданскихъ 217,251 и распорядительныхъ 23,302, всего—478,274.

Изъ этого числа въ теченіи 1857 года разрѣшено: уголовныхъ 181,645, гражданскихъ 148,056 и распорядительныхъ 19,553, всего—349,254.

За симъ къ 1 января 1858 года осталось въ производствѣ: уголовныхъ 56,076, гражданскихъ 69,195 и распорядительныхъ 3,749, всего 129,020.

Въ 1857 году общее число дѣлъ, производившихся въ присутственныхъ мѣстахъ вѣдомства Министерства Юстиціи, было противъ 1856 года болѣе на 6219, а остатокъ на 3266.

Въ этомъ году, какъ и въ прошедшемъ, уголовныхъ дѣлъ производилось болѣе, чѣмъ гражданскихъ и успѣшность въ рѣшеніи первыхъ дѣлъ была бо̀льшая, чѣмъ въ рѣшеніи послѣднихъ. Причины этой успѣшности заключаются въ самомъ свойствѣ уголовныхъ дѣлъ и правилахъ уголовнаго судопроизводства

Общее число (478,274) производившихся въ Имперіи дѣлъ распредѣлялось и имѣло движеніе по инстанціямъ въ слѣдующемъ видѣ:

а) По Правительствующему Сенату. По Сенату въ 1857 году производилось дѣлъ: уголовныхъ 3,338, гражданскихъ 17,814 и распорядительныхъ 17,386, всего—38,538.

Изъ этого числа рѣшено дѣлъ уголовныхъ 3,334, гражданскихъ 14,091, распорядительныхъ 14,413, всего—31,838.

За тѣмъ къ 1858 году осталось дѣлъ уголовныхъ 4, гражданскихъ 3,723 и распорядительныхъ 2,973, всего—6700.

Общее число производившихся по Сенату дѣлъ было противъ 1856 года болѣе на 533, а остатокъ на 367.

Уголовныхъ дѣлъ поступило противъ 1856 менѣе на 278.

Число поступленія гражданскихъ дѣлъ увеличилось противъ 1856 года только во 2-мъ Департаментѣ Сената на 881 и въ 8-мъ Департаментѣ на 423; въ прочихъ же Департаментахъ уменьшилось, а именно: въ 1-мъ Отдѣленіи 3 Департамента на 149, а во 2-мъ Отдѣленіи 3 Департамента на 341, въ 4-мъ Департаментѣ на 255 и въ 7-мъ Департаментѣ на 17.

Уменьшеніе сіе по видимому свидѣтельствуетъ о бо̀льшей правильности въ рѣшеніяхъ гражданскихъ палатъ.

Въ распорядительныхъ Департаментахъ Сената число поступившихъ дѣлъ нѣсколько уменьшилось, а именно: въ 1-мъ Департаментѣ на 173, въ Межевомъ на 89 и въ Департаментѣ Герольдіи на 157.

Въ Общемъ Собраніи первыхъ трехъ Департаментовъ Сената и Департамента Герольдіи оставалось отъ прежняго года дѣлъ

неразрѣшенныхъ 31, вновь вступило 180, всѣхъ производилось 211, разрѣшено 180, осталось къ 1858 году неразрѣшенныхъ 31

Сверхъ того въ теченіи 1857 года въ семъ Собраніи выслушано, и въ то же время исполнено, 1336 именныхъ Высочайшихъ повелѣній и мнѣній Государственнаго Совѣта.

Въ Общемъ Собраніи 4-го, 5-го и Межеваго Департаментовъ оставалось неразрѣшенныхъ отъ прежняго года 9, вновь вступило 140, всѣхъ производилось 149, разрѣшено 138, осталось къ 1858 году неразрѣшенныхъ 11.

Въ Общемъ Собраніи Московскихъ Департаментовъ Сената оставалось неразрѣшенныхъ отъ прежняго года 10, вновь вступило 124, всѣхъ производилось 134, разрѣшено 119, осталось къ 1858 году неразрѣшенныхъ 15.

Сравненіе съ прошлымъ годомъ количества поступившихъ въ Общія Собранія Сената и рѣшенныхъ дѣлъ показываетъ, что въ 1-мъ Общемъ Собраніи Сената число вновь поступившихъ дѣлъ, противъ прежняго года, уменьшилось на 39, а рѣшенныхъ на 61, во 2-мъ Общемъ Собраніи Сената число поступившихъ дѣлъ уменьшилось на 21, а рѣшенныхъ на 19, въ Общемъ Собраніи Московскихъ Департаментовъ число поступившихъ дѣлъ уменьшилось на 9, а рѣшенныхъ на 24.

Бо̀льшая или мѐньшая правильность рѣшеній Сенатскихъ выражается въ нѣкоторой степени количествомъ принесенныхъ на оныя всеподданнѣйшихъ жалобъ и числомъ признанныхъ уважительными жалобъ.

Въ семъ отношеніи оказывается, что въ 1857 году внесены по Высочайшимъ повелѣніямъ на разсмотрѣніе Общихъ Собраній Сената 73 жалобы на рѣшенія Департаментскія, въ томъ числѣ 51 на гражданскіе Департаменты, 11 на Уголовные, 5 на Департаментъ Герольдіи, 4 на первый Департаментъ и 2 на Межевой.

Количество это менѣе 3-мя жалобами противъ внесенныхъ въ 1856 году и по отношенію къ общему количеству разрѣшенныхъ дѣлъ (31838) составляетъ $^1/_{400}$.

Наибольшее число жалобъ принесено было по дѣламъ гражданскимъ на 2-й Департаментъ (16) и 7-й Департаментъ (10), а по Уголовнымъ на 1-е Отдѣленіе 6-го Департамента (6). Менѣе жалобъ поступило по дѣламъ гражданскимъ на 1-е Отдѣленіе 3-го Департамента (4) (*) и по уголовнымъ на 2-е Отдѣленіе 6-го Департамента (2). Ни одно изъ рѣшеній 2-го Отдѣленія 5-го Департамента не подвергалось пересмотру по всеподданнѣйшей жалобѣ.

Число поступившихъ въ 1857 году (73) на разсмотрѣніе Общихъ Собраній Сената всеподданнѣйшихъ жалобъ, съ оставшимися отъ прежняго года (76), составляло 149, изъ каковаго числа окончательно разрѣшено 77. Изъ сего послѣдняго числа по 33 всеподданнѣйшимъ жалобамъ рѣшенія Департаментовъ утверждены, по 18-ти измѣнены и по 26-ти отмѣнены.

По жалобамъ, принесеннымъ на опредѣленія Общихъ Собраній Сената, перешло въ Государственный Совѣтъ 5 дѣлъ, въ томъ числѣ 2 по первому Общему Собранію Сената, 2 по второму Общему Собранію Сената и 1 по Общему Собранію Московскихъ Департаментовъ Сената.

Изъ сихъ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ окончательно разрѣшены 4, при чемъ по 3-мъ дѣламъ рѣшенія Общихъ Собраній Сената утверждены; а по 1-му измѣнено лишь въ нѣкоторомъ отношеніи.

б) *По Консультаціи, учрежденной при Министерствѣ Юстиціи.* На Консультаціи, учрежденной при Министерствѣ Юстиціи, разсмотрѣно и окончательно разрѣшено 355 дѣлъ.

По дѣламъ, производившимся въ Общихъ Собраніяхъ Сената, дано предложеній Министерствомъ Юстиціи 129. Изъ нихъ по 107 мнѣнія Министерства приняты, а остальныя 22 дѣла, за несоставленіемъ узаконеннаго большинства голосовъ сенаторовъ, согласныхъ съ заключеніемъ Министерства, внесены были въ Государственный Совѣтъ.

(*) Обстоятельство сіе заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ сему Департаменту подвѣдомственны Западныя губерніи.

Изъ числа сихъ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ по 5-ти мнѣнія Министерства утверждены, по 6-ти измѣнены, а 11 дѣлъ остались нерѣшенными къ началу 1858 года.

в) *По Департаменту и Канцеляріи Министерства Юстиціи.* По Департаменту и Канцеляріи Министерства Юстиціи число производившихся дѣлъ было: уголовныхъ 2434, гражданскихъ 2887 и распорядительныхъ 5916, всего 11.237.

Изъ числа сихъ дѣлъ рѣшено: уголовныхъ 2173, гражданскихъ 2505 и распорядительныхъ 5140, всего 9.818.

За тѣмъ къ 1858 году осталось неразрѣшенными: уголовныхъ 261, гражданскихъ 382 и распорядительныхъ 776, всего 1.419.

Изъ оставшихся дѣлъ только 71, большею частію позднѣйшаго поступленія, не получили разрѣшенія собственно за Министерствомъ; прочія же за справками и другими причинами, отъ Министерства не зависѣвшими.

г) *По судебнымъ мѣстамъ средней инстанціи.* Въ судебныхъ мѣстахъ средней инстанціи вообще, т. е. въ палатахъ уголовнаго и гражданскаго суда, а также въ совѣстныхъ и коммерческихъ судахъ производилось всѣхъ дѣлъ, съ оставшимися отъ прежняго года, уголовныхъ 58,793 и гражданскихъ 104,346, всего 163,139.

Изъ нихъ рѣшено уголовныхъ 46,045 и гражданскихъ 77,474, всего 123,519.

За тѣмъ осталось нерѣшенныхъ къ 1858 году уголовныхъ 12,748 и гражданскихъ 26,872, всего 39,620.

Изъ числа нерѣшенныхъ дѣлъ только 5,446, что составляетъ $1/30$ часть всѣхъ производившихся дѣлъ, не получили окончанія за судебными мѣстами; остальныя же за непополненіемъ слѣдствій или за справками.

Сравненіе съ отчетомъ 1856 года показываетъ, что вообще въ среднихъ инстанціяхъ производившихся дѣлъ, противъ прежняго года, было болѣе уголовныхъ на 589 и граж-

данскихъ на 4216; рѣшено же уголовныхъ дѣлъ противъ прежняго года менѣе на 1530, а гражданскихъ болѣе на 5107.

Наибольшее число вступившихъ уголовныхъ дѣлъ было въ уголовныхъ палатахъ: Вятской (2957), С. Петербургской (2366), Пермской (2122), и Курской (1709).

Наибольшее поступленіе гражданскихъ дѣлъ оказалось въ слѣдующихъ гражданскихъ палатахъ: въ 1-мъ Департаментѣ С.-Петербургской (9250), въ 1-мъ Департаментѣ Московской (5743), во 2-мъ Департаментѣ С.-Петербургской (3864).

Во всѣхъ 8-ми коммерческихъ судахъ оставалось отъ прежняго года нерѣшенныхъ дѣлъ 1146, вновь вступило 2852, а всего производилось 3998, изъ коихъ рѣшено 2932 и осталось къ 1858 году нерѣшенныхъ 1066.

Въ отдѣльности по каждому коммерческому суду число производившихся дѣлъ и успѣхъ рѣшенія были слѣдующіе:

	Производилось.	Рѣшено.	Осталось.
Въ С.-Петербургскомъ -	1067	834	233
Одесскомъ - - -	1499	1036	463
Московскомъ - -	486	402	82
Таганрогскомъ - -	617	405	212
Керченскомъ - -	152	114	38
Архангельскомъ - -	46	40	6
Войска Донскаго - -	47	21	26
Бессарабскомъ - -	84	80	4

Спорныя имущества и капиталы по производившимся во всѣхъ коммерческихъ судахъ дѣламъ простирались на сумму 35.552. 755 р. 8¼ коп.

Въ вѣдомствѣ всѣхъ коммерческихъ судовъ состояло 398 конкурсовъ надъ несостоятельными должниками. Изъ числа этихъ конкурсовъ по 116 ликвидація долговъ несостоятельныхъ

должниковъ въ теченіи года кончена, и за тѣмъ къ 1858 году осталось 282 конкурса.

д) По судебнымъ мѣстамъ первой степени. Въ судебныхъ мѣстахъ первой степени, т. е. уѣздныхъ судахъ, магистратахъ и другихъ равныхъ имъ мѣстахъ, всѣхъ вообще дѣлъ, какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ, отъ прежняго года оставалось 80,150, вновь поступило 185,210, а всего производилось 265,360, изъ коихъ рѣшено 184,079 и осталось къ 1858 году нерѣшенныхъ 81,281, въ томъ числѣ собственно за судебными мѣстами 21,608.

Сравнительно съ прошлымъ годомъ количество всѣхъ производившихся дѣлъ (265,360) увеличилось на 648 дѣлъ, а число рѣшенныхъ дѣлъ (184,079) уменьшилось на 862.

Уголовныхъ дѣлъ было въ производствѣ въ судебныхъ мѣстахъ первой степени почти вдвое болѣе, чѣмъ гражданскихъ и число рѣшенныхъ уголовныхъ дѣлъ, почти втрое превышало число рѣшенныхъ гражданскихъ.

Изъ общаго числа (130,093) рѣшенныхъ уголовныхъ дѣлъ, 74,298 окончательно рѣшены самими низшими мѣстами безъ переноса во вторую инстанцію. Изъ общаго числа 53,986 рѣшенныхъ гражданскихъ дѣлъ, подобнымъ образомъ рѣшено 24,250 дѣлъ.

2) Перечневыя свѣдѣнія о числѣ лицъ, находящихся подъ судомъ и о главныхъ родахъ преступленій.

Общее число лицъ, о коихъ по всѣмъ судебнымъ мѣстамъ въ Имперіи производились уголовныя дѣла, простиралось въ 1857 году до 383,213, изъ нихъ 69,654, т. е. болѣе $^1/_5$ части, содержалось подъ стражею, а прочіе находились на свободѣ.

Сравнительно съ прошлымъ годомъ число подсудимыхъ вообще увеличилось на 17 человѣкъ, а число арестантовъ болѣе чѣмъ на 5000 (*)

Между содержавшимися подъ стражею было лицъ женскаго пола 10,515, что составляетъ около $^1/_7$ части всѣхъ арестантовъ.

Изъ общаго числа подсудимыхъ оправдано 98,754, обвинено 60,443 и освобождено по Всемилостивѣйшему Манифесту 40,866.

Такимъ образомъ число оправданныхъ составляетъ почти $^1/_4$ а обвиненныхъ $^1/_7$ часть общаго числа подсудимыхъ.

Изъ числа обвиненныхъ приговорено къ наказаніямъ съ лишеніемъ правъ состоянія 5,553 и безъ лишенія правъ состоянія 54,890.

Въ числѣ лишенныхъ правъ состоянія находилось: присужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы 1877, присужденныхъ къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь 3.460 и къ ссылкѣ на поселеніе за Кавказъ 216.

По сословіямъ въ числѣ преступниковъ, лишенныхъ правъ состоянія было: дворянъ потомственныхъ 16, дворянъ личныхъ 27, духовнаго званія 17, купцовъ 5, прочихъ сословій 5,508.

По главнымъ родамъ преступленій обвиненныхъ какъ съ лишеніемъ, такъ и безъ лишенія правъ состоянія было: по воровству-кражѣ 6706, бродяжничеству 4029, порубкѣ лѣсовъ 1341, нарушенію правилъ о питейномъ сборѣ 1325, смертоубійству 1147, воровству мошенничеству 551, грабежу 551, зажигательству 310, святотатству 169, поддѣлкѣ монеты 111, разбою 66.

По симъ родамъ преступленій болѣе или менѣе значительное количество обвиненныхъ было по слѣдующимъ губерніямъ и именно:

(*) Въ 1856 году освобождено много арестантовъ по Всемилостивѣйшему Манифесту.

По воровству-кражѣ. Въ Пермской (890), Подольской (259), Кіевской (242), С. Петербургской (226), Курляндской (192), Московской и Ковенской по (179), Костромской (173), Волынской (154), Самарской (153), Тобольской (144), Гродненской (139), Черниговской (133), Полтавской (131), Казанской (118). Всего менѣе было обвиненныхъ въ семъ преступленіи по губерніямъ: Олонецкой (7), Астраханской (9), Иркутской (22), Архангельской (30), Екатеринославской (29), Новгородской (29), Псковской (31) и по всѣмъ губерніямъ Кавказскаго и Закавказскаго края.

По бродяжничеству. Въ Пермской (695), Екатеринославской (338), Саратовской (171), Кіевской (136), Полтавской (120), Московской (114), Тамбовской (92), Владимірской (87), Нижегородской (85), Самарской (85), Калужской (83), Симбирской (82), Херсонской (91), С. Петербургской (75).

За порубку лѣсовъ. Обвинено по губерніямъ: Воронежской (293), Пермской (270), Нижегородской (134), Курской (128), Рязанской (109), Саратовской (74), Московской (63).

По нарушенію правилъ о питейномъ сборѣ и по корчемству. Обвинено по одной Вятской губерніи почти половина (605), всего количества изобличенныхъ въ семъ нарушеніи законовъ въ совокупности по всѣмъ прочимъ губерніямъ. Затѣмъ значительное количество обвиненныхъ было въ Пермской губерніи (184).

По смертоубійству. Самое значительное число обвиненныхъ было по губерніямъ: Пермской (65), Тульской (48), Вятской (37), Тобольской (36), Симбирской (35), Рязанской (32), Томской (32), Тамбовской (29), Полтавской (23). Самое меньшее количество обвиненныхъ по губерніямъ: Олонецкой (1), Саратовской (3) и Бессарабской области (3).

По воровству мошенничеству. Въ С. Петербургской (143), Пермской (70), Оренбургской (67), Минской (17); затѣмъ по прочимъ губерніямъ количество лицъ, обвиненныхъ въ семъ преступленіи, не превышало 10.

По грабежу. Точно также какъ и въ прошедшемъ году количество обвиненныхъ по одной Пермской губерніи (375), составляетъ болѣе половины преступниковъ по всѣмъ прочимъ губерніямъ въ совокупности. По губерніямъ же Гродненской, Полтавской и Эстляндской вовсе не возникало въ 1857 году дѣлъ о совершеніи сего рода преступленій.

По зажигательству. Болѣе всего обвиненныхъ было: по губерніямъ: Ярославской (56) и Вятской (29). По губерніямъ же Олонецкой, Кутаисской и Таврической не возникало дѣлъ вовсе по сему роду преступленія.

По святотатству было обвиненныхъ всего болѣе по губерніямъ: Симбирской (33), Курской (25) и Рязанской (12).

За поддѣлку монеты и вообще по нарушенію уставовъ монетныхъ всего болѣе подсудимыхъ было по губерніямъ: Тобольской, Самарской, Симбирской, Астраханской, Саратовской, Нижегородской и Пермской, но изобличенныхъ и обвиненныхъ въ семъ преступленіи было болѣе прочихъ губерній по одной только Пермской (14).

По разбою. Самое бо́льшее число привлеченныхъ къ суду лицъ было по губерніяхъ Подольской и Нижегородской, по послѣдней изъ нихъ обвинено въ семъ преступленіи 12 подсудимыхъ; въ 26-ти губерніяхъ вовсе не возникало по сему роду преступленія дѣлъ.

3) *Состояніе Архивовъ судебнаго вѣдомства.*

Рѣшенныя дѣла судебнаго вѣдомства, которыя по установленнымъ правиламъ подлежатъ сдачѣ въ Архивъ, сохраняются въ Архивахъ: С.-Петербургскомъ Сенатскомъ, Разборномъ, учрежденномъ при Департаментѣ Герольдіи, Московскомъ Сенатскомъ, Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи и въ архивахъ Губернскихъ и Уѣздныхъ судебныхъ мѣстъ.

С.-Петербургскій Сенатскій Архивъ. Въ С.-Петербургскій Сенатскій Архивъ въ теченіи 1857 года поступило изъ С.-Пе-

тербургскихъ Департаментовъ и Общихъ Собраній Сената и изъ Департамента Министерства Юстиціи разнаго рода дѣлъ, опредѣленій, журналовъ, книгъ, и приходорасходныхъ документовъ 73,912.

Изъ этого числа собственно дѣлъ поступило 35,945, опредѣленій 7,444, журналовъ 335, книгъ 376 и приходорасходныхъ документовъ 29,812.

Кромѣ того въ С.-Петербургскій Сенатскій архивъ, по особому распоряженію Министерства Юстиціи, доставлены изъ архива Устюжскаго уѣзднаго суда 2053 дѣла, Воеводской Канцеляріи съ 1704 по 1766 годы и 350 столбцевъ XVII столѣтія. Дѣла Воеводской Канцеляріи будутъ разобраны однимъ изъ чиновниковъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, для разрѣшенія вопроса, какія изъ нихъ можно уничтожить и какія слѣдуетъ хранить, а столбцы XVII столѣтія препровождены будутъ для храненія въ Московскій архивъ Министерства Юстиціи.

Изъ хранившихся въ С.-Петербургскомъ архивѣ старыхъ дѣлъ подвергнуты были разбору писанныя на нѣмецкомъ языкѣ дѣла бывшей Юстицъ-Коллегіи Эстляндскихъ и Лифляндскихъ дѣлъ. Часть сихъ дѣлъ, именно 5334, окончательно признана подлежащею храненію и отправлена уже для сей цѣли въ Московскій архивъ Министерства Юстиціи; остальнымъ же дѣламъ, въ числѣ 13971, производится въ настоящее время особо командированнымъ отъ Министерства Юстиціи чиновникомъ подробнѣйшая повѣрка, по окончаніи которой упомянутыя дѣла предположено передать на разсмотрѣніе составленной на сей предметъ Коммиссіи, для представленія соображеній о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ на счетъ этихъ дѣлъ.

Разборный архивъ Герольдіи. Разборный архивъ Герольдіи учрежденъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ дворянскихъ.

Чиновники сего архива, дѣйствуя на основаніи преподанныхъ имъ инструкцій и частныхъ предписаній, до 1858 года успѣли сдѣлать уже слѣдующія главнѣйшія работы:

Первоначально разобраны были находившіяся въ Канцеляріи Департамента Герольдіи дѣла и отдѣлены подлежавшія производству отъ оконченныхъ. Послѣднихъ оказалось 20,405, которыя и поступили для приведенія въ порядокъ въ Разборный архивъ Герольдіи, куда, между тѣмъ, изъ Сенатскаго и Герольдейскаго архивовъ съ тою же цѣлію передано было 53,440 дѣлъ.

Дѣла дворянскія съ 1726 по 1813 годы (бывшихъ Герольдмейстерской Конторы и Герольдіи) окончательно уже повѣрены, описаны и приведены въ порядокъ. Изъ нихъ образовался особый отдѣлъ дворянскихъ дѣлъ и всѣ они переданы изъ Разборнаго въ постоянный архивъ Герольдіи.

Относительно дворянскихъ дѣлъ съ 1813 по 1848 годъ, т. е. по время образованія Департамента Герольдіи, произведены уже слѣдующія главнѣйшія работы: по всѣмъ дѣламъ повѣрена цѣлость и правильность подшивки заключающихся въ оныхъ бумагъ, списано и пріобщено нѣсколько тысячъ копій съ рѣшеній Герольдіи по тѣмъ дѣламъ, при которыхъ ихъ не было, составлены по каждому дѣлу частная опись и обертка, сдѣлана всѣмъ дѣламъ общая опись съ раздѣленіемъ на разряды: дѣламъ о княжескихъ, графскихъ и баронскихъ родахъ или титлахъ, по выдачѣ дипломовъ, по выдачѣ копій съ гербовъ и родословныхъ съ раздѣленіемъ на губерніи; описанныя такимъ образомъ дѣла размѣщены по отдѣламъ и составлена общая опись дѣламъ дворянскимъ, внесеннымъ въ общій гербовникъ Россійской Имперіи.

Засимъ къ январю 1858 года оставались еще неоконченными слѣдующія главнѣйшія работы: не списано и не пріобщено къ дѣламъ 650 копій съ рѣшеній, не отмѣчены въ дѣлахъ и Коммиссейскихъ спискахъ резолюціи, соотоявшіяся по журналамъ, не составлено особой описи дѣламъ, которыя оказались неоконченными и самыя дѣла эти не переданы для дальнѣйшаго производства въ Департаментъ Герольдіи, не сдѣлано еще алфавита родамъ, внесеннымъ въ гербовникъ и не

составлено общаго алфавита всѣмъ фамиліямъ, о коихъ дѣла находятся въ Герольдіи.

Московскій Сенатскій архивъ. Въ Московскій Сенатскій архивъ въ теченіи 1857 года изъ Московскихъ Департаментовъ и Общаго Собранія Сената поступило разнаго рода дѣлъ, книгъ и документовъ 5,321.

Изъ этого числа собственно дѣлъ принято 3993, книгъ 332 и документовъ 996.

Передано въ Московскій архивъ Министерства Юстиціи, для храненія, дѣлъ стараго времени 96,908.

Московскій архивъ Министерства Юстиціи (*). Московскій архивъ Министерства Юстиціи преобразованъ 2 января 1853 года изъ бывшихъ архивовъ Разряднаго, Старыхъ Дѣлъ и Вотчиннаго Департамента.

Онъ заключаетъ въ себѣ три отдѣленія, изъ коихъ *въ первомъ,* составленномъ изъ прежняго Разряднаго архива, хранится: столбцевъ 10,351, книгъ 6,134 и вязокъ 239; *во второмъ,* составленномъ изъ прежняго зрхива Старыхъ Дѣлъ находится, кромѣ секретныхъ дѣлъ Тайной канцеляріи, столбцовъ 15,095, книгъ 71,048 и вязокъ 11,387; *въ третьемъ,* составленномъ изъ бывшаго Вотчиннаго Департамента, заключается столбцевъ 24,990, книгъ 17,830 и вязокъ 858.

Во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ находится однихъ описей и алфавитовъ документамъ 1406 книгъ. При чемъ кромѣ составленныхъ по общей архивной формѣ указателей по всѣмъ вообще отдѣламъ документовъ, нѣкоторымъ изъ нихъ, по важности содержанія, составлены особые указатели и извлеченія, снабженные учеными объясненіями историческаго и юридическаго значенія документовъ.

(*) Архивъ этотъ, представляющій богатѣйшее собраніе матеріаловъ по части отечественной исторіи и исторіи права, будетъ предметомъ особой, подробной статьи въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Журнала Министерства Юстиціи. Прим. Ред.

Въ теченіи 1857 года *въ первомъ* отдѣленіи продолжалось составленіе алфавитныхъ указателей документовъ герольдмейстерской конторы и разрядныхъ книгъ разныхъ городовъ. *Во второмъ* отдѣленіи описаны и размѣщены 76,390 дѣлъ, принятыхъ изъ Московскаго Сенатскаго архива, продолжалось составленіе алфавитнаго указателя крѣпостнымъ книгамъ Юстицъ-Коллегіи, свидѣтельствовались въ вѣрности и переписывались набѣло описи 379 вязкамъ патріаршаго, монастырскаго и суднаго приказовъ, а также оканчивалась повѣрка описей древнимъ жалованнымъ грамотамъ и другимъ актамъ Коллегіи Экономіи. *Въ третьемъ* отдѣленіи окончена обширная работа составленія алфавитныхъ указателей книгамъ съ производствами Вотчинной Коллегіи о недвижимыхъ имѣніяхъ, составлены вновь, вмѣсто прежнихъ, оказавшихся недостаточными, описи 97-ми книгамъ по нѣкоторымъ городамъ, повѣрены описи 277-ми книгамъ по другимъ городамъ и переписано набѣло 1661 листъ описей.

За тѣмъ съ января 1858 года оставалось *по первому* отдѣленію составить алфавитные указатели 66-ти книгамъ герольдмейстерской конторы и 32 книгамъ разряднаго архива; по *второму* отдѣленію сдѣлать алфавитные указатели 26-ти книгамъ Юстицъ-Коллегіи; по *третьему*,—окончить начатыя работы по составленію новыхъ и повѣркѣ старыхъ описей, оставшихся отъ бывшаго Вотчиннаго Департамента.

Кромѣ общихъ описательныхъ занятій по архиву, въ 1857 году изготовленъ и отпечатанъ сборникъ снимковъ съ древнихъ печатей, приложенныхъ къ жалованнымъ грамотамъ и другимъ актамъ, хранящимся въ архивѣ. Сборникъ этотъ, снабженный надлежащимъ введеніемъ и объяснительными приложеніями, долженъ принести несомнѣнную пользу отечественной сфрагистикѣ.

II. Обозрѣніе дѣйствій министерства юстиціи по денежной части.

О судебныхъ сборахъ.

Къ судебнымъ сборамъ относятся: пошлины съ актовъ, гербовый сборъ и штрафныя деньги.

Во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ въ 1857 году явлено и совершено крѣпостнымъ порядкомъ разнаго рода актовъ 131,131, т. е. противъ прежняго года болѣе чѣмъ на 19,000 актовъ.

Опредѣленная въ сихъ актахъ цѣнность имуществъ простиралась на сумму свыше 243,822,000 руб. и превышала подобную сумму 1856 года на 43.185,645 руб. 93¼ коп.

При совершеніи актовъ взыскано: крѣпостныхъ 4-хъ процентныхъ пошлинъ 3.191,332 р. 69½ коп., сбора ¼ процентнаго въ городскую пользу 142,677 р. 38¾ коп. и канцелярскихъ за написаніе актовъ пошлинъ 148,667 р. 28 к.; сумма перваго изъ сихъ сборовъ превышаетъ прошлогоднюю сумму на 888,251 р. 94 к., втораго на 31,339 р. 44 к. и третьяго на 12,074 р. 21 коп.

Сравнительно съ прочими губерніями всего болѣе совершено и явлено актовъ въ губерніяхъ: С.-Петербургской (10,794) на сумму 48.615,840 руб. и въ Московской (10,113) на сумму 29.103,306 руб. 94¾ к. За тѣмъ по количеству суммъ, на которыя совершены акты, замѣчательны губерніи: Кіевская (11.344,510 р. 33¾ к.), Подольская (9.844,176 р. 77 к), Харьковская (6.431,622 р. 35 к.), Лифляндская (6.103,928 р. 70 к.), Херсонская (5.988,027 р. 10¾ к.). Екатеринославская (5.753,983 р. 4¼ к.), Ковенская (5.295,802 р. 22¾ к.), Курляндская (5.259,191 р. 56¾ к.), Бессарабская Область (4.772,528 р. 22½ к.), Пермская губернія (4.199,400 р. 73½ коп.), Тверская (3.710,370 р. 74¼ к.) и Новгородская (3.139,359 р. 83¼ коп.).

б.) *Гербовый сборъ.* Крѣпостной бумаги для написанія разнаго рода актовъ, а также обыкновенной гербовой бумаги по дѣлопроизводству употреблено въ судебныхъ мѣстахъ въ

1857 году, на 14,991 р. 83 к. менѣе, нежели въ предшествовавшемъ году, и именно на 681,204 р. 53 к.

Сумма эта по количеству распредѣляется между судебными мѣстами въ слѣдующей постепенности: въ судебныхъ мѣстахъ средней инстанціи 486.145 р. 63 коп., въ судебныхъ мѣстахъ низшей инстанціи, какъ то: уѣздныхъ судахъ, магистратахъ и ратушахъ 185,781 р. 80 к. и въ прочихъ низшихъ мѣстахъ Министерства Юстиціи 9,277 р. 10¼ коп.

Въ числѣ общей суммы 681,204 р. 53¼ к. заключалось представленной въ судебныя мѣста крѣпостной актовой бумаги на 407,929 р. 71½ к., обыкновенной гербовой для дѣлопроизводства на 135,989 р. 20 к. Остальныя же суммы (37,285 р. 61¾ к.) взысканы самими судебными мѣстами за простую бумагу, употребленную вмѣсто гербовой.

в.) *Штрафныя деньги.* Рѣшеніями судебныхъ мѣстъ опредѣлено въ 1857 году взыскать съ тяжущихся штрафныхъ денегъ за неправую апелляцію и вчинаніе неправильныхъ исковъ 379,898 р. 5½ коп., болѣе нежели въ 1856 году (257,738 р. 89¼,) на 122,159 р. 16¼ коп.

Дѣйствительно же взыскано въ 1857 году штрафныхъ денегъ 349,593 р. 99 к., сравнительно съ 1856 годомъ менѣе на 80,143 р. 10 к.

Причину сего уменьшенія можно полагать въ томъ, что значительная часть опредѣленныхъ въ прежнее время штрафныхъ взысканій оставалась въ недоимкѣ въ 1857 году и сложена, на основаніи Всемилостивѣйшаго Манифеста 26 августа 1856 года. Количество такого рода суммъ, сложенныхъ по манифесту, простиралось по гражданскимъ палатамъ свыше 248,243 р., по уѣзднымъ судамъ до 4.857 р. и по магистратамъ до 1,897 р., всего 254,996 р. 15¼ коп.

Изъ числа штрафныхъ денегъ, взысканныхъ въ 1857 году, 220,754 р. 80½ коп., на основаніи закона, обращены въ доходъ казны, а 128,839 р. 18½ к. взысканы въ пользу судей, которые участвовали въ рѣшеніи дѣлъ.

ОТДѢЛЪ III.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ.

Главнѣйшія перемѣны въ личномъ составѣ по вѣдомству Министерства Юстиціи.

1) ПО ДЕПАРТАМЕНТУ МИНИСТЕРСТВА.

Назначенъ: старшій помощникъ столоначальника, титулярный совѣтникъ *Хвостовъ*—столоначальникомъ (4 августа 1859 г.).

(Приказъ отъ 15 августа за № 12).

Награжденъ, по журналу Департамента Герольдіи, чиномъ Надворнаго Совѣтника, слѣдовавшимъ при отставкѣ: состоявшій при Департаментѣ, коллежскій ассессоръ Николай *Черкасовъ* (18 августа 1859 г.).

(Приказъ отъ 24 августа за № 13).

2) ПО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ ВООБЩЕ:

Продолженъ срокъ заграничнаго отпуска: сенатору тайному совѣтнику *князю Вяземскому*, еще на три мѣсяца.

(Высочайшій Приказъ отъ 12 августа за № 11).

3) по 1-му департаменту правительствующаго сената:

Переведенъ: старшій помощникъ столоначальника Департамента Министерства, коллежскій ассессоръ *Латышевъ*—секретаремъ (28 іюля 1859 г.).

(Приказъ отъ 5 августа за № 11).

Назначенъ: старшій помощникъ секретаря титулярный совѣтникъ *Гартманъ*—секретаремъ (1-го августа 1859 г.).

(Приказъ отъ 24 августа за № 13).

4) по 2-му департаменту правительствующаго сената:

Произведены за выслугу лѣтъ, журналомъ Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената, со старшинствомъ:

Въ Надворные Совѣтники: секретарь, коллежскій ассессоръ Иванъ *Кандауровъ*—съ 9 декабря 1856 г.

Въ Коллежскіе Ассессоры: секретарь, титулярный совѣтникъ Владиміръ *Самарскій-Быховецъ*—съ 23 мая 1858 г.

(Приказъ отъ 15 августа за № 12).

5) по 2-му отдѣленію 3-го департамента правительствующаго сената:

Произведенъ за выслугу лѣтъ, журналомъ Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената, со старшинствомъ, въ Коллежскіе Ассессоры: секретарь, титулярный совѣтникъ Матвѣй *Баумгартенъ*, съ 31 августа 1858 г.

(Приказъ отъ 5 августа за № 11).

6) по 4-му департаменту правительствующаго сената:

Произведенъ за выслугу лѣтъ, журналомъ Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената, со старшинствомъ, въ

Надворные Совѣтники: состоящій въ должности оберъ-секретаря, коллежскій ассессоръ Амвросій *Заборовскій*, съ 15 мая 1859 г.

(Приказъ отъ 5 августа за № 11).

7) по 1-му отдѣленію 5-го департамента правительствующаго сената:

Произведенъ за выслугу лѣтъ, журналомъ Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената, со старшинствомъ, въ Статскіе Совѣтники: оберъ-секретарь, коллежскій совѣтникъ Николай *Тизенгаузенъ*, съ 8 мая 1859 г.

(Приказъ отъ 24 августа за № 13).

8) по 2-му отдѣленію 5-го департамента правительствующаго сената:

Назначенъ: переводчикъ польскаго языка, коллежскій ассессоръ *Климонтовичъ*—секретаремъ (29 іюля 1859 г.).

(Приказъ отъ 15 августа за № 12).

Уволенъ отъ должности оберъ-секретаря, съ причисленіемъ къ Департаменту Министерства Юстиціи—надворный совѣтникъ *Лихардовъ* (11 августа 1859 г.).

9) по С. петербургскому сенатскому казначейству:

Произведенъ за выслугу лѣтъ, журналомъ Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената, со старшинствомъ въ Надворные Совѣтники: бухгалтеръ, коллежскій ассессоръ Илья *Федоровъ*, съ 12 іюля 1858 г.

(Приказъ отъ 5 августа за № 11).

10) по 8-му департаменту правительствующаго сената:

Переведенъ: старшій помощникъ секретаря 1-го отдѣленія 6-го департамента, титулярный совѣтникъ *Пановъ*—секретаремъ (25 іюня 1859 г.)

(Приказъ отъ 5 августа за № 11).

11) по московскому сенатскому архиву:

Умершій исключенъ изъ списковъ: секретарь, надворный совѣтникъ *Анохинъ*.

(Приказъ отъ 5 августа за № 11).

12) по московскому сенатскому казначейству:

Назначенъ: контролеръ, коллежскій ассессоръ *Рейдеръ*—казначеемъ (1 августа 1859 г.).

(Приказъ отъ 15 августа за № 12).

13) по губернскимъ учрежденіямъ:

Назначены: секретарь 1-го департамента Правительствующаго Сената, коллежскій ассессоръ *Латышевъ*—товарищемъ предсѣдателя Херсонской палаты гражданскаго суда (31 іюля 1859 г.).

Воронежскій губернскій уголовныхъ дѣлъ стряпчій, коллежскій ассессоръ *Халютинъ*—товарищемъ предсѣдателя тамошней палаты гражданскаго суда (15 іюля 1859 г.).

Пермскій губернскій казенныхъ дѣлъ стряпчій, коллежскій секретарь *Баумеръ*—исправляющимъ должность совѣтника черниговской палаты гражданскаго суда (15 іюля 1859 г.).

(Приказъ отъ 5 августа за № 11).

Секретарь 1 отдѣленія 5 департамента Правительствующаго Сената, коллежскій ассессоръ *Жерве*—Ковенскимъ губернскимъ прокуроромъ (1 августа 1859 г.).

(Приказъ отъ 15 августа за № 12).

Переведенъ: Ковенскій губернскій прокуроръ, коллежскій ассессоръ *Извольскій*—на ту же должность въ Минскъ (15 іюля 1859 г.).

(Приказъ отъ 5 августа за № 11).

Утвержденъ по выборамъ: товарищъ предсѣдателя С. Петербургскаго коммерческаго суда, статскій совѣтникъ *Линкъ*—въ той же должности (7 іюля 1859 г.).

(Высочайшій приказъ отъ 12 августа за № 11).

Утверждены въ должностяхъ: Костромскаго губернскаго прокурора—исправляющій эту должность, коллежскій совѣтникъ *Кащіевъ* (1 августа 1859 г.).

Совѣтника Лифляндскаго гофгерихта,—исправляющій эту должность, надворный совѣтникъ *Беттихеръ* (1 августа 1859 г.).

(Приказъ отъ 15 августа за № 12).

Произведены за выслугу лѣтъ, журналомъ Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената, со старшинствомъ:

Въ Статскіе Совѣтники: коллежскіе совѣтники: предсѣдатель Самарской палаты гражданскаго суда—Сергѣй *Пироговскій* съ 30 января 1859 года и исправляющій должность Черниговскаго губернскаго прокурора—Александръ *Соколовъ* съ 23 октября 1858 года.

Въ Коллежскіе Совѣтники: исправляющій должность совѣтника Полтавской палаты уголовнаго суда, надворный совѣтникъ Андрей *Кушакевичъ* съ 7-го ноября 1858 года.

Въ Коллежскіе Ассессоры: титулярные совѣтники, предсѣдатели палатъ уголовныхъ судовъ: Новгородской—Александръ *Азарьевъ* съ 24-го марта 1856, Полтавской—Родіонъ *Милорадовичъ* съ 30-го сентября 1857, Могилевской—Игнатій *Бржостовскій* съ 6-го и исправляющій должность прокурора Керчь-Еникольскаго Градоначальства—Григорій *Лаврененко* съ 23-го октября 1858 года.

(Приказъ отъ 24 августа за № 13).

II.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

О ПРИЧИНАХЪ ОБИЛІЯ ТЯЖБЪ ВЪ БЕССАРАБІИ

При постоянныхъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, занятіяхъ производствомъ гражданскихъ дѣлъ Бессарабской области, мнѣ всегда было больно видѣть, что этотъ прекрасный уголокъ южной Россіи, съ избыткомъ вознаграждающій и трудъ земледѣльца, и интересъ землевладѣльца, заглушается плевелами ябеды и страсти къ сутяжничеству, вредящими его цивилизаціи. Это побудило меня изслѣдовать причины безпрестаннаго возникновенія тамъ тяжбъ и плодами моихъ изслѣдованій подѣлиться какъ съ тѣми читателями, не-Бессарабцами, для которыхъ этотъ, самъ по себѣ сухой, предметъ можетъ быть почему-нибудь интересенъ, такъ, *въ особенности*, съ жителями Бессарабской области, которымъ если статья эта принесетъ малѣйшую пользу, то я буду уже счастливъ однимъ убѣжденіемъ, что въ общемъ дѣлѣ искорененія всякаго зла въ нашемъ отечествѣ «и моего хоть капля меду есть.»

Изысканныя мною причины основываются: во первыхъ, на фактахъ историческихъ, во вторыхъ, на мѣстныхъ обычаяхъ и въ третьихъ на законахъ края. Слѣдуя этимъ подраздѣленіямъ, я приступаю къ изложенію своихъ выводовъ.

А.) *Причины, вытекающія изъ историческихъ событій.*

Бессарабская область, заключающая въ себѣ собственно Бессарабію и часть восточной Молдавіи, до присоединенія ея къ Россіи (въ 1812 году по Бухарестскому трактату), состояла подъ владычествомъ Оттоманской Порты и управлялась какъ въ полицейскомъ, такъ и въ судебномъ отношеніи мѣстными сардярями, (*) Молдавскимъ Диваномъ и тамошними господарями. Недовольные рѣшеніями мѣстныхъ сардарей отправлялись судиться въ Яссы и тамъ получали окончательныя рѣшенія, заключавшіяся въ конфирмованныхъ господаремъ докладахъ Дивана (анафорахъ), а также въ грамотахъ, выдававшихся за подписью господаря, или Велъ-Логофета, (**) или съ приложеніемъ одной господарской печати. Послѣднія изъ этихъ рѣшеній, считаясь, подобно первымъ, окончательными, въ существѣ не были такими. Часто господари, по вновь представленнымъ доказательствамъ, отмѣняли и свои собственныя и предмѣстниковъ своихъ грамоты другими грамотами же, извращая такимъ образомъ права владѣній поземельною собственностію. Нерѣдко, эти новыя грамоты оставались неприведенными своевременно въ существенное исполненіе; а между тѣмъ, военныя смуты и оттоманскій деспотизмъ вынуждали самихъ владѣльцевъ удаляться изъ своихъ вотчинъ, предоставляя ихъ на произволъ судьбы. Долголѣтнее отсутствіе вотчинниковъ, смерть ихъ, малолѣтство наслѣдниковъ, утрата документовъ и потому неизвѣстность о настоящихъ правахъ собственности, затемнили, запутали эти права, какъ вообще на земли Бессарабіи, такъ въ

(*) Тоже, что наши исправники.

(**) Званіе, равняющееся нынѣшнему канцлеру.

особенности на земли нынѣшняго Хотинскаго уѣзда, отнятыя обще съ землями, лежащими около Браилова и Бендеръ, у монастырей и частныхъ лицъ подъ турецкое военное поселеніе, вслѣдствіе чего всѣ эти земли назывались Раями. Для разбора правъ прежнихъ владѣльцевъ на земли Хотинской Раи, не возстановленныхъ Портою въ противность Кучукъ-Кайнарджискаго трактата (10 іюля 1774 г.) и изъяснительной конвенціи (10 марта 1779 г.),—по занятіи въ 1806 г. Россійскими войсками Молдавіи и Валахіи, учрежденъ былъ (въ 1808 г.) особый, въ Яссахъ, Комитетъ. Но этотъ Комитетъ выдавалъ свидѣтельства на извѣстныя Хотинскія вотчины лицамъ, предъявившимъ на нихъ документы, не входя въ разсмотрѣніе пространства правъ на тѣ вотчины самихъ предъявителей; а Диванъ, по такимъ свидѣтельствамъ, выдавалъ претендентамъ, съ утвержденія предсѣдательствовавшаго тогда въ немъ нашего сенатора, владѣтельныя грамоты (*). На основаніи такихъ-то грамотъ, многія лица воспользовались или бо́льшимъ, чѣмъ имъ слѣдовало, или и вовсе непринадлежащимъ правомъ владѣнія. . . .

По присоединеніи къ Россіи земель, составляющихъ Бессарабскую область, хотя назначенъ былъ, на основаніи Бухарестскаго трактата (16 мая 1812 года), 18-ти мѣсячный срокъ на обмѣнъ, посредствомъ продажи, между оставшимися въ Турецкомъ и перешедшими въ Россійское подданство лицами принадлежащихъ имъ въ обоихъ государствахъ земель, и по этому случаю, для утвержденія заключенныхъ актовъ и для разбора могущихъ возникнуть споровъ, также утвержденъ былъ, въ Яссахъ, особый Комитетъ; но эта предусмотрительная мѣра не достигла желаемой цѣли: обмѣнъ всѣхъ земель въ назначенный срокъ не совершился. По поводу же полученнаго въ пос-

(*) Со времени занятія нашими войсками (въ 1806 г.) Молдавіи и Валахіи до октября 1812 г. въ Диванахъ обоихъ княжествъ предсѣдательствовали два нашихъ сенатора: Кушниковъ и Красномилашевичъ.

лѣдствіи (конфиденціально) главнокомандующимъ Дунайскою Арміею адмираломъ Чичаговымъ Высочайшаго повелѣнія о томъ, чтобы не стѣснять 18-ти мѣсячнымъ срокомъ Молдавскихъ подданныхъ, владѣющихъ въ Бессарабской области имѣніями, многіе изъ Молдаванъ не только остались, по прежнему, владѣльцами имѣній въ Бессарабіи, но пріобрѣтали тамъ, по сдѣлкамъ, еще новыя вотчины, т. е. сверхъ неоффиціально-дозволеннаго права временнаго, незаконно присвоили право постоянное.

Всѣ изложенныя выше событія возбудили большое количество дѣлъ, по послѣднему случаю—административныхъ, а по предъидущимъ предметамъ—сложныхъ, запутанныхъ и безконечныхъ—тяжебныхъ: *сложныхъ*—по совокупности правъ на однѣ и тѣже вотчины многихъ лицъ, доказывающихъ иногда происхожденіе свое отъ родоначальника, существовавшаго назадъ тому за сто лѣтъ; *запутанныхъ* — по неясности и противорѣчію представляющихся во множествѣ документовъ, часто лишенныхъ всякой формальности, а часто подозрѣваемыхъ даже и въ жалкой ихъ дѣйствительности,—по очевидности поддѣлки, напримѣръ, самыхъ господарскихъ грамотъ съ перенесеніемъ на нихъ печатей, вырѣзанныхъ изъ другихъ какихъ-нибудь, потерявшихъ уже свое достоинство, подлинныхъ грамотъ; и *безконечныхъ*—потому, что по рѣшеніи главныхъ тяжбъ о правѣ на самыя имѣнія возникаютъ *иногда* дѣла уголовныя, а *всегда* новые гражданскіе иски за провладѣніе отсужденными имѣніями, за проѣсти и волокиты, за убытки и судебныя издержки, понесенные по производству дѣлъ.

Тяжбы, возбуждаемыя обстоятельствами, объясненными въ этомъ отдѣлѣ, можно назвать *неизбѣжными*, какъ мѣстныя болѣзни. Уменьшеніе этихъ тяжбъ зависитъ единственно отъ благоразумія и добросовѣстности самихъ тяжущихся и ихъ повѣренныхъ, не всегда выказывающихся по производству дѣлъ, особенно со стороны послѣднихъ, старающихся, для собственной выгоды, не уменьшать, а распложать процессы, неимѣющіе даже никакого законнаго основанія.

Б.) Причины, проистекающія изъ обычаевъ края.

Немногіе изъ Бессарабскихъ помѣщиковъ или значительныхъ землевладѣльцевъ занимаются сами сельскимъ хозяйствомъ; бо́льшая часть отдаетъ имѣнія свои въ аренду, или, по мѣстному выраженію, *въ поссесію* разнымъ лицамъ, рѣдко туземцамъ, понимающимъ дѣло и умѣющимъ оцѣнить свою выгоду, а болѣе выходцамъ изъ Подольской губерніи, изъ смежныхъ Австрійскихъ владѣній и изъ другихъ мѣстъ. Эти пришлецы, мечтая о средствахъ къ обогащенію, рискуютъ маленькими своими капиталами и бросаются въ сдѣлки на удачу. Сдѣлки эти обусловливаются формальными срочными контрактами, или договорами, обеспечиваемыми въ точномъ ихъ исполненіи задаточными деньгами и положеніемъ значительной неустойки. Платежи арендныхъ или поссесіонныхъ денегъ производятся обыкновенно два раза въ годъ: 23 апрѣля и 26 октября. При малѣйшей, въ чемъ бы то ни было, неисправности арендатора или поссесора, помѣщикъ лишаетъ его права на продолженіе поссесіи, часто выгоняетъ изъ имѣнія и передаетъ аренду другому лицу. Изъ сего возникаютъ иски: *отъ помѣщика* на поссесора—за неуплату арендной суммы, за невыполненіе—если были условлены—натуральныхъ обязанностей и за неустойку; *отъ поссесора* на помѣщика—за нарушеніе договора, за оставшуюся въ имѣніи движимую собственность самаго поссесора, за убытки. Послѣдствія этихъ исковъ—долголѣтнія тяжбы, разстройство въ занятіяхъ, а слѣдовательно въ средствахъ къ жизни, и самое раззореніе той или другой тяжущейся стороны. . .

Продукты, получаемые изъ имѣній (хлѣбъ, кукуруза, виноградное вино и проч:), запродаются въ Бессарабіи помѣщиками и поссесорами торговцамъ почти всегда до сбора еще урожая. Между тѣмъ, въ заключаемыхъ на этотъ предметъ формальныхъ договорахъ опредѣляется *количество* проданнаго и *срокъ*, въ который оно должно быть сдано покупщикамъ; при семъ, отъ послѣднихъ получаются или всѣ слѣдующія по за-

продажному договору деньги, или часть ихъ. При неурожаѣ, или при неуспѣхѣ изготовленія къ сроку запроданныхъ продуктовъ, являются *со стороны покупщиковъ* претензіи за неисполненіе договоровъ, а *со стороны продавцевъ* постоянно возникаютъ споры, основанные на какой нибудь уловкѣ, или на недоразумѣніи смысла самаго договора. Изъ этого образуются сперва полицейскія, а потомъ судебныя дѣла; послѣдствія ихъ— разстройство состояній: въ лицѣ покупщиковъ—чрезъ потрату задаточныхъ капиталовъ, обратное полученіе которыхъ отдаляется на неопредѣленное время и часто дѣлается вовсе невозможнымъ; въ лицѣ же продавцевъ наложеніемъ, въ обеспеченіе иска, или запрещенія на недвижимое или ареста на движимое имѣнія и лишеніемъ чрезъ то средствъ производить необходимые обороты . . .

Воздѣлываніе земель производится въ Бессарабіи живущими на нихъ свободными поселянами, называемыми *царанами* (*). За пользованіе землями царане, по древнимъ обычаямъ, обязаны отбывать въ пользу землевладѣльцевъ разныя повинности, назначаемыя добровольными договорами; въ случаѣ же несуществованія ихъ, взаимныя обязанности владѣльцевъ земель и живущихъ на нихъ царанъ опредѣляются правилами установленнаго закономъ (:въ 1846 году:) нормальнаго контракта (**). Переходъ съ одной владѣльческой земли на другую дозволяется по прошествіи срока заключенныхъ условій; прежде же того—только при согласіи владѣльцевъ. Тамъ, гдѣ имѣніями управляютъ сами владѣльцы, рѣдко бываютъ примѣры нарушенія взаимныхъ обязанностей. Хорошій помѣщикъ, понимающій свою пользу, снисходитъ къ случающимся иногда неисправностямъ царанъ, а сіи послѣдніе, при личномъ уваженіи къ помѣщику, какъ къ настоящему хозяину, и изъ благодарности за снисхожденіе, усиливаютъ трудъ, чтобъ очистить недоимку. Но гармо-

(*) Отъ туземнаго слова „цара„ земля.

(**) См. прилож. къ 887 ст. т. IX Св. Зак. изд. 1857 года.

нія эта несуществуетъ въ имѣніяхъ, управляемыхъ поссесорами. Само собою разумѣется, что арендаторъ, заплатившій владѣльцу часто слишкомъ высокую арендную сумму, употребляетъ все стараніе къ выручкѣ ея изъ имѣнія, не забывая при томъ собственныхъ выгодъ. Царане же во всѣхъ дѣйствіяхъ поссесора—хотя бы они были даже и вполнѣ добросовѣстны—видя одинъ собственный его интересъ и подозрѣвая въ каждомъ обыкновенномъ, а тѣмъ болѣе настоятельномъ его требованіи отъ нихъ исполненія обязанностей ихъ, желаніе притѣснять и выжимать изъ нихъ барыши, вовсе не имѣютъ ни уваженія къ поссесору, ни сочувствія къ его распоряженіямъ, и исполняютъ обязанности неохотно, при постоянныхъ почти понужденіяхъ. При такомъ положеніи обоюдныхъ отношеній, ничтожная неисправность *со стороны царанъ* возбуждаетъ претензію поссесора, всегда уже преувеличенную; а малѣйшее отступленіе отъ условій добровольнаго или нормальнаго контракта *со стороны арендатора* порождаетъ сопротивленіе въ царанахъ, съ упрямствомъ настаивающихъ на буквальномъ исполненіи кондицій контракта, вовсе безъ обсужденія того, обидно или безобидно для нихъ требованіе поссесора, измѣняющее въ чемъ-нибудь означенныя кондиціи. Послѣдствіемъ взаимныхъ неудовольствій между помѣщиками, поссесорами и царанами часто бываютъ переселенія послѣднихъ на земли другихъ владѣльцевъ до истеченія сроковъ контрактамъ. Независимо отъ сего, были многіе случаи самовольнаго переселенія царанъ и по подговору другихъ помѣщиковъ, владѣвшихъ огромнымъ количествомъ земли, но неимѣвшихъ рабочихъ рукъ, и потому обольщавшихъ царанъ предоставленіемъ имъ большихъ льготъ и выгодъ на новыхъ мѣстахъ; эти новоселья почти всегда разочаровывали легковѣрныхъ переселенцевъ своими неудобствами, которыя, по дальнему разстоянію отъ прежняго ихъ мѣста жительства, были до того совершенно имъ неизвѣстны. Всѣ эти нарушенія правъ и обязанностей рождаютъ множество тяжебныхъ дѣлъ, обстоятельства которыхъ спутываются различными

соотношеніями: помѣщиковъ съ поссесорами и царанами, поссесоровъ съ царанами и помѣщиками и царанъ съ помѣщиками и поссесорами; долголѣтній процессъ приноситъ неизбѣжные убытки и потери помѣщикамъ и поссесорамъ, и раззоряетъ въ конецъ несчастныхъ царанъ, незнающихъ ни грамоты, ни русскаго языка, и потому изъ необходимости дѣлающихся почти всегда жертвами корыстныхъ повѣренныхъ или просто «ходаковъ», не смотря даже на благодѣтельныя мѣры правительства, подвергшаго въ слѣдствіе того силою законовъ интересы царанъ наблюденію сельскихъ стряпчихъ, а производство самыхъ дѣлъ тому же порядку, какимъ производятся тяжебныя дѣла казны (*).

Дѣла этого рода убавятся болѣе чѣмъ на половину, если помѣщики и всѣ прочіе землевладѣльцы, разставшись съ обычнымъ своимъ far niente, займутся сами сельскимъ хозяйствомъ и при благоразумномъ управленіи имѣніями будутъ не на авось, а осторожно и предусмотрительно входить въ сдѣлки относительно сбыта произведеній своихъ земель.

и В.) *Причины, происходящія отъ законовъ края.*

Въ слѣдствіе Высочайше дарованнаго жителямъ Бессарабской области права сохранить законы, дѣйствовавшіе тамъ до присоединенія этой области къ Россіи, при разрѣшеніи тяжебныхъ дѣлъ (:кромѣ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ нѣтъ молдаванъ:) (**) принимались и донынѣ принимаются въ основаніе слѣдующіе мѣстные законы: Шести-книжіе Константина Арменопуло, Краткое собраніе законовъ Андронакія Донича и Соборная грамота 28-го декабря 1785 года Молдавскаго господаря Александра Маврокордато. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ эти законы окажутся недостаточными, повелѣно руководствоваться законами Русскими (***).

(*) См. 1603 и 1604 ст. ч. 2 т. X св. зак. изд. 1857 года.

(**) При настоящемъ положеніи Бессарабской области, подъ это исключеніе подходитъ одинъ только уѣздъ—Аккерманскій.

(***) См. 1606 ст. ч. 2 т. X св. зак. изд. 1857 года.

По мѣстнымъ законамъ, полное совершеннолѣтіе считается для туземцевъ въ 25 лѣтнемъ возрастѣ. Земская же давность имѣетъ четыре срока: 10-ти, 20-ти, 30-ти и 40-ка лѣтній, установленные на разные случаи. Но указомъ 28 мая 1823 года введенъ въ Бессарабскую область для земской давности вообще срокъ 10-ти лѣтній. Казалось бы, что въ слѣдствіе этого послѣдняго закона прекратится много исковъ, опиравшихся на долголѣтнія права, предоставляемыя мѣстными законами; но судебная практика доказываетъ противное. Представляю въ примѣръ случай могущаго быть иска о недвижимомъ имѣніи, находящемся въ недобросовѣстномъ владѣніи, право на который, по мѣстнымъ законамъ, не прекращалось до 30-ти лѣтъ. Положимъ, что А завладѣлъ принадлежащимъ Б имѣніемъ въ 1808 году; Б, не предъявивъ иска объ немъ, умеръ въ 1832 году, т. е. чрезъ 24 года послѣ завладѣнія, оставивъ по себѣ наслѣдника В, родившагося въ томъ же 1832 году. По Русскимъ законамъ, для самаго Б, считая со времени введенія въ Бессарабію (:т. е. съ 1823 года:) десятилѣтней давности, оставалось на право начатія иска одинъ годъ, а для наслѣдника его, В, два года по достиженіи имъ полнаго совершеннолѣтія (:ст. 213 и 214 ч. 2 т. X св. зак. изд. 1857 года:); слѣдовательно, В., достигнувъ, по законамъ края, полнаго совершеннолѣтія въ 1857 году и воспользовавшись двумя льготными годами, предоставляемыми нашими законами, могъ начать искъ въ 1859 году, т. е. чрезъ 51 годъ отъ совершившагося завладѣнія! . . . А если предположить, что и В, вскорѣ по начатіи иска, умретъ, оставивъ послѣ себя хоть 4-хъ лѣтняго наслѣдника, Г, за котораго должны, разумѣется, продолжать искъ опекуны, сіи же послѣдніе, послѣ рѣшенія дѣла въ 1-й судебной инстанціи, потеряютъ право апелляціи,—о возстановленіи котораго, (: по ст. 514 ч. 2 т. X св. зак. изд. 1857 года :), Г, по пришествіи въ совершеннолѣтіе и если къ тому еще находится за границею, можетъ просить въ теченіе 3-хъ лѣтъ,—то, прибавивъ къ 1859 году 20 лѣтъ съ годомъ,

нужные Г для полнаго совершеннолѣтія, да три льготныхъ года,—возобновленіе процесса послѣдуетъ уже въ 1883 году, т. е. ровно чрезъ три четверти столѣтія отъ времени завладѣнія!!.. Подобные практическіе выводы говорятъ сами за себя и не требуютъ никакихъ комментаріевъ....

По законамъ края, имѣніе, полученное за женою въ приданое, мужъ обязанъ сохранить въ цѣлости, отвѣчая въ противномъ случаѣ собственнымъ своимъ имѣніемъ, на которое претензія жены за приданое имѣетъ преимущество предъ мужними долгами,—хотя бы въ числѣ послѣднихъ были претензіи, основанныя на актахъ съ залогомъ имѣнія, и хотя бы долговые акты подписаны были вмѣстѣ съ мужемъ и женою въ качествѣ заемщицы, или въ качествѣ поручительницы. Жена получаетъ свое приданое или преимущественное за оное удовлетвореніе изъ имѣнія мужа, не отвѣчая сама ни за дѣйствія мужа, ни за совмѣстныя съ нимъ свои дѣйствія, ни за дѣйствія, происшедшія даже отъ одного ея лица на предметъ какого бы то ни было отчужденія собственнаго ея приданаго имѣнія. Всѣ дѣйствія жены по такому отчужденію, приписываемыя закономъ или убѣжденію, или обману, или страху со стороны мужа, признаются неимѣющими никакой силы... Между тѣмъ, приданыя имѣнія, по закону же, находятся въ управленіи мужей, которые распоряжаются ими, совокупно съ ихъ собственными имѣніями, безотчетно, какъ настоящіе вотчинники, и вводятъ тѣмъ въ заблужденіе постороннихъ лицъ, ввѣряющихъ имъ свои капиталы въ томъ убѣжденіи, что вѣрная уплата ихъ съ выгодными процентами обеспечивается владѣемыми заемщиками богатыми имѣніями, но не вѣдающихъ о пространствѣ настоящихъ правъ на нихъ самихъ заемщиковъ. Между тѣмъ, въ тѣхъ же законахъ края есть исключенія въ дѣйствіяхъ супруговъ, заключающіяся въ слѣдующемъ: если будетъ доказано, что отчужденіе приданаго сдѣлано для пользы жены, именно: для пріобрѣтенія другаго имѣнія съ выгоднѣйшимъ доходомъ, или для жениной нужды, т. е. для уплаты долговъ ея, для пропи-

танія родителей, или брата, или мужа, находящихся въ странствіи и нуждѣ,—въ такихъ случаяхъ, отчужденіе считается дѣйствительнымъ. Если жена узнаетъ, что мужъ отчуждаетъ ея имѣніе и промолчитъ нарочно, съ намѣреніемъ обмануть того, кто заключаетъ условіе съ мужемъ, и объ этомъ будетъ доказано,—въ такомъ случаѣ она (:жена:) теряетъ право на законную защиту: ибо *«законъ помогаетъ и защищаетъ только сла«быхъ и впадшихъ, по невѣдѣнію, въ заблужденіе, но не покро«вительствуетъ лукавымъ и пронырливымъ женщинамъ.»* Въ чаяніи найти опору въ этихъ исключеніяхъ при неисправности или несостоятельности заемщиковъ, ввѣряютъ имъ въ долгъ капиталы, изъ выгодъ полученія большихъ процентовъ, и тѣ лица, коимъ даже хорошо извѣстны ограниченія обоюдной супружеской власти по распоряженію приданымъ имѣніемъ, на которомъ одномъ часто сосредоточивается обеспеченіе многихъ займовъ. Все это даетъ богатую пищу для тяжбъ, поставляющихъ, при изворотливости и ловкости процессоровъ, безпрерывныя затрудненія и производителямъ дѣлъ и судьямъ. . . .

Бо́льшая часть коренныхъ жителей Бессарабской области владѣютъ землями на правахъ *резе́шства* (:общаго владѣнія:) и многолюдныя общества резѐшей, составляя цѣлыя селенія, въ частности имѣютъ права собственности на весьма небольшіе участки. Лица, владѣющія значительными участками, называются помѣщиками, такъ какъ въ числѣ сихъ обществъ, заключающихъ въ себѣ различные классы состояній, есть и чиновники, и дворяне. При отчужденіи резѐшами земель продажею или промѣномъ (:допускаемымъ мѣстными законами:), желающій или желающіе продать или обмѣнить свою часть обязаны прежде отдѣлить и ограничить оную отъ участковъ прочихъ резѐшей. О добровольной или происходящей отъ послѣдствій залога продажѣ резѐшскаго участка сорезѐшу или постороннему лицу, должна быть произведена предварительно, въ продолженіи 6-ти мѣсяцевъ, публикація для оповѣщенія тѣхъ, коимъ родство или резѐш-

ство даетъ право на выкупъ. На этотъ предметъ установлены: во 1-хъ, сроки: шестимѣсячный—для находящихся на лицо и пятилѣтній—для пребывающихъ въ чужихъ земляхъ, и во 2-хъ, правила, на основаніи которыхъ пользуются правомъ выкупа: сперва—резѐши одного и того же родственнаго удѣла, изъ котораго дѣлается продажа, потомъ,—резѐши удѣла той же вотчины, состоящаго рядомъ съ подлежащимъ къ выкупу удѣломъ, и наконецъ,—прочіе резѐши той же вотчины. Пропущеніе и нарушеніе вышеозначенныхъ сроковъ и правилъ, споры о правѣ предпочтенія и неясныя доказательства, при этомъ случаѣ, родства, производимаго отъ одного предка-родоначальника и развѣтвившагося, въ продолженіе иногда ста и болѣе лѣтъ, на многія колѣна или удѣлы, безсмысленность и неформальность заключаемыхъ между ними сдѣлокъ,—имѣющихъ, однакожъ, и по нашимъ законамъ силу, если составлены до 1-го сентября 1827 года—(*) и наконецъ, споры по поводу неприведенія въ извѣстность величины отчуждаемаго участка предварительнымъ отдѣломъ его отъ другихъ участковъ,—все это порождаетъ большое количество дѣлъ, по своей запутанности тоже весьма трудныхъ какъ въ производствѣ, такъ и въ разрѣшеніи. . . .

На отданный взаймы капиталъ заимодавецъ, по мѣстнымъ законамъ, имѣетъ право получать съ должника процента: по 12-ти на сто въ годъ—при добровольныхъ сдѣлкахъ, и по 10-ти на сто въ годъ—при удовлетвореніи долговыхъ претензій по суду. Значительность такихъ процентовъ общественную потребность взаимныхъ ссудъ превратила въ *промыселъ*—для ростовщиковъ и для людей, чуждающихся труда, въ какомъ бы видѣ онъ имъ ни представлялся, и въ *пагубу*—для лицъ, неумѣющихъ, по мѣткому народному выраженію, «сводить концы съ концами». *Одни* думаютъ: для чего трудиться, когда процентомъ на капиталъ можно получить дохода гораздо болѣе, чѣмъ трудомъ, и притомъ безъ риска въ случаѣ неурожая или неудачи въ

(*) См. прилож. къ 7 ст. т. V св. уст. о пош. изд. 1857 г.

коммерческихъ дѣлахъ. *Другіе* разсуждаютъ: почему не занять денегъ на роскошь или спекуляцію, когда сдѣлать это такъ легко, при множествѣ ссудителей, и когда заемъ можетъ свободно погаситься или арендными деньгами, ожидаемыми къ полученію отъ поссесора, или посредствомъ какого нибудь удачнаго спекулативнаго оборота. По такимъ-то близорукимъ соображеніямъ совершаются многочисленные займы и истрачиваются занятыя деньги. Но вотъ, спекуляція не удалась, а со стороны поссесора оказалась неустойка во взносѣ арендной суммы. Мечты и удовольствія испарились и вслѣдъ за истеченіемъ сроковъ по заемнымъ обязательствамъ, строгая существенность вступаетъ въ свои права: кредиторы требуютъ уплаты занятыхъ денегъ, должники сознаются въ невозможности удовлетворить это требованіе; отсюда являются вереницей: иски, аресты и запрещенія, описи и продажи имѣній, споры и жалобы на тѣ и другія,—превращающіе большею частію дѣла полицейскія въ дѣла судебно-тяжебныя. Печальныя послѣдствія въ различныхъ проявленіяхъ, но отъ одной причины: не существуй этотъ огромный процентъ, не было бы такого множества охотниковъ ссужать, и слѣдовательно желаніе занимать, при затрудненіи въ исполненіи, мало по-малу исчезало бы само собою вмѣстѣ съ поводами къ возникновенію безчисленныхъ исковъ по долговымъ претензіямъ. . .

Установленные Русскими законами денежные штрафы за неправильныя начатіе и продолженіе, посредствомъ апелляціи, тяжбъ и исковъ, не распространены еще на Бессарабскую область. Посему-то, Бессарабскія дѣла преимущественно предъ дѣлами другихъ губерній отличаются числительностью и нелѣпостью исковъ на весьма значительныя суммы, начинаемыхъ и продолжаемыхъ безотвѣтственно въ отношеніи къ казнѣ и судьямъ. Сутяжничество, затѣвая дѣло, и подвергая себя платежу однѣхъ незначительныхъ судебныхъ издержекъ (*), разсчиты-

(*) См. 1725 ст. ч. 2. т. X св. зак. изд. 1857 года.

ваетъ если не на выигрышъ большаго процесса, то, по крайнѣй мѣрѣ, на выгодный для него миръ, къ которому нерѣдко вынуждена бываетъ прибѣгнуть и справедливая сторона, чтобы только избавиться отъ привязчиваго соперника и тягостной необходимости вести тяжбу, представляющуюся для неопытнаго отвѣтчика хотя иногда и безопасною, но всегда сомнительною и навѣрно требующею неминуемыхъ издержекъ: на наемъ повѣреннаго, на гербовую бумагу, на разъѣзды. Такимъ образомъ, начать въ Бессарабіи неправый процессъ—значитъ тоже самое, что взять лотерейный билетъ, т. е. при удачѣ можно выиграть много, а при неудачѣ проиграть бездѣлицу. Почему-жъ не рискнуть?—и рискуютъ себѣ до безсовѣстности.

Оканчивая симъ мои выводы, предоставляю ихъ на безпристрастное обсужденіе благомыслящихъ Бессарабцевъ, такъ какъ главною цѣлью этой статьи было желаніе объяснить собственно имъ все зло, проистекающее отъ страсти къ тяжбамъ, или отъ ошибочнаго сознанія необходимости производить ихъ, и предложить средства къ избѣжанію или отклоненію этого зла твердою волею, безукоризненными поступками, справедливостью и христіанскимъ снисхожденіемъ къ ближнему. Будетъ ли имѣть успѣхъ это желаніе, незнаю; но за искренность его могу поручиться.

С. Петренко.

ОБЪ УЛИТОЧНОЙ ЗАПИСИ.

Въ нѣкоторыхъ предметахъ нашего законодательства, по неразработкѣ ихъ судебною практикою, встрѣчается или неясность въ статьяхъ закона, или неполнота, или же иногда и противорѣчіе одной статьи другой, что составляетъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ тѣхъ безчисленныхъ споровъ и тяжебъ, которыя поступаютъ въ наши судебныя мѣста и которыя такъ обременительны для тяжущихся. Дѣла этого рода рѣдко доходятъ до законодательной власти, которая одна только можетъ разъяснить, или дополнить, или же и измѣнить статью закона, а большею частію они оканчиваются въ низшихъ судебныхъ инстанціяхъ, которыя, встрѣчая какую-либо неясность закона, рѣдко обращаются за разрѣшеніемъ къ законодательной власти, а рѣшаютъ дѣла по своему крайнему разумѣнію; отъ этого одни и тѣже случаи безпрестанно подвергаются спорамъ и рѣшаются совершенно различно.

Къ числу предметовъ, не вполнѣ опредѣленныхъ нашимъ законодательствомъ, принадлежитъ существующій въ Малороссіи актъ, такъ называемый *Улиточная запись*—не ясно понимаемый не только великороссійскими законовѣдами, такъ какъ актъ сей въ великороссійскихъ губерніяхъ не употребляется, но даже и малороссійскими, которые очень часто съ нимъ встрѣчаются; поэтому, мое о немъ разсужденіе, полагаю, не будетъ лишено для нихъ занимательности.

Улиточная запись введена въ Малороссіи изъ Литовскаго Статута; она получила свое названіе отъ малороссійскаго глагола *уливать*, и означала такой актъ, которымъ кто-либо уливалъ или уступалъ свое какое бы то ни было право на какое-либо имущество другому, какой глаголъ всегда и употреблялся въ этомъ актѣ.

Существуютъ три случая пріобрѣтенія *права* на имущество: 1-й, когда открывается какое-либо наслѣдство, къ которому бываетъ нѣсколько сонаслѣдниковъ; тогда, хотя каждый изъ нихъ и имѣетъ участіе въ такомъ имуществѣ, но онъ еще не имѣетъ въ немъ полной собственности, а слѣдовательно только одно *право* на слѣдующую ему часть изъ общаго имущества; 2., когда открывается въ чью-либо пользу такое наслѣдство, которое оспориваютъ другіе и которое поэтому нужно отыскивать; слѣдовательно, ищущій такое наслѣдство имѣетъ только *право* на оное: 3., когда кто-либо ищетъ отъ другаго денежной претензіи, или убытковъ, или какого-либо вознагражденія, и слѣдовательно предъявляетъ свое *право* на удовлетвореніе.

Всякое право на имущество, какъ могущее въ послѣдствіи осуществиться дѣйствительнымъ полученіемъ самаго имущества, имѣетъ свою цѣнность, и потому, какъ и всякая другая цѣнность, можетъ быть уступаемо другому лицу. Всякое законодательство, если оно имѣетъ основаніемъ своимъ содѣйствіе интересамъ частныхъ лицъ, не только не должно полагать преградъ вообще никакой продажѣ и куплѣ, но напротивъ того обязано содѣйствовать тому и стараться какъ можно болѣе облегчать средства къ пріобрѣтенію, соблюдая только за свое посредничество между продавцемъ и покупателемъ такъ называемый казенный интересъ.

Въ этомъ случаѣ Литовскій Статутъ, дополненный обычаями малороссійскихъ судилищъ, совершенно соотвѣтствовалъ цѣли законодательства, и для лучшаго содѣйствія гражданамъ къ продажѣ или куплѣ не только имущества, но даже только пра-

ва на него, въ немъ установленъ былъ особый актъ—*улиточная запись*, которымъ, во всѣхъ трехъ вышеприведенныхъ случаяхъ, можно было уступить или *улить* свое право другому, и Статутъ въ семъ случаѣ былъ до того обязателенъ, что при такой уступкѣ кѣмъ-либо своего права другому не требовалъ даже пошлинъ, а взималъ ихъ уже тогда, когда право осуществлялось полученіемъ имущества. Поэтому подобный актъ, а особенно на недвижимое имущество, совершался дважды: сначала явочнымъ порядкомъ, а потомъ, когда пріобрѣвшій право получалъ по немъ имущество, крѣпостнымъ порядкомъ: взыскивались съ цѣны имущества узаконенныя пошлины и улиточная запись, какъ тогда выражались, обращалась уже въ купчую крѣпость. Ничего не могло быть проще, естественнѣе этого акта и сообразнѣе съ интересами гражданъ и съ интересами казны, и по этому, при полномъ его существованіи въ малороссійскихъ губерніяхъ, и при настоящемъ его въ то время пониманіи, онъ составлялъ истинное благодѣяніе для имѣвшихъ надобность въ сдѣлкахъ подобнаго рода.

По уничтоженіи въ Малороссіи дѣйствія Литовскаго Статута и внесеніи нѣкоторыхъ его артикуловъ въ сводъ гражданскихъ законовъ, изданія 1842 года, и съ тѣмъ вмѣстѣ по уничтоженіи многихъ судебныхъ малороссійскихъ обычаевъ, пространство улиточной записи нѣсколько ограничено и опредѣленіе и совершеніе ея нѣсколько затрунено. Тома X ч. I-ой въ примѣчаніи къ статьѣ 709-й (изд. 1857 г.) сказано: «Въ «губерніяхъ Черниговской и Полтавской записи объ уступкѣ «открывшагося уже наслѣдства, или о передачѣ правъ на отыскаціе онаго, остаются въ своей силѣ и именуются улиточными.»—Такимъ опредѣленіемъ улиточной записи, во первыхъ, отнята возможность передачи симъ актомъ, изъ трехъ вышеприведенныхъ случаевъ, права въ послѣднемъ случаѣ, а именно, передачи права на какую-либо денежную претензію или на отысканіе вознагражденія за убытки, а по этому въ на-

стоящее время въ Малороссіи передача или уступка такого права другому дѣлается условіемъ, также какъ и въ остальной Россіи. Но условіе имѣетъ много невыгодъ предъ улиточною записью. Условіемъ предоставляется только другому отыскивать что-либо на извѣстныхъ условіяхъ, но не передается вполнѣ право, и поэтому, на отысканіе дается еще довѣренность, которой уничтоженіе хотя и обусловливается въ договорѣ, но все это, во первыхъ, многосложно, а во вторыхъ непрочно: довѣренность можетъ быть уничтожена, и тогда возникнетъ искъ объ исполненіи условія, между тѣмъ какъ улиточною записью передается какое-либо право уже вполнѣ и безповоротно; пріобрѣтатель права совершенно заступаетъ мѣсто того, отъ кого онъ получилъ его и дѣлается самъ полнымъ владѣльцемъ пріобрѣтенной имъ претензіи. По такому преимуществу улиточной запики предъ условіемъ или договоромъ, очень жаль, что значеніе и сила его не распространены и на передачу права вообще по всякаго рода претензіямъ и искамъ, какъ это было въ Малороссіи при существованіи Литовскаго Статута.

Но такое опредѣленіе улиточной записи, исключая совершенно третій случай поредачи права, оставляетъ ли за нимъ два первыхъ случая, то есть передачу права на часть изъ общаго имѣнія, подлежащаго раздѣлу, и передачу права на отысканіе какого-либо открывшагося наслѣдства, оспориваемаго другими?—Передача права на отысканіе оспориваемаго наслѣдства выражена въ немъ очень ясно; но передача права на часть изъ общаго, подлежащаго раздѣлу имущества, хотя тоже заключается въ буквальномъ значеніи этого опредѣленія, но не съ перваго взгляда приходитъ на умъ и до нея надобно дойти рядомъ разсужденій. Что такое означаютъ слова закона: *записи объ уступкѣ открывшагося уже наслѣдства*? Наслѣдство открывается смертію родителей или родственниковъ. Если послѣ умершаго останется одинъ только наслѣдникъ, у котораго, слѣдовательно, такого права никто не оспориваетъ, то ему въ слу-

чаѣ надобности уступить, то есть продать кому-либо свое наслѣдство, нѣтъ надобности дѣлать это улиточною записью; онъ можетъ сдѣлать это просто купчею крѣпостію. Но если останется нѣсколько сонаслѣдниковъ къ имѣнію и они, положимъ по малолѣтству одного изъ нихъ, не могутъ окончательно раздѣлиться имѣніемъ, въ такомъ случаѣ, еслибы кому-либо изъ наслѣдниковъ захотѣлось уступить другому ту свою часть имѣнія, которая ему слѣдуетъ изъ нераздѣленнаго общаго, что дозволяется тома X час. I-й статьею 556 (изд. 1857 г.), и предстоитъ ему *сдѣлать запись объ уступкѣ открывшагося уже наслѣдства*, онъ долженъ сдѣлать это не иначе, какъ улиточною записью. Даже еслибы онъ и получилъ свою часть изъ общаго имѣнія только по временному раздѣлу, и тогда, какъ временный раздѣлъ не даетъ ему права полнаго собственника и онъ по силѣ тома X ч. I-ой статьи 1337-й (изд. 1857 г) не можетъ ни продать, ни заложить такой части имѣнія, то и въ семъ случаѣ, то есть, въ случаѣ временнаго выдѣла части изъ общаго имѣнія, онъ не лишается ни права участія въ общемъ имѣніи, ни права, предоставляемаго статьею 556, уступить кому-либо другому первое право, то есть сдѣлать *запись объ уступкѣ открывшагося уже наслѣдства*; разсуждая такимъ образомъ, можно дойти до заключенія, что слова примѣчанія къ статьѣ 709 распространяются и на случай уступки кѣмъ-либо другому своей части изъ общаго имѣнія нераздѣленнаго, или же и временно раздѣленнаго. Иначе же, если нераспространить означеннаго закона на этотъ случай, то какимъ актомъ совершить уступку своей части изъ общаго имѣнія, подлежащаго раздѣлу?—Въ законахъ нѣтъ на это никакого указанія, но по сущности уступаемаго имущества, какъ составляющаго еще неполную собственность уступателя, по сущности самой уступки, заключающей въ себѣ уступку не имущества, а права на оное, и по сущности улиточной записи, имѣющей своимъ назначеніемъ передачу только права на имуще-

ство, такая уступка очевидно не можетъ быть совершена никакимъ другимъ актомъ, какъ улиточною записью.

При дѣйствіи въ Малороссіи Литовскаго Статута, это всегда такъ понималось, и какъ всегда такъ и дѣлалось, то никто никогда и недумалъ объ этомъ иначе. Въ настоящее время, когда уже забыто прежнее дѣлопроизводство, и когда во всемъ стали обращаться къ своду законовъ, такая неочевидная для каждаго ясность закона многихъ вводитъ въ сомнѣніе и порождаетъ процессы. Поэтому, мнѣ кажется, примѣчаніе къ статьѣ 709-й тома X-го можно было бы изложить такъ: «въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской записи объ уступкѣ открывшагося уже наслѣдства одному лицу, или нѣсколькимъ (см: тома X-го ч. I-ой статью 556-ю), а также записи о передачѣ правъ на отысканіе оспориваемаго наслѣдства (см: статью 1256-ю), именуемыя улиточными, остаются въ своей силѣ». Если же еще дозволить улиточною записью передавать свое право другому и по денежнымъ претензіямъ и вообще всякимъ искамъ, что по легкости и простотѣ этого акта слѣдовало бы дозволить, тогда примѣчаніе къ статьѣ 709 надлежало бы изложить такъ: «*Въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской записи объ уступкѣ одному лицу или нѣсколькимъ открывшагося наслѣдства до окончательнаго раздѣла* (см: т. X ст. 556-ю), *записи о передачѣ правъ на отысканіе оспориваемаго наслѣдства*, (см: т. X-го ст. 1256-ю), *а также записи о передачѣ права на отысканіе чего бы то ни было, по всякимъ вообще искамъ денежнымъ и всякагорода претензіямъ, именуемыя улиточными, остаются въ своей силѣ*».

Какимъ порядкомъ совершается улиточная запись?—Выше сказано, что прежде запись эта сознавалась сначала явочнымъ порядкомъ въ томъ уѣздномъ судѣ, къ вѣдѣнію котораго по положенію принадлежало имѣніе, на которое уступалось право,

а потомъ, по полученіи уже уступленнаго имѣнія, актъ этотъ совершался крѣпостнымъ порядкомъ, или какъ тогда выражались, обращался въ крѣпость. Въ настоящее время актъ этотъ, на основаніи т. X ч. I ст. 732 и 733-й, тоже сознается въ уѣздномъ судѣ явочнымъ порядкомъ и хотя, по примѣру прежнихъ лѣтъ, и обращается потомъ въ крѣпость, но на это нѣтъ нигдѣ въ законахъ указанія, а отъ этого возникаетъ много недоумѣній, всегда стѣснительныхъ для частныхъ лицъ. Поэтому, мнѣ кажется, слѣдовало бы хотя къ статьѣ 732-й сдѣлать такое примѣчаніе: *когда по переданному улиточною записью праву достигнется полное владѣніе уступленнымъ имѣніемъ, тогда сія запись обращается въ купчую крѣпость со взысканіемъ пошлинъ съ цѣлаго имѣнія и публикаціонныхъ денегъ за припечатаніе въ вѣдомостяхъ о переходѣ имѣнія къ пріобрѣтателю.*

Въ заключеніе скажу еще объ одномъ существующемъ для Малороссіи законѣ, тома X-го части 1-й статьи 1337-й, по которому имущество между сонаслѣдниками тогда только можетъ быть окончательно раздѣлено, когда всѣ сонаслѣдники совершеннолѣтніе; въ случаѣ же малолѣтства одного изъ нихъ, допускается раздѣлъ только временный. Отъ такого установленія происходитъ то, что многія имѣнія остаются нераздѣленными въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній. Положимъ, что изъ четырехъ сонаслѣдниковъ одинъ малолѣтный. Три старшіе женились и имѣютъ уже дѣтей, но едва дождались совершеннолѣтія послѣдняго наслѣдника, какъ одинъ изъ старшихъ сыновей умираетъ и оставляетъ малолѣтныхъ дѣтей— опять на двадцать лѣтъ нѣтъ раздѣла, и такъ это продолжается чрезъ нѣсколько поколѣній. А отъ этого сколько стѣсненія въ распоряженіи собственностію, сколько споровъ до раздѣла имѣнія, гдѣ каждый захватываетъ все, что только можетъ, и по-

томъ сколько тяжбъ! Никто изъ такихъ наслѣдниковъ, не имѣя полной собственности, не можетъ ни постоянно устроиться, ни сдѣлать какія-либо заведенія въ своей части имѣнія, ни наконецъ продать ее, какую бы онъ ни имѣлъ въ томъ надобность. Такой порядокъ существовать можетъ при настоящемъ, еще патріархальномъ бытѣ малороссійскихъ помѣщиковъ, но съ измѣненіемъ отношеній къ нимъ ихъ крестьянъ, долженъ быть какъ можно болѣе упрощенъ способъ пріобрѣтенія и отчужденія собственности, чтобы каждому предоставить какъ можно болѣе свободы въ употребленіи своего имущества. По такимъ соображеніямъ, мнѣ кажется, что правило вышеуказанной 1337-й статьи должно бы было подлежать отмѣнѣ, и раздѣлъ имущества въ малороссійскихъ губерніяхъ, при несовершеннолѣтіи кого—либо изъ наслѣдниковъ, долженъ бы былъ производиться на основаніи общихъ великороссійскихъ законовъ, именно по статьѣ того же тома 1336-й. Тогда уничтожилась бы эта путаница въ понятіяхъ о своихъ правахъ, какую встрѣчаетъ нынѣ тотъ, кто желалъ бы продать свою часть изъ нераздѣльнаго еще имѣнія, и между наслѣдниками не было бы тѣхъ частыхъ споровъ и тяжбъ, въ случаѣ такой продажи, какія ведутся при существованіи законоположенія о нераздѣлѣ имѣнія по случаю малолѣтства одного изъ наслѣдниковъ.

Я. Костенецкій.

ОБОЗРѢНІЕ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНЫХЪ СУДОВЪ ФРАНЦІИ

ЗА 1857 ГОДЪ.

Въ послѣднее время распубликованъ отчетъ французскаго министра юстиціи за 1857-й годъ. Этотъ отчетъ, какъ и всѣ предъидущіе, раздѣленъ на двѣ части; въ первой изъ нихъ изложены свѣдѣнія о ходѣ гражданскаго судопроизводства Франціи; вторая посвящена исключительно обзору дѣятельности уголовныхъ судебныхъ мѣстъ.

Вслѣдъ за появленіемъ этого отчета, редакція французской газеты Le droit помѣстила на страницахъ своего журнала двѣ статьи Фриголѐ, въ которыхъ составитель статей, сообщая наиболѣе любопытныя данныя о числѣ преступленій и проступковъ, подвергнутыхъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ Франціи въ 1857 году, приводитъ нѣкоторыя свои соображенія о причинахъ, отъ которыхъ могло бы зависѣть бо̀льшее или мѐньшее число преступленій и проступковъ сравнительно съ населеніемъ.

Предполагая и съ своей стороны помѣщать въ нашемъ журналѣ статистическія свѣдѣнія о числѣ преступленій, почерпнутыя изъ дѣлъ нашихъ уголовныхъ судовъ, съ указаніемъ на причины, отъ которыхъ можетъ зависѣть уменьшеніе или увеличеніе количества преступныхъ дѣяній, мы сочли неизлишнимъ познакомить нашихъ читателей съ статьею Фриголе, какъ опытомъ разработки оффиціальныхъ данныхъ, сообщенныхъ французскимъ правительствомъ. Опытъ этотъ будетъ служить для насъ отчасти и исходной точкой сравненія.

Въ настоящее время, когда польза, приносимая статистическими данными, сдѣлала ихъ однимъ изъ главныхъ орудій для объясненія явленій государственной жизни, всякая попытка разработки числовыхъ данныхъ и стремленіе объяснить причины происходящихъ въ нихъ измѣненій и колебаній, должны пріобрѣсти особенно важное значеніе.

Опыты статистическихъ работъ и частыя ошибки, которыя встрѣчались при дѣланіи выводовъ изъ данныхъ, обратили въ новѣйшее время общее вниманіе на этотъ предметъ и показали во 1-хъ до какой степени необходима критика этихъ данныхъ и во 2-хъ въ какой мѣрѣ слѣдуетъ быть осторожнымъ при отысканіи причинъ, отъ которыхъ происходятъ измѣненія въ статистическихъ явленіяхъ. Что, кажется, можетъ быть вѣрнѣе какъ данныя, касающіяся народонаселенія? Однакоже въ самое послѣднее время явилось сочиненіе Вапеуса, въ которомъ авторъ, подвергая самой строгой критикѣ эти данныя, приходитъ къ тому заключенію, что только въ нѣкоторыхъ немногихъ государствахъ Европы и Новаго Свѣта онѣ заслуживаютъ достаточнаго вѣроятія, чтобы сдѣлаться основаніемъ для выводовъ. Тотъ же самый Вапеусъ, разбирая цифры, касающіяся населенія, ясно убѣждаетъ въ томъ, что почти нигдѣ на ходъ населенія не имѣла преобладающаго вліянія одна какая нибудь причина. Климатъ, образъ правленія, густота населенія, положеніе и образованіе страны безспорно имѣютъ вліяніе на ходъ населенія; каж-

дая изъ этихъ причинъ дѣйствуетъ, но дѣйствуетъ не одна, а въ совокупности съ другими, и только этой совокупности можно приписать окончательный результатъ.

Тоже самое мы видимъ и въ легкомъ очеркѣ Фриголѐ; онъ убѣждаетъ насъ въ томъ, до какой степени опасно останавливаться на одной какой-либо причинѣ, которая, повидимому, была производителемъ настоящей цифры преступленія, и какъ тщательно слѣдуетъ стараться идти далѣе и розыскивать всѣ побужденія къ преступнымъ дѣяніямъ въ данной мѣстности.

Того же плана будемъ придерживаться и мы въ разработкѣ нашей уголовной статистики, хотя должны сознаться, что немаловажное затрудненіе представитъ намъ критика самыхъ цифръ, отъ того, что не всѣ еще проникли съ у насъ убѣжденіемъ въ пользѣ подобныхъ данныхъ и что бываютъ случаи, въ которыхъ даже вѣрность числовыхъ свѣдѣній подлежитъ сомнѣнію.

Представляемый нашимъ читателямъ очеркъ Фриголѐ начинается словами самаго министра юстиціи, которыми онъ въ общихъ чертахъ характеризируетъ состояніе уголовнаго судопроизводства Франціи за 1857 годъ.

«Уменьшеніе обвиненій, бывшихъ въ разсмотрѣніи суда, и «обвиняемыхъ; проступковъ, подлежавшихъ вѣдомству мѣстъ по«лицейскихъ, и лицъ къ дѣламъ сего рода прикосновенныхъ; «скорѣйшее движеніе дѣлъ; болѣе рѣдкое назначеніе предвари«тельныхъ арестовъ, съ сокращеніемъ притомъ сроковъ ихъ «до самыхъ крайнихъ предѣловъ; наконецъ соразмѣрное сему «уменьшеніе освобожденій лицъ отъ суда и отвѣтственности»— «вотъ, по удостовѣренію министра юстиціи, факты, обращающіе на себя вниманіе при разсмотрѣніи представляемаго имъ отчета за 1857 годъ.

Изъ подробныхъ свѣдѣній, изложенныхъ въ отчетѣ министра юстиціи, видно, что число обвиненій, подлежавшихъ раз-

смотрѣнію суда присяжныхъ, простиралось до 4399, на 136 менѣе противъ 1856 года.

Итогъ обвиненій, сдѣланныхъ въ 1857 году, составляется слѣдующимъ образомъ: 184 обвиненія въ убійствѣ предумышленномъ, 99 въ совершеніи убійства безъ умысла; 36 въ отравленіи; 12 въ отцеубійствѣ, 208 въ дѣтоубійствѣ; 61 въ нанесеніи ранъ или увѣчій, послѣдствіемъ которыхъ была смерть непредумышленная; 54 въ нанесеніи опасныхъ ранъ и увѣчій; 50 въ нанесеніи ранъ и увѣчій роднымъ по линіи восходящей; 15 въ убійствѣ и неповиновеніи властямъ; 188 въ насилованіи или посягательствѣ на честь совершеннолѣтнихъ; 617 въ преступленіяхъ тогоже рода надъ несовершеннолѣтними; 51 въ ложномъ свидѣтельствѣ и въ подкупѣ на свидѣтельство; 471 въ подлогахъ разнаго рода; 52 въ дѣланіи фальшивой монеты; 1822 въ воровствѣ, ведущемъ за собою болѣе тяжкія наказанія; 239 въ поджигательствѣ; 105 въ злонамѣренномъ банкротствѣ; 135 во всѣхъ прочихъ преступленіяхъ.

Изъ вышепоименованныхъ преступленій обращаютъ на себя по своей важности особенное вниманіе два рода преступленій. Это тѣ,при совершеніи которыхъ употреблены во зло слабость и невинность жертвъ преступленія, а именно: дѣтоубійство и посягательство на честь несовершеннолѣтнихъ. Цифра, выражающая преступленія послѣдняго рода, въ статистикѣ 1857 года приводитъ въ ужасъ, но она значительно менѣе цифры подобныхъ преступленій, въ 1856 г., число коихъ доходило до 650. Число дѣтоубійствъ въ продолженіи послѣднихъ лѣтъ постоянно возрастаетъ; отъ 164, совершенныхъ въ 1851 году, оно дошло въ 1857 году до 208, т. е. въ теченіе 7 лѣтъ увеличилось на 26 %.

По 4399 обвиненіямъ было обвиняемо 5773 человѣка: 1966 были обвиняемы въ преступленіяхъ противъ личности, а 3807 въ преступленіяхъ противъ собственности. Въ 1856 году было 6124 обвиняемыхъ; изъ сего слѣдуетъ, что въ 1857

году число ихъ уменьшилось на 351. Уменьшеніе произошло почти равномѣрно, какъ относительно преступленій, совершенныхъ надъ лицами, такъ и относительно преступленій, направленныхъ противъ имущества. Отношеніе числа обвиняемыхъ къ числу жителей даетъ для всей Франціи въ 1857 году одного обвиняемаго на 6242 человѣка. Это отношеніе, если взять отдѣльно каждый Департаментъ, представляется весьма разнообразнымъ. Такъ напримѣръ въ Департаментѣ Устьевъ Роны, на 2601 человѣкъ жителей приходится одинъ обвиняемый, между тѣмъ кекъ въ департаментѣ Крезы одинъ обвиняемый приходится на 15,493 человѣка.

Департаменты, въ которыхъ считается мѐньшее число жителей на одного обвиняемаго, суть слѣдующіе: Устьевъ Роны 1 на 2601, Верхней Гаронны 1 на 2719, Корсики 1 на 2894, Марны 1 на 3025, Сены 1 на 3235.

Департаменты, которые отличаются относительно мѐньшимъ числомъ обвиняемыхъ, суть: Департаментъ Крезы, въ которомъ норма совершенныхъ преступленій выражается, какъ мы уже сказали, однимъ обвиняемымъ на 15,493 жителей; Департаментъ Геро, въ которомъ одинъ обвиняемый приходится на 15,401 человѣкъ жителей; Департаментъ Па-де-кале, гдѣ приходится одинъ обвиняемый на 14,851.

Трудно объяснить причину неравномѣрности совершенія преступленій въ одномъ Департаментѣ сравнительно съ другими. Очевидно, что она отъ климата не зависитъ, потому что въ одной и той же категоріи по числу совершаемыхъ преступленій встрѣчаются Департаменты, которые рѣзко отличаются одинъ отъ другаго по климату. Не зависитъ она и отъ степени плодородія почвы и отъ промышленныхъ силъ края, потому что въ Департаментахъ, находящихся въ одинаковомъ положеніи относительно промышленности, число преступленій далеко неодинаково.

Независитъ ли это неравенство совершаемыхъ въ Департаментахъ преступленій отъ отношенія жителей городскихъ къ обитателямъ деревень? Но эта гипотеза, которая отчасти подтверждается тѣмъ, что въ категоріи Департаментовъ, гдѣ совершается бо́льшее число преступленій, находятся Департаменты Сены и Устьевъ Роны, населенные относительно болѣе другихъ Департаментовъ, падаетъ, если принять во вниманіе слѣдующіе факты. Департаментъ Аріежъ относительно совершаемыхъ въ немъ преступленій находится въ одной категоріи съ вышеприведенными Департаментами, такъ какъ въ немъ приходится одинъ обвиняемый на 4741 жителя; Департаментъ же Верхней Луары находится во второй категоріи, такъ какъ въ немъ на 11,577 жителей приходится одинъ обвиняемый; между тѣмъ въ этихъ двухъ Департаментахъ отношеніе жителей городскихъ и деревенскихъ совершенно одинаково, 11 на 100 однихъ и 89 на 100 другихъ.

Все это убѣждаетъ, что бо́льшее или мѐньшее совершеніе преступленій въ тѣхъ или другихъ Депертаментахъ происходитъ отъ разныхъ причинъ, вмѣстѣ взятыхъ; но ни одна изъ сихъ причинъ въ отдѣльности не можетъ быть примѣняема къ каждому изъ Департаментовъ и не можетъ служить единственнымъ объясненіемъ вышеприведеннаго различія количества совершаемыхъ въ Департаментахъ преступленій.

Но если, отказавшись отъ принятія одной общей для всѣхъ Департаментовъ причины различія числа совершаемыхъ въ нихъ преступленій, разсматривать каждый изъ Департаментовъ въ отдѣльности, то въ бо́льшей части изъ нихъ ясно выразится преимущественное преобладаніе одной изъ этихъ причинъ.

Такимъ образомъ въ Корсикѣ, гдѣ существуетъ невѣжественный обычай наслѣдственнаго частнаго мщенія, бо́льшее число убійствъ и злодѣяній происходитъ отъ этой причины, и преступленія такъ часты, что Департаментъ Корсики отнесенъ

къ первой категоріи.—Встрѣчая въ той же категоріи Департаменты Сены и Сены и Уазы, никто не усумнится признать вліяніе въ томъ случаѣ Парижа, какъ мѣста особеннаго накопленія людей.

Если затѣмъ со вниманіемъ разсматривать списокъ тѣхъ Департаментовъ, гдѣ совершено наименьшее число преступленій, то можно увидѣть, что его большею частію составляютъ Департаменты странъ гористыхъ и бѣдныхъ, часть народонаселенія которыхъ, совершеннолѣтніе мущины, совершающіе относительно наибольшее число преступленій, уходитъ каждый годъ на нѣкоторое время въ другія страны искать работы и хлѣба; унося вмѣстѣ съ собою свои пороки и страсти, и уменьшая тѣмъ число преступленій родной страны, они увеличиваютъ число преступленій, совершенныхъ въ странахъ временнаго ихъ пребыванія.

Этотъ фактъ вполнѣ доказывается цифрами, которыя сообщаетъ Фриголѐ въ статьѣ своей объ отчетѣ французскаго министра юстиціи, и которыя мы провѣрили по самому отчету. Департаментъ Крезы находится во главѣ Департаментовъ, которые сравнительно съ своимъ населеніемъ считаютъ менѣе обвиняемыхъ; въ 1857 году ихъ было 18; но цифра эта далеко не выражаетъ дѣйствительнаго числа уроженцовъ этой страны подвергшихся обвиненіямъ, такъ какъ кромѣ 18 человѣкъ, сужденныхъ въ этомъ Департаментѣ, изъ которыхъ только 3 не принадлежали къ числу коренныхъ его жителей, еще 20 человѣкъ его уроженцевъ были судимы въ другихъ Департаментахъ.—Въ Департаментѣ Сены, изъ 534 обвиняемыхъ только 124 человѣка было изъ коренныхъ жителей этого Департамента, а остальные 410 обвиняемыхъ только временно въ немъ проживали. Изъ уроженцевъ же этого Департамента только 45 было судимо въ другихъ Департаментахъ.

Подобное этому явленіе замѣчается и въ Департаментѣ Верхней Роны. Въ этомъ Департаментѣ, первомъ послѣ Депар-

тамента Сены, по значительности городскаго населенія, было обвиняемо 182 человѣка; но изъ этого числа только 43 принадлежали къ кореннымъ жителямъ Департамента, остальные же 139 человѣкъ временно въ немъ проживали, и только 10 человѣкъ изъ его уроженцевъ были обвиняемы въ другихъ Департаментахъ.

Эти числа доказываютъ, что нѣкоторые Департаменты, гдѣ совершается болѣе преступленій, обязаны этимъ грустнымъ преимуществомъ скорѣе лицамъ временно въ нихъ проживающимъ, нежели природнымъ своимъ жителямъ.

По различію пола преступниковъ, уголовная статистика Франціи за 1857 годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Изъ числа 5773 лицъ, подлежавшихъ обвиненію въ 1857 году, было 4742 мущинъ и 1031 женщинъ. Послѣднія составляютъ немного менѣе $1/5$ части всего итога Эта пропорція почти всякій годъ одинакова; но она вѣрна только съ общей, отвлеченной точки зрѣнія; пропорція эта совершенно исчезаетъ, если распредѣлить оба пола по свойству совершаемыхъ ими преступленій.

При этомъ откроется, что въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ бо̀льшая часть обвиняемыхъ женщины, между тѣмъ какъ ни одна изъ нихъ не состоитъ въ числѣ обвиняемыхъ въ другихъ преступленіяхъ. Можно впрочемъ предвидѣть, какого рода преступленія бо̀льшею частію совершаютъ женщины.

Изъ общаго числа 246 обвиняемыхъ въ дѣтоубійствѣ, 222 приходится на долю женщинъ; изъ 104 обвиняемыхъ въ употребленіи средствъ къ преждевременнымъ родамъ на женщинъ приходится 81; 20 женщинъ изъ общаго числа—47—обвиняемыхъ въ отравленіи; 22 изъ 53 обвиняемыхъ въ отнятіи силою документовъ и подписей; 77 изъ 279 обвиняемыхъ въ поджогѣ; 221 изъ 698 обвиняемыхъ въ воровствѣ у лицъ, у которыхъ онѣ состояли въ услуженіи; 29 изъ 115 обвиняемыхъ въ ложномъ свидѣтельствѣ и подкупахъ.—Затѣмъ число жен-

щинъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ другаго рода, становится весьма малымъ, такъ что не можетъ подлежать общему выводу, и за тѣмъ онѣ совершенно не встрѣчаются въ числѣ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ нѣкотораго рода, каковы заговоръ и покушеніе на внутреннюю безопасность государства, бунтъ, грабительство, развращеніе, насилованіе и посягательство на честь совершеннолѣтнихъ и пр.

Самая интересная глава отчета министра юстиціи есть та, которая заключаетъ въ себѣ разборъ нѣкоторыхъ побудительныхъ причинъ совершенія отравленій, поджоговъ, убійствъ безъ умысла и предумышленныхъ.

Прежде чѣмъ представить свѣдѣнія, въ сей главѣ изложенныя, должно замѣтить, что несогласіе числа преступленій, въ ней означенныхъ, съ числомъ обвиненій въ тѣхъ же преступленіяхъ, которыя мы привели выше, происходитъ отъ того, что часто бываетъ одно обвиненіе въ совершеніи нѣсколькихъ преступленій одного и того же рода. Такимъ образомъ мы видимъ съ одной стороны 214 убійствъ предумышленныхъ, 115 непредумышленныхъ убійствъ, 316 поджоговъ, 58 отравеленій; а съ другой только 184 обвиняемыхъ въ предумышленномъ убійствѣ, 99-ть въ убійствѣ неумышленномъ, 239 въ поджогѣ и 38 въ отравленіи.

Главными причинами совершенія преступленій этихъ четырехъ родовъ суть: жадность или желаніе увеличить свое состояніе, развратъ, незаконная связь съ замужними, ненависть, мщеніе, несчастная любовь, раздоры семейные и корыстолюбивые споры между родственниками.

Отъ желанія увеличить свое состояніе совершено 7 отравленій, 95 поджоговъ, 11 непредумышленныхъ убійствъ и 66 убійствъ предумышленныхъ. Эти 7 *отравленій* были совершены надъ родственниками, въ томъ числѣ жена отравила своего мужа; преступленія сіи совершены съ цѣлію наслѣдовать, или обезпечить силу завѣщанія. 95 *поджоговъ* имѣли цѣлію: 10

способствовать совершенію воровства и сокрытію слѣдовъ онаго; 84 воспользоваться тою суммою денегъ, въ которой застрахована, выше стоимости, поджигаемая собственность; 1 чтобы имѣть право на общественную благотворительность. 11 *непредумышленныхъ убійствъ* совершено съ цѣлію облегчить совершеніе воровства, или съ тѣмъ, чтобы обезпечить безнаказанность онаго. Наконецъ изъ 66 *предумышленныхъ убійствъ* 58 совершены съ тою же цѣлію, 7 совершено надъ родными, чтобы воспользоваться остающимся послѣ нихъ наслѣдствомъ, обезпечить силу завѣщанія и прекратить пожизненную выдачу, и 1 за 1500 р., обѣщанные зятемъ за предполагаемое убійство тестя.

Незаконная связь съ замужними была причиною 12 отравленій, 3 поджоговъ, 5 убійствъ непредумышленныхъ и 20 убійствъ предумышленныхъ. Итогъ 12 отравленій составляется слѣдующимъ образомъ: отравленіе мужемъ нарушившей супружескую вѣрность жены 1; мужа невѣрною женою и сообщникомъ ея невѣрности—2; нарушившей супружескую вѣрность жены ея сообщникомъ—1; жены невѣрнымъ мужемъ и его сообщницею—3; обманутой жены сообщницею мужа—1; мужемъ, нарушившимъ свою супружескую вѣрность, своей жены, двухъ дѣтей и тещи—4.

Три означенные поджога составляютъ: 1 поджогъ оскорбленною женою имущества сообщницы мужа, нарушившаго супружескую вѣрность; и 2 поджога невѣрною женою имущества, принадлежащаго измѣнившему ей сообщнику ея невѣрности.

Изъ 5 убійствъ непредумышленныхъ два совершены надъ обманутыми мужьями сообщниками невѣрности женъ ихъ и 3 мужьями надъ сообщниками невѣрности женъ. 20 предумышленныхъ убійствъ составляютъ: 2 убійства обманутыхъ мужей невѣрными имъ женами; 6—обманутыхъ мужей невѣрными женами и сообщниками ихъ невѣрности; 3—обманутой жены невѣр-

нымъ мужемъ; 2—обманутой жены невѣрнымъ мужемъ и его сообщницею; 1—обманутымъ мужемъ жены, нарушившей супружескую вѣрность; 1—невѣрной жены сообщникомъ ея невѣрности; 5—сообщниковъ невѣрныхъ женъ обманутыми мужьями въ присутствіи самихъ женъ, а въ одномъ случаѣ въ присутствіи свидѣтелей.

Семейный раздоръ и корыстолюбивые споры родственниковъ между собою были причиною 20 отравленій и 37 предумышленныхъ убійствъ. Семейный же раздоръ произвелъ кромѣ того 25 поджоговъ и 15 непредумышленныхъ убійствъ.

20 отравленій, бывшихъ послѣдствіемъ приведенной выше причины, суть: 5 отравленій мужей женами; 8 отравленій женъ мужьями, въ одномъ случаѣ при помощи матери; 1 отравленіе вотчимомъ пасынка; 2 отравленія сыновей, въ одномъ случаѣ отцомъ, а въ другомъ матерью, при помощи двухъ дѣтей отъ перваго брака; 2 отравленія брата, сестры и племянницы.

37 предумышленныхъ убійствъ подраздѣляются на убійство дѣтей отцемъ или матерью, пасынковъ вотчимами; убійствъ этого рода было 7; убійства мачихъ и вотчимовъ пасынками было 2; братьевъ 2; дядей и тетки 2; женъ мужьями 12; мужей женами 3; тещъ и тестей зятьями 5; наконецъ 4 убійства деверей и заловокъ.

Семейный раздоръ былъ причиною одного поджога матерью имущества дѣтей своихъ, шести поджоговъ дѣтьми имуществъ родителей, одного поджога собственности зятя тещею; 7 поджоговъ имуществъ братьевъ, сестеръ, деверей и заловокъ; 5 поджоговъ имуществъ мужей женами и мужьями имуществъ женъ; 4 поджога имуществъ дяди, тетки и двоюродныхъ братьевъ; наконецъ произведенъ поджогъ собственнаго дома по довольно оригинальной причинѣ—для того, чтобы обвинить въ этомъ преступленіи жену.

Непредумышленныя убійства, происходящія отъ семейнаго раздора, суть: 1 убійство дочери отцемъ; 2 убійства братьевъ;

1 убійство дяди; 1 убійство тестя зятемъ, 1 убійство зятя тестемъ; 2 убійства деверей; 7 убійствъ женъ ихъ мужьями.

Отъ разврата въ одномъ только случаѣ произведено отравленіе—именно надъ человѣкомъ, который отказывался вступить въ бракъ съ обвиняемою, которую онъ соблазнилъ; но въ графѣ о преступленіяхъ, поводомъ которыхъ были: несчастная любовь, зависть, незаконное сожительство, развратъ, мы находимъ, что подъ вліяніемъ сихъ страстей совершены поджоги: 1—имущества человѣка, неисполнившаго обѣщаніе жениться на обвиняемой дѣвицѣ, 1—отвергнувшей предложеніе обвиняемаго вступить съ нимъ въ бракъ, 4—имущества родителей, которые несоглашались на бракъ дѣтей ихъ съ обвиняемыми; 8—имуществъ предпочтенныхъ соперниковъ и соперницъ; 5—имуществъ соблазнителей тѣми, которыя, подвергшись соблазну,—покинуты ими; 1—имущества той, которая отказалась вступить въ незаконную связь съ обвиняемымъ.

Мы тутъ же находимъ слѣдующіе случаи, которые по происхожденію отнесены къ тѣмъ же причинамъ: *не предумышленныя убійства*: одно убійство предпочтеннаго соперника (любовь законная); одно убійство дѣвицы за отказъ вступить въ бракъ съ обвиняемымъ; 1 убійство сестры дѣвицы, бывшей въ противозаконной связи съ обвиняемымъ, потому что она стѣсняла ихъ связь; 2 убійства предпочтенныхъ соперниковъ (любовь незаконная) и дѣвицъ, предметовъ соперничества; 1 убійство дѣвицы, которая, бывши въ незаконной связи съ обвиняемымъ, его оставила; 1 убійство отъ зависти въ достиженіи соперникомъ безнравственной взаимности; 1 убійство, которому предшествовало изнасилованіе или покушеніе на оное; наконецъ 2 убійства, совершенныя въ домѣ непотребства.

Затѣмъ въ той же графѣ поименованы *убійства предумышленныя*: 1 убійство отца за отказъ его выдать дочь замужъ за обвиняемаго; 3 убійства дѣвицъ, которыя не соглашались на предложеніе вступить въ бракъ съ обвиняемыми; 5 убійствъ

предпочтенныхъ соперниковъ; 1 убійство женщины, которая забеременила отъ обвиняемаго, за то, что она требовала, чтобы онъ вступилъ съ нею въ бракъ; 1 убійство соблазнившаго сестру обвиняемаго; 1 убійство человѣка, который хотѣлъ соблазнить дочь и сестру обвиняемаго; 3 убійства женщинъ, бывшихъ въ незаконной связи съ обвиняемыми за то, что они или оставили ихъ или были имъ невѣрны; 1 убійство женщины, которая препятствовала незаконной связи своей дочери съ обвиняемымъ; 1 убійство человѣка, который былъ въ незаконной связи съ тещею обвиняемаго; 1 убійство доктора, который былъ причиною смерти женщины, бывшей въ незаконной связи съ обвиняемымъ, помогая ей преждевременно выкинуть плодъ.

8 отравленій, 125 поджоговъ, 46 убійствъ предумышленныхъ и 33 убійства непредумышленныхъ совершены подъ вліяніемъ *ненависти и мщенія*.

Эти чувства большею частію рождались отъ корыстолюбивыхъ споровъ о границахъ, тяжбъ, отъ свидѣтельствъ въ судѣ, отъ доносовъ, отъ обидъ, нанесенныхъ словами, по причинѣ отказа господами или владѣльцами отъ мѣстъ слугамъ, работникамъ, арендаторамъ отъ совершенія новаго контракта на земли, и жильцамъ отъ квартиры.

Изъ поджоговъ: 8 произведены безъ особенныхъ побудительныхъ причинъ противъ личности тѣхъ, имущество которыхъ подверглось поджогу, но единственно отъ общей ненависти къ богатымъ; 2 изъ злобы къ чиновникамъ и полицейскимъ служителямъ. Отъ этой послѣдней причины произведено 14 предумышленныхъ убійствъ, 22 убійства неумышленныя и одно отравленіе.

Наконецъ идутъ преступленія, причины совершенія которыхъ не могутъ быть подведены ни подъ одну изъ приведенныхъ выше побудительныхъ причинъ совершаемыхъ преступленій; они совершены подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ причинъ.

Эти преступленія суть:

1.) *отравленіе*: 2 случая отравленія дѣтей отцами ихъ потому, что они подозрѣвали ихъ незаконными; 3 случая отравленія незаконорожденныхъ малолѣтнихъ дѣтей ихъ матерями, съ тѣмъ, чтобы избавиться отъ обязанности ихъ воспитывать; 2 случая отравленія законныхъ дѣтей отцами ихъ, чтобы отъ нихъ избавиться; 3 случая отравленія свидѣтелей совершеннаго преступленія, чтобы воспрепятствовать открытію ими обстоятельствъ дѣла;

2.) *поджоги*: 1 чтобы подвергнуться заслуженному за оный наказанію и избѣжать этимъ военной службы; 2 въ монастырскомъ строеніи дѣвушками, чтобы убѣжать оттуда; 4 чтобы скрыть слѣды совершенія другаго преступленія или отвести подозрѣніе въ ономъ; 3—тюрьмы содержащимися въ ней, чтобы убѣжать или по разнымъ другимъ причинамъ; 1—проданнаго обвиняемымъ дома, чтобы скрыть свое раззореніе; 1—желѣзо-дѣлательнаго завода, чтобы удалить работниковъ и получить тамъ мѣсто; 1—чтобы подвергнуться за поджогъ наказанію и чрезъ то пріобрѣсти убѣжище; 26—сдѣланные дѣтьми по злобѣ, ребячеству и легкомыслію; наконецъ совершены поджоги безъ всякихъ особенныхъ цѣлей: 4 по злобѣ и желанію вредить; 5 безъ всякихъ извѣстныхъ причинъ, въ сумасшествіи и въ пьяномъ видѣ;

3.) *непредумышленныя убійства*: 11—въ дракахъ въ питейныхъ домахъ и по случаю ссоръ отъ игры; 12—въ ссорахъ другаго рода и въ случайныхъ встрѣчахъ; 1—полицейскимъ служителемъ при исполненіи обязанностей службы; 4 убійства солдатъ за нанесенныя ими оскорбленія; 6 убійствъ лицами, совершившими преступленіе, надъ тѣми, противъ которыхъ преступленія ихъ направлены, будучи пойманы сими послѣдними на мѣстѣ преступленія; 1 убійство дѣвочки 10 лѣтъ родителями ея, для удобства самоубійства; 2 убійства содержавшихся подъ стражею сотоварищами ихъ заключенія за нанесенныя обиды;

4.) *убійства предумышленныя*: тюремныхъ стражей заключенными 4; содержащихся въ тюрьмѣ сотоварищами ихъ заключенія 8; малолѣтнихъ незаконныхъ дѣтей матерями ихъ, отъ бѣдности и безнравственнаго поведенія 5; малолѣтнихъ законныхъ дѣтей отцами и матерями ихъ, чтобы освободиться отъ обязанности ихъ воспитывать (:бѣдность и скупость:) 7; 2-хъ дѣтей законныхъ отцами ихъ съ тѣмъ, чтобы при этомъ убить себя.

Эта грустная перечень оканчивается преступленіемъ, цѣль котораго странна, неслыханна и почти невѣроятна, именно предумышленное убійство малолѣтняго ребенка человѣкомъ, который слышалъ, что, поставивъ ночью свѣчу въ черепъ умерщвленнаго ребенка, можно сдѣлаться невидимымъ и совершать тогда всякаго рода воровство безнаказанно.

Суды присяжныхъ, по выслушаніи обѣихъ сторонъ, разсматривали въ 1857 году дѣла о 5773 обвиняемыхъ, изъ нихъ 1404 человѣка освобождены, а 4369 осуждены, именно: 58 присуждено къ смертной казни; 1 къ вѣчной ссылкѣ; 205 къ ссылкѣ на каторжныя работы безъ срока; 993 къ ссылкѣ на каторжныя работы на срокъ; 970 къ ссылкѣ на жительство въ отдаленныя мѣста подъ надзоромъ полиціи; 2 къ арестованію; 1 къ лишенію правъ состоянія; 2108 къ содержанію въ тюрьмѣ; 4 къ денежному штрафу; наконецъ 27 (дѣтей и лицъ моложе 16 лѣтъ, которыя, какъ признано, совершили преступленіе неумышленно) къ содержанію въ домѣ исправительнаго заведенія.

Въ 1856 году было только 46 осужденныхъ на смерть; число это въ 1857 году увеличилось на 12, почти на четверть, а между тѣмъ число обвиненныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ уменьшилось. Изъ этого въ отчетѣ министра юстиціи сдѣлано то заключеніе, что судъ присяжныхъ былъ въ этомъ году строже. Изъ 58 осужденныхъ на смертную казнь, 34 были изобличены въ предумышленномъ убійствѣ, 5 въ отравле-

ніи, 5 въ поджогѣ, 5 въ отцеубійствѣ, 2 въ убійствѣ, хотя и совершенномъ безъ умысла, но съ обстоятельствами, увеличивающими вину, и 2 въ заключеніи силою и жестокомъ обращеніи съ заключаемыми; въ числѣ этихъ обвиненныхъ было только 6 женщинъ. Для 26 обвиненныхъ смертная казнь была замѣнена безсрочною каторжною работою, остальные 32 были казнены.

При меньшемъ числѣ преступленій противъ 1856, въ 1857 году совершено было болѣе проступковъ. Суды исправительной полиціи разсмотрѣли 184,769 дѣлъ, по которымъ было 229,467 обвиняемыхъ лицъ, тогда какъ въ 1856 году число дѣлъ было 181,610 съ 225,561 обвиненными, разность на 3,159 дѣлъ и 3,906 обвиненныхъ. Увеличеніе это было не въ одинаковомъ размѣрѣ по всѣмъ родамъ проступковъ; по нѣкоторымъ число ихъ даже уменьшилось противъ 1856 года. Увеличеніе особенно замѣтно по нарушеніямъ законовъ лѣсныхъ и объ охотѣ, а также по нанесеніямъ побоевъ и ранъ; за тѣмъ по порядку слѣдуютъ нарушенія законовъ о рыболовствѣ, оскорбленія и насилія противъ лицъ служащихъ правительству, при отправленіи ими своихъ обязанностей, ябеднические доносы, банкрутства простыя, разные проступки противъ нравственности, бродяжничество, неповиновеніе властямъ, проступки противъ религіи и оскорбленіе священно-служителей, злоупотребленіе довѣріемъ, опустошеніе и уничтоженіе посѣвовъ, уничтоженіе деревъ, оградъ и животныхъ. Проступки, по коимъ замѣтно уменьшеніе, слѣдующіе: воровство простое, воровство мошенничество, обманы при продажѣ разныхъ продуктовъ и фальшивые вѣсы, самовольное освобожденіе себя изъ подъ надзора полиціи, разные политическіе проступки, разносъ и раздача печатаннаго безъ надлежащаго разрѣшенія, содержаніе харчевень и кофеень безъ разрѣшенія, фабрикація и храненіе оружія и пороха, а также храненіе запрещеннаго оружія, нарушенія законовъ сельскаго благоустройства и нарушенія законовъ таможенныхъ, о пошлинахъ, городскихъ доходахъ, почтовыхъ, о транспортированіи кладей и др.

Министръ юстиціи полагаетъ, что обильный урожай винограда можно принять за причину увеличенія числа случаевъ побоевъ и ранъ, неповиновенія властямъ и оскорбленія и насилія противъ агентовъ правительства.

Изъ числа 229,464 подсудимыхъ были суждены по обвиненіямъ лицъ, на коихъ лежитъ обязанность преслѣдовать нарушителей закона, какъ то: прокуроровъ, ихъ помощниковъ и т. п. 154,077, по обвиненіямъ разныхъ вѣдомствъ 65,442, по обвиненіямъ частныхъ лицъ 9,948.

Уменьшеніе числа сужденныхъ по обвиненіямъ прокуроровъ и т. п. лицъ оказалось въ 48 Департаментахъ, въ 38 же остальныхъ число это увеличилось; впрочемъ увеличеніе значительно только въ 6 Департаментахъ, а именно: въ Департаментѣ Рѣки Ло на 40%, Контальскомъ 36%, Коррезскомъ на 31%, Верхне-Вьенскомъ на 24%, Нижней Шаранты на 22%, Ньеврскомъ на 20%.

Участіе женскаго пола въ проступкахъ не превышаетъ одной пятой части общаго числа обвиненныхъ 1857 г.; въ 1856 участіе это было нѣсколько значительнѣе, а именно на 1000 обвиненныхъ 206 были женщины.

Исправительные суды освобождаютъ отъ наказанія гораздо меньшее число обвиненныхъ, чѣмъ присяжные, такъ что первые изъ 1000 обвиненныхъ только 79 не подверглись наказанію, между тѣмъ какъ въ ассизныхъ судахъ оправданныхъ было 243 на тысячу.

Уменьшеніе апелляцій по дѣламъ судебно-исправительнымъ есть ближайшее слѣдствіе закона 18 іюня 1856 г., коимъ на суды 2 степени возложено разсмотрѣніе апелляцій по всѣмъ судебно-исправительнымъ дѣламъ.

Съ 1851 по 1855 г. было подано среднимъ числомъ по 11,873 апелляціи въ годъ, т. е. 48 дѣлъ на 1000, могущихъ подлежать пересмотру; на этомъ основаніи число апелляцій въ 1856 г. понизилось до 9,878, а въ 1857 до 9,547, такъ что отношеніе ихъ къ общему числу дѣлъ равно 44 къ 1000 въ 1856 и 42 къ 1000 въ 1857 г.

Что же касается до рѣшеній, подвергавшихся въ слѣдствіе апелляцій пересмотру, то отношеніе между рѣшеніями, утвержденными высшимъ судомъ и отмѣненными, осталось въ 1857 почти тоже, что было съ 1851 по 1857 г. Въ теченіи этихъ пяти лѣтъ на 1000 пересмотрѣнныхъ рѣшеній 630 было утверждено и 370 отмѣнено, въ 1857 г. первыхъ было 644, а вторыхъ 356.

Уже нѣсколько лѣтъ какъ замѣчается постоянное возрастаніе числа проступковъ, совершаемыхъ лицами, подвергавшимися прежде наказаніямъ. Въ 1856 г. таковыхъ было 40,345, въ 1857 г.—41,642. Фактъ тѣмъ болѣе замѣчательный, что общее число обвиненныхъ въ 1857 г. уменьшилось. Съ 1851 по 1857 число подобныхъ проступковъ увеличилось на 13,094, почти 46 на 100. Это одинъ изъ тѣхъ статистическихъ выводовъ, которые могутъ быть различно изъяснены и служить орудіемъ для всякихъ системъ. Одни видятъ тутъ доказательство того, что есть натуры предназначенныя ко злу, которыхъ ничто не удерживаетъ, ничто не исправляетъ; по мнѣнію другихъ, чтобы не допустить преступника впасть въ новое преступленіе, нужно увеличить препятствія къ нарушенію закона и усилить наказаніе за нарушеніе его. Третьи все зло видятъ въ пенитенціарной системѣ дѣйствующихъ законовъ; по ихъ мнѣнію тюрьма и каторга ни что иное, какъ обширныя школы взаимнаго обученія пороку, гдѣ нравственная порча преступника усиливается и гдѣ у него созрѣваютъ новые замыслы противъ общественнаго спокойствія, которые онъ будетъ приводить въ ис-

полненіе съ бо́льшимъ искуствомъ и съ бо́льшею ненавистію въ сердцѣ.

Но отчетъ министра юстиціи даетъ возможность объяснить изложенный фактъ иначе. По сему отчету оказавшееся увеличеніе случаевъ повторенія преступленій въ періодъ времени съ 1851 по 1857 должно быть отчасти отнесено къ учрежденію въ 1852 г. особыхъ книгъ, кои ведутся при судахъ, и изъ коихъ можно получать болѣе достовѣрныя свѣдѣнія о прежнемъ поведеніи преступника.

Къ сему министръ присовокупляетъ, что одна изъ главныхъ причинъ этого увеличенія заключается въ снисхожденіи, которое суды часто являютъ при опредѣленіи наказанія. Впрочемъ судьи начали сознавать важныя неудобства подобнаго снисхожденія, что видно въ уменьшеніи приговоровъ къ незначительнымъ срокамъ заключенія.

Изъ 41,642 впавшихъ вновь въ преступленіе 2003 были судимы ассизами, а 39,639 исправительными судами. Число первыхъ относится къ общему числу всѣхъ преступниковъ какъ 35 къ 100, а вторые составляютъ не много болѣе одной пятой части, 22 на 100, всѣхъ обвиненныхъ въ проступкахъ; о прежнемъ поведеніи сихъ послѣднихъ можно было собрать вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія.

По прежнимъ своимъ проступкамъ означенные 39,639, сужденные въ 1857 исправительными судами, были подвергнуты суду только окружнаго суда постояннаго своего мѣста жительства въ числѣ 15,502, нѣсколькимъ окружнымъ судамъ, но своего Департамента, 3753; остальные 17,639 были судимы по разу и болѣе внѣ своего Департамента. Нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ перебывали во многихъ судахъ, а одинъ подвергался суду въ 37 округахъ.

Въ отчетѣ, послѣ преступленій и проступковъ, слѣдуютъ, какъ особое прибавленіе, свѣдѣнія о случаяхъ нечаянной смерти и самоубійствахъ; число первыхъ достигло въ 1857 до 8670, не включая въ это число случаевъ внезапной смерти, происшедшей отъ причинъ, скрытыхъ въ самомъ человѣкѣ; этихъ послѣднихъ случаевъ было 1375. Изъ 8670 человѣкъ, причина смерти коихъ случайна, 3773 утонули, 934 раздавлены экипажами или убиты лошадьми, 430 убиты обвалами земли или зданій, 360 паденіемъ твердыхъ тѣлъ, 202 смерть причинена колесами мельницъ, машинъ или взрывами копей, 162 убиты взрывами паровыхъ машинъ и при несчастіяхъ на желѣзныхъ дорогахъ, 147 расшиблись при паденіи въ пропасти и ямы, 1131 при паденіи съ высокихъ зданій, съ лѣсовъ и т. д., 81 отъ неосторожнаго обращенія съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, 671 погибли отъ огня, 108 убиты громомъ, 138 задохлись, 131 умерли отъ голода, холода и изнеможенія, 232 отъ неумѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ, а причина смерти остальныхъ 171 недостаточно опредѣлена.

Жизнь женщинъ, въ слѣдствіе ихъ почти исключительно домашнихъ занятій и болѣе правильнаго образа жизни, менѣе подвержена несчастнымъ случаямъ, исключая впрочемъ случаевъ смерти отъ молніи, число жертвъ коей раздѣляется почти поровну между обоими полами; вообще же на означенную цифру 8670 женщинъ приходится 1537.

Въ отдѣлѣ о самоубійствахъ отношеніе женщинъ значительнѣе; такъ въ числѣ 3967 самоубійцъ было 2970 мущинъ и 997 женщинъ.

Дѣля общее число самоубійцъ по возрастамъ, оказывается для обоихъ половъ постоянное увеличеніе съ дѣтства до 60 лѣтъ и съ 60 лѣтъ уменьшеніе.

Такимъ образомъ менѣе 16 лѣтъ 30 самоубійцъ, изъ нихъ 20 мущинъ и 10 женщинъ, отъ 16 до 21 л. 177—103 м. и

74 жен., отъ 21 до 30 л. 512,—357 м. и 155 женщ., отъ 30 до 40 л. 638—490 м. и 148 ж., отъ 40 до 50 л. 770—598 м. и 172 жен., отъ 50 до 60 л. 821—646 м. и 175 женщ., отъ 60 до 70 л. 632—462 м. и 170 женщ., отъ 70 до 80 л. 297—231 м. и 66 ж., 80 л. и болѣе 53—35 м. и 18 женщинъ; остальныхъ 37 лѣта неизвѣстны.

По орудіямъ или средствамъ, употребленнымъ самоубійцами для лишенія себя жизни, означенная цифра 3967 раздѣляется на слѣдующія числа: утопились 1286,—820 м. и 466 ж., повѣсились 1487,—1231 м. и 256 женщ., застрѣлились пистолѣтомъ 198—195 м. и 3 женщ., ружьемъ 223—220 м. и 3 ж.; сверхъ сего застрѣлились 14 м., неизвѣстно какого рода оружіемъ, причинили себѣ смерть угаромъ 352, изъ этого числа на Сенскій Департаментъ приходится 228, 116 м. и 112 ж., зарѣзалось и закололось 182—145 м. и 38 ж., разбились паденіемъ 131—76 м. и 55 ж., остальные 28 употребили разныя другія средства.

Извѣстныя причины этихъ самоубійствъ слѣдующія: нищета или опасеніе впасть въ оную 185; запутанныя обстоятельства, долги 201; проигрышь въ карты 10; потеря мѣста 19; проигранный процессъ 5; другія несчастія этого рода 8; потеря состоянія или опасеніе сей потери 40, сожалѣніе о томъ, что свое состояніе отдалъ другому, неисполнившаяся надежда 1; желаніе избавить своего сына отъ рекрутства 1; отъ худаго обращенія родителей 11; жизнь въ разлукѣ съ своими родными 2; непріятности между родственниками по расчетамъ 8; разныя другія домашнія непріятности 413; любовь 99; ревность 25; беременность безбрачныхъ 14; угрызеніе совѣсти 15; лѣнь и скупость 3; развратъ и худое поведеніе 134; пьянство 44; помраченіе умственныхъ способностей, происшедшее отъ пьянства 243; отвращеніе къ своему общественному положенію 1; желаніе избѣгнуть судебнаго преслѣдованія 237; же-

ланіе избѣгнуть присужденнаго наказанія 22; страхъ взысканія начальниковъ 19; физическія страданія 445; отвращеніе къ жизни 142; отвращеніе къ военной службѣ 12; вслѣдствіе пререканій съ начальниками и упрековъ съ ихъ стороны 12; разныя другія непріятности 30; общее помѣшательство 947; меланхолія и ипохондрія 64; мономанія 48; идіотизмъ, безуміе и слабоуміе 46; воспаленіе въ мозгу 48; гнѣвъ 2; политическая экзальтація 2; религіозная экзальтація 2; 30 самоубійствъ были слѣдствіемъ совершенія преступленій убійства, отравленія и поджога, а причина остальныхъ 321 неизвѣстна.

ОТДѢЛЪ II.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

А. Русская.

I.

Духовное завѣщаніе должно быть за подписью свидѣтелей, не заинтересованныхъ лично содержаніемъ завѣщанія. Посему, еслибы подписавшемуся подъ завѣщаніемъ свидѣтелю назначена была завѣщаніемъ денежная или иная выдача, какъ бы мала она ни была, и еслибы, за исключеніемъ сего свидѣтеля, число прочихъ свидѣтелей не соотвѣтствовало требованіямъ закона, то завѣщаніе признается недѣйствительнымъ.—Сличеніе подписи завѣщателя, сдѣланной на завѣщаніи, съ подписью его на другихъ актахъ, не можетъ замѣнить собою свидѣтельскихъ показаній. Духовныя завѣщанія должны быть объясняемы не иначе, какъ по буквальному оныхъ смыслу.—

Дѣйствующее законодательство о духовныхъ завѣщаніяхъ основано на положеніи о завѣщаніяхъ, состоявшемся въ 1831

году. Этимъ положеніемъ относительно какъ внѣшней формы, такъ и внутренняго содержанія завѣщаній установлены правила, болѣе строгія противу тѣхъ, которыя дѣйствовали до изданія сего положенія. Всякое отступленіе отъ сихъ правилъ, допущенное въ порядкѣ составленія завѣщаній, влекло за собою признаніе сего акта недѣйствительнымъ.

Правила положенія 1831 года дополнены и отчасти измѣнены постановленіемъ о завѣщаніяхъ, изданнымъ въ 1839 году. Этимъ постановленіемъ смягчена въ нѣкоторой мѣрѣ строгость закона 1831 года и, какъ выражено въ примѣчаніи къ 1103 ст. 1 ч. X т. св. зак. гр. (изд. 1857 г.), установлены облегчительные способы къ исполненію законныхъ распоряженій завѣщателя.

Тѣмъ не менѣе главныя основанія закона 1831 года остались неизмѣненными положеніемъ 1839 года. Законъ продолжаетъ требовать строгаго соблюденія формы въ духовномъ завѣщаніи. Отъ этого-то число дѣлъ о завѣщаніяхъ весьма значительно. Въ одномъ 1856 году, какъ видно изъ оффиціальныхъ свѣдѣній Министерства Юстиціи, производилось дѣлъ этого рода въ судебныхъ мѣстахъ 2-ой степени до 1060; да и въ настоящее время, можно сказать, что на каждыя десять дѣлъ, поступающія на Консультацію, при Министерствѣ Юстиціи учрежденную, приходится, по крайней мѣрѣ, одно дѣло по спору противъ духовныхъ завѣщаній, безъ различія, направленъ ли этотъ споръ противъ формы, или же противъ внутренняго содержанія завѣщанія.

Бо́льшее число подобныхъ споровъ предъявляется обыкновенно противъ внѣшней формы завѣщанія; чаще всего они возникаютъ по поводу свидѣтельскихъ подписей. Законъ, при всей его опредѣлительности, не могъ предвидѣть всѣхъ условій, при которыхъ могутъ быть сдѣланы сіи подписи, и отъ этого почти всякое недоумѣніе, возникающее при разсмотрѣніи споровъ о завѣщаніяхъ, доходитъ до Правительствующаго Сената,

который, на основаніи 65 ст. Осн. Госуд. Зак., имѣетъ преимущественное предъ другими судебными мѣстами право на аналогическое толкованіе закона.

На Журналѣ Министерства Юстиціи лежитъ обязанность ознакомить своихъ читателей съ существомъ послѣдовавшихъ по дѣламъ этого рода рѣшеній Правительствующаго Сената.

Предполагаемый на семъ основаніи къ изданію рядъ рѣшеній Правительствующаго Сената по спорамъ противъ неформальности духовныхъ завѣщаній мы открыли въ прошедшемъ нумерѣ нашего Журнала изложеніемъ дѣла о силѣ завѣщанія, составленнаго на родовое имѣніе, и въ настоящемъ нумерѣ продолжаемъ этотъ рядъ изложеніемъ дѣла, въ которомъ разрѣшаемъ былъ вопросъ о силѣ завѣщанія, подписаннаго свидѣтелемъ, въ пользу котораго назначена въ завѣщаніи выдача.

Вообще говоря, судебная практика много способствовала уясненію вопросовъ, возникавшихъ по дѣламъ о духовныхъ завѣщаніяхъ, и мы надѣемся, что предпринятое нами печатаніе рѣшеній по симъ дѣламъ принесетъ немалую пользу.

Купецъ А-мовъ составилъ 14 марта 1841 г. домашнее духовное завѣщаніе, коимъ все свое благопріобрѣтенное имѣніе предоставилъ частію въ пользу церкви, а частію въ пользу дѣвицы К-вой и ея сына, сдѣлавъ кромѣ того денежныя назначенія своимъ родственникамъ, а духовному отцу Д-ву завѣщалъ соболью шапку.

По смерти А-ва, послѣдовавшей 29-го тогоже марта, завѣщаніе его представлено, 10 апрѣля 1841 г., къ засвидѣтельствованію, въ Ялуторовскій окружный судъ.

Завѣщаніе переписано мѣщаниномъ К-вымъ, подписано завѣщателемъ и тремя свидѣтелями: духовнымъ его отцомъ Д-вымъ, купеческимъ сыномъ О-вымъ и мѣщаниномъ Т-вымъ.

Вслѣдъ за симъ племянникъ завѣщателя крестьянинъ Ефимъ А-мовъ, за себя и по довѣренности родственниковъ своихъ,

предъявилъ противъ означеннаго завѣщанія споръ, доказывая неформальность и подложность сего акта, составленнаго, мимо ближайшихъ родственниковъ завѣщателя, въ пользу незаконнаго его сына и его матери.

Въ слѣдствіе сего завѣщаніе А-мова осталось безъ засвидѣтельствованія, и возникшему по спору его родственниковъ дѣлу данъ ходъ судебнымъ порядкомъ.

По ссылкѣ свидѣтелей на черновое завѣщаніе А-мова, актъ сей истребованъ къ дѣлу и оказался одинаковаго содержанія съ первымъ завѣщаніемъ.

Подпись руки А-ва подъ духовными завѣщаніями, черновымъ и бѣловымъ, была сличаема, въ присутствіи земскаго суда, съ почеркомъ руки его на другихъ бумагахъ и признана сходною, съ тою только разницею, что А-мовъ подписался подъ духовными завѣщаніями не такъ твердо.

Переписчикъ бѣловаго завѣщанія и двое изъ подписавшихъ оное свидѣтелей О-въ и Т-овъ утвердили оное при допросѣ, но духовный отецъ Д-ковъ показалъ, что онъ подписи завѣщателя при допросѣ утвердить не можетъ и что хотя А-мовъ, при предъявленіи ему завѣщанія, былъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти, но по болѣзни самъ онаго не подписывалъ, а Д-ковъ подписалъ завѣщаніе безъ бытности при томъ свидѣтелей, оставивъ мѣсто для подписи завѣщателя, который сказалъ, что по выздоровленіи все то перемѣнитъ и напишетъ другое завѣщаніе.

Въ подтвержденіе сего показанія, къ дѣлу представлено письмо Д-кова къ родственницѣ завѣщателя отъ 29 марта 1842 г. о томъ, что онъ считаетъ завѣщаніе незаконнымъ, потому что оно не подписано завѣщателемъ.

Письмо сіе предъявлено Д-кову и содержаніе онаго утверждено имъ при допросѣ.

Дѣло о духовномъ завѣщаніи А-мова рѣшено въ апелляціонномъ порядкѣ въ окружномъ судѣ 2 іюня 1843 г., въ губернскомъ судѣ 28 апрѣля 1844 г., и, по апелляціи крестьянина А-мова, поступило въ Правительствующій Сенатъ.

Окружный судъ, находя, что подпись завѣщанія А-вымъ достаточно удостовѣряется свидѣтельствомъ земскаго суда, производившимъ сличеніе подписей на двухъ духовныхъ завѣщаніяхъ А-мова, призналъ завѣщаніе дѣйствительнымъ и предоставилъ К-вой предъявить оное къ засвидѣтельствованію установленнымъ порядкомъ, а споръ А-ва оставилъ безъ уваженія.

Губернскій судъ, признавая съ своей стороны, что нѣкоторыя маловажныя отступленія и несоблюденіе нѣкоторыхъ обрядовъ при совершеніи завѣщанія не могутъ служить основаніемъ къ уничтоженію онаго, утвердилъ рѣшеніе окружнаго суда.

При разсмотрѣніи настоящаго дѣла въ Правительствующемъ Сенатѣ, былъ принятъ къ разрѣшенію слѣдующій вопросъ: соблюдены ли при составленіи завѣщанія А-ва предписанныя въ законѣ правила для удостовѣренія въ подлинности онаго, и можетъ ли завѣщаніе подлежать засвидѣтельствованію.

Для удостовѣренія въ подлинности домашняго духовнаго завѣщанія по закону требуются два главныя условія.

Первое,—чтобы, сверхъ собственноручной подписи завѣщателя и переписчика на завѣщаніи, были еще подписи трехъ удовлетворяющихъ законнымъ требованіямъ свидѣтелей, или двухъ, если въ числѣ ихъ находится духовный отецъ завѣщателя (ст. 1048 и 1054 ст. 1 ч. X т. Св. Зак. X Св. Гр. Зак.).

Второе: чтобы всѣ свидѣтели на допросѣ подтвердили, что завѣщатель, при предъявленіи имъ завѣщанія, находился въ здравомъ умѣ и твердой памяти и что завѣщаніе точно имъ сдѣлано и подписано (ст. 1050).

Достовѣрность домашняго духовнаго завѣщанія ничѣмъ кромѣ означенныхъ подписей и допроса свидѣтелей достаточно не удостовѣряется и потому строгое исполненіе означенныхъ формальностей необходимо для удостовѣренія въ подлинности завѣщанія.

Въ настоящемъ случаѣ ни одно изъ сихъ условій не выполнено въ предписанныхъ закономъ правилахъ.

1.) потому, что въ числѣ трехъ свидѣтелей, подписавшихъ завѣщаніе, имѣется подпись духовнаго отца Д-ва, коему по завѣщанію сдѣлано особое назначеніе, чѣмъ самымъ онъ, по буквальному содержанію ст. 1054 т. X, лишается качества законнаго свидѣтеля; и

2.) потому, что тотъ же Д-ковъ при допросѣ не только не утвердилъ вполнѣ всѣхъ требуемыхъ ст. 1050 т. X обстоятельствъ, но положительно объявилъ, что онъ подпись А-ва на духовномъ завѣщаніи утвердить не можетъ, что самъ онъ, Д-ковъ, подписалъ завѣщаніе безъ подписи завѣщателя, для коей было только оставлено мѣсто, и наконецъ, что при подписаніи Д-вымъ завѣщанія свидѣтелей не было.

Показаніе сіе Д-ковъ постоянно подтверждалъ при всѣхъ очныхъ ставкахъ и кромѣ того оно подтверждено и письмомъ Д-ва къ родственницѣ завѣщателя отъ 29 марта 1842 г.

При столь явномъ нарушеніи главныхъ формальностей, необходимыхъ для удостовѣренія въ подлинности домашняго завѣщанія, составленная А-вымъ духовная не можетъ подлежать засвидѣтельствованію и разсужденіе окружнаго суда, что подпись завѣщателя удостовѣряется свидѣтельствомъ земскаго суда, производившимъ сличеніе почерка А-ва, не имѣетъ правильнаго основанія: ибо удостовѣреніе свидѣтелей въ подлинности завѣщанія, по ст. 1050 т. X, принадлежитъ къ числу необходимыхъ обрядовъ при засвидѣтельствованіи сихъ актовъ.

Оно не можетъ быть замѣнено сличеніемъ подписи, пріемлемымъ за доказательство токмо по дѣламъ тяжебнымъ, и по-

тому, если показанія свидѣтелей при допросѣ не удовлетворяютъ требованіямъ, предписаннымъ въ ст. 1050, то обстоятельство сіе влечетъ за собою во всякомъ случаѣ недѣйствительность завѣщанія по неформальности онаго.

Равномѣрно представляется неправильнымъ и предположеніе губернскаго суда, что малозначущее назначеніе въ пользу Д-ва изъ огромнаго капитала не представляетъ никакого сомнѣнія, чтобы онъ могъ посягнуть къ засвидѣтельствованію подложнаго завѣщанія.

Предположеніе сіе представляется тѣмъ самопроизвольнымъ толкованіемъ, которое строго воспрещено ст. 65 т. I осн. зак. при разрѣшеніи дѣлъ по точному и буквальному смыслу законовъ: ибо при существованіи положительнаго правила, изображеннаго въ ст. 1054 т. X, судебныя мѣста не имѣютъ права входить въ сужденіе о значительности или незначительности сдѣланныхъ въ завѣщаніи назначеній, но обязаны при засвидѣтельствованіи завѣщанія ограничиться исключительнымъ удостовѣреніемъ въ исполненіи всѣхъ предписанныхъ въ законѣ, для составленія означенныхъ актовъ, формальностей.

Наконецъ неправильны также и замѣчанія губернскаго суда противъ возраженія истца о томъ, что въ завѣщаніи заключается двоякій отказъ дома и движимаго имущества: по первому и третьему пунктамъ завѣщанія два дома и особо исчисленная движимость отказана К-вой и ея сыну, а по 2-му пункту одинъ изъ тѣхъ домовъ и движимость предоставлены въ пользу церкви.

Истецъ доказываетъ, что такое противурѣчіе въ завѣщаніи несогласно съ ст. 1026 т. X, по коей имущества завѣщаемыя и лица, коимъ оныя завѣщаются, должны быть въ завѣщаніи точно означены.

Губернскій судъ объясняетъ это противурѣчіе тѣмъ, что завѣщатель при началѣ письма завѣщанія назначилъ домъ въ пользу К-вой, но когда она принять его не пожелала, то

въ окончаніи завѣщанія онъ прибавилъ, что предоставляетъ домъ въ пользу церкви.

Такія разсужденія, заключающія въ себѣ толкованіе смысла завѣщанія по смерти завѣщателя, не могутъ быть допущены, ибо, какъ это замѣчено по одному частному дѣлу и Государственнымъ Совѣтомъ, всякое завѣщаніе, какъ актъ воспріемлющій дѣйствіе свое за предѣлами жизни человѣческой, должно быть изъясняемо неиначе, какъ по буквальному онаго смыслу.

Признавая на основаніи сихъ соображеній, что духовное завѣщаніе А-ва по неформальности своей не можетъ подлежать засвидѣтельствованію и не входя засимъ въ сужденіе по прочимъ возраженіямъ апеллятора, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: рѣшенія окружнаго и губернскаго судовъ 2 іюня 1843 и 28 апрѣля 1844 г. по дѣлу сему послѣдовавшія, какъ несогласныя съ буквальнымъ смысломъ законовъ, отмѣнить со всѣми послѣдствіями и предписать Губернскому Суду, чтобы относительно вызова наслѣдниковъ умершаго Алексѣя А-ва и разсмотрѣнія ихъ правъ на оставшееся послѣ него имѣніе, поступлено было по существующимъ на сей предметъ правиламъ.

Изложивъ такимъ оразомъ существо мнѣнія, на основаніи котораго изложенное нами дѣло получило разрѣшеніе, мы не лишнимъ считаетъ привести содержаніе другаго мнѣнія, заявленнаго при разсмотрѣніи сего дѣла.

Мнѣніе это заключается въ томъ, что завѣщаніе А-ва составлено въ пользу церкви, воспитанника завѣщателя Д-ва съ матерью Марьею К-вою и нѣкоторыхъ родственниковъ. Если же священнику Д-ву и назначена соболья шапка, то не какъ наслѣднику, а, какъ выражается самъ завѣщатель, въ знакъ благодарности, въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ онъ назначилъ при похоронахъ его раздать двумъ священникамъ на поминовеніе по 50, дьякону 25 и на причетъ 15 руб. Таковое вознагражденіе духовнымъ лицамъ за исполненіе ими требъ никакимъ образомъ не можетъ быть признано за участіе ихъ въ наслѣдіи послѣ умершаго и посему не можетъ служить пре-

пятствіемъ къ подписи ихъ подъ завѣщаніемъ въ качествѣ свидѣтелей. На основаніи сихъ соображеній лица, участвовавшія въ постановленіи настоящаго мнѣнія, полагали: завѣщаніе А-ва принять къ засвидѣтельствованію въ установленномъ порядкѣ.

Законъ положительно устраняетъ свидѣтелей подъ завѣщаніемъ отъ всякаго участія въ правѣ наслѣдованія имуществомъ завѣщателя, и не дѣлаетъ изъ этого правила ни малѣйшаго изъятія ни по званію лицъ, подписавшихся подъ завѣщаніемъ свидѣтелями, ни по размѣру назначеннаго въ завѣщаніи дара. Если допустить право свидѣтеля на полученіе собольей шапки, согласно желанію о томъ завѣщателя, то почему же не допустить такогоже права на полученіе капитала, дома и вообще всякаго имущества завѣщателя? Гдѣ граница, рѣзко отдѣляющая даръ значительный отъ дара незначительнаго? Этой границы не существуетъ и существовать не можетъ. Понятіе о большей или меньшей значительности дара зависитъ отъ средствъ завѣщателя и того лица, въ пользу котораго назначена въ завѣщаніи выдача, а эти средства до безконечности разнообразны.—При такомъ условіи всякое сужденіе о значительности или незначительности дара могло бы ослабить силу закона о свидѣтеляхъ и дать поводъ обходить этомъ законъ.—Вообще говоря, не слѣдуетъ при рѣшеніи дѣлъ и примѣненіи къ нимъ закона искать въ этомъ законѣ такого значенія, котораго въ немъ положительно не выражено, и допускать изъятій, пространства и предѣловъ которыхъ опредѣлить не возможно. На этомъ-то основаніи законодательство наше положительно требуетъ, чтобы законы были исполняемы по *точному* и *буквальному* оныхъ смыслу, безъ всякаго исключенія или распространенія, и чтобы всѣ безъ изъятія мѣста, не исключая и высшихъ правительствъ, во всякомъ случаѣ утверждали опредѣленія свои на точныхъ словахъ закона, не перемѣняя въ нихъ, безъ доклада императорскому величеству, ни единой буквы, и не допуская обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій. (Осн. Зак. ст. 65)

II.

Если при предъявленіи къ явкѣ домашняго духовнаго завѣщанія, подписавшіеся на ономъ свидѣтели не дадутъ требуемаго отъ нихъ закономъ отзыва относительно личности завѣщателя и подлинности завѣщанія (т. X Св. Зак. Гражд. ч. I ст. 1050), *то завѣщаніе должно быть оставляемо безъ засвидѣтельствованія. Присутственное мѣсто, на которое возложено свидѣтельствованіе завѣщаній, не можетъ назначать собственною властью изслѣдованіе о точности данныхъ свидѣтелями показаній; производство такого изслѣдованія можетъ быть опредѣлено только подлежащимъ судомъ въ общемъ порядкѣ судопроизводства, по просьбѣ заинтересованнаго въ томъ учрежденія или лица.—Важное упущеніе въ начатіи дѣла, замѣченное при ревизіи онаго высшимъ судомъ, можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ совершенное уничтоженіе судебнаго производства.*

При предъявленіи къ засвидѣтельствованію духовнаго завѣщанія, оставшагося послѣ смерти помѣщицы Клотильды Я-ой, изъ числа трехъ подписавшихся на завѣщаніи свидѣтелей двое, помѣщики Т-ій и К-ій, довели до свѣдѣнія гражданской палаты, что они не могутъ удостовѣрить, чтобы завѣщаніе Я-ой было писано по волѣ и словамъ завѣщательницы и ею собственноручно подписано, и чтобы она при составленіи сего акта была въ здравомъ умѣ и твердой памяти, потому что они не находились при составленіи завѣщанія, а были приглашены тогда, когда завѣщательница уже была лишена способности выражать свою волю.

Основываясь на этомъ обстоятельствѣ, гражданская палата встрѣтила затрудненіе въ принятіи завѣщанія Я-й къ явкѣ, но имѣя въ виду, что сдѣланныя Я-ою въ завѣщаніи пожертвованія могутъ остаться безъ дѣйствія единственно по причинѣ недобросовѣстности Т-го и К-го, просила Губернское Правленіе привести въ извѣстность, дѣйствительно ли упомянутые два свидѣтеля не находились при составленіи завѣщанія Я-ой, и буде показаніе ихъ окажется несправедливымъ, то поступить съ ними по законамъ.

Произведенное по сему предмету изслѣдованіе было передано въ уѣздный судъ и, получивъ дальнѣйшій ходъ слѣдственно-апелляціоннымъ порядкомъ, поступило на ревизію Правительствующаго Сената.

Правительствующій Сенатъ нашелъ, что по закону ревизія гражданскаго дѣла есть внимательное разсмотрѣніе, произведено ли оно порядочно и сходственно съ закономъ (ст. 533 ч. II т. X Св. Зак. Гр.), и потому, согласно точному смыслу 122 ст. т. I Учр. Пр. Сен., призналъ необходимымъ предварительно разсмотрѣнія существа состоявшихся по настоящему дѣлу судебныхъ рѣшеній, опредѣлить: всѣ ли соблюдены по оному обряды, предписанные закономъ, и если сдѣлано въ семъ отношеніи упущеніе, то какое оно должно имѣть вліяніе на разрѣшеніе дѣла.

Порядокъ, которымъ гражданская палата должна была руководствоваться при разсмотрѣніи завѣщанія Я-ой, положительно опредѣленъ существующими законами, по силѣ коихъ домашнія духовныя завѣщанія не могутъ быть приняты къ явкѣ, если нѣтъ въ виду удостовѣренія двухъ или трехъ свидѣтелей, что лицо, предъявившее имъ завѣщаніе, есть точно то самое, коимъ оно сдѣлано и подписано, и что при предъявленіи имъ завѣщанія они всѣ лично видѣли завѣщателя и нашли его въ здравомъ умѣ и твердой памяти (ст. 1050 ч. I т. X Зак. Гр.).

Въ слѣдствіе сего, когда гражданской палатѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что изъ числа подписавшихся на завѣщаніи Я-ой трехъ свидѣтелей только одинъ далъ требуемый закономъ отзывъ, а остальные два объявили, что они не могутъ дать подобное удостовѣреніе, то палатѣ слѣдовало, безъ всякихъ дальнѣйшихъ распоряженій, ограничиться отказомъ въ засвидѣтельствованіи духовнаго завѣщанія, предоставивъ лицамъ, въ пользу коихъ оно было учинено, возражать, буде пожелаютъ, противъ правильности показаній Т-го и К-го и ходатайствовать въ подлежащемъ судебномъ мѣстѣ о возстановленіи силы завѣщанія.

Распоряженіе гражданской палаты, назначившей, безъ всякаго ходатайства со стороны наслѣдниковъ по завѣщанію Я-ой, изслѣдованіе относительно показаній Т-го и К-го, имѣло послѣдствіемъ нарушеніе основнаго правила, по которому никакое гражданское судебное дѣло не начинается безъ иска, прошенія или жалобы, въ установленномъ порядкѣ принесенныхъ (ст. 276 т. II учр. губ., ст. 202, 487 и 656 ч. II т. X. X Св. Зак. Гр.).

По всѣмъ симъ основаніямъ возникшее о духовномъ завѣщаніи Я-ой производство и состоявшіяся по оному судебныя рѣшенія были уничтожены, а гражданской палатѣ вмѣнено было въ обязанность постановить частное опредѣленіе о непринятіи завѣщанія Я-ой къ засвидѣтельствованію и объявить о томъ кому слѣдуетъ установленнымъ порядкомъ, съ предоставленіемъ права начать по предмету возстановленія силы завѣщанія дѣло гдѣ и какъ слѣдуетъ по закону.

Настоящее рѣшеніе замѣчательно въ особенности какъ подтвержденіе того основнаго правила гражданскаго судопроизводства, которое, не смотря на положительное предписаніе закона, часто нарушается присутственными мѣстами; правило это касается способа начатія тяжбъ и исковъ. Начатіе гражданскаго дѣла безъ ясно выраженной на то воли истца, по одному распоряженію присутственнаго мѣста, одинаково противорѣчило бы и выгодамъ правительства, которое лишалось бы при этомъ ис-

ковыхъ пошлинъ, и самому существу подобныхъ дѣлъ, имѣющихъ не государственнное, а частное значеніе, и потому зависящихъ исключительно отъ усмотрѣнія тяжущихся сторонъ. Гражданскія права всякаго лица, какъ физическаго, такъ и юридическаго, безъ сомнѣнія всего лучше охраняются имъ самимъ, и пока оно не считаетъ нужнымъ отыскивать или защищать ихъ судебнымъ порядкомъ, обязанность эта не можетъ быть принята на себя никакимъ постороннимъ лицомъ или мѣстомъ. Въ настоящемъ случаѣ гражданская палата приступила къ производству изслѣдованія на томъ основаніи, что въ завѣщаніи Я-ой сдѣланы были нѣкоторыя пожертвованія; но обстоятельство это нисколько не измѣняло положеніе дѣла, ибо учрежденія, къ вѣдомству которыхъ относились пожертвованія, наравнѣ съ наслѣдниками Я-ой могли предъявить въ установленномъ порядкѣ искъ объ утвержденіи завѣщанія ея.

Дѣло о духовномъ завѣщаніи Я-ой представляетъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда производство, дошедшее въ судебномъ порядкѣ до высшей инстанціи, уничтожается по несоблюденію въ немъ какой-либо существенной формы гражданскаго процесса. Эта чрезвычайная мѣра употребляется съ крайнею осторожностью, потому что она можетъ имѣть самыя вредныя послѣдствія для тяжущихся сторонъ, продолжая неопредѣленность ихъ юридическихъ отношеній и подвергая ихъ вновь всѣмъ тяжебнымъ издержкамъ и убыткамъ. Притомъ нарушеніе формы, допущенное въ ущербъ одной изъ тяжущихся сторонъ, весьма часто покрывается безмолвіемъ ея, или такими дѣйствіями, въ которыхъ несомнѣнно выражается согласіе ея на дальнѣйшее производство дѣла. Наконецъ возобновленіе процесса иногда можетъ быть предотвращено или замѣнено наложеніемъ взысканія на присутственное мѣсто, виновное въ неправильномъ направленіи дѣла.

III.

Завѣщаніе, составленное домашнимъ порядкомъ на родовое имѣніе, въ опредѣленныхъ ст. 1068 *Т. X ч. I Св. Зак. Гражд. случаяхъ, должно быть внесено для храненія въ Опекунскій Совѣтъ или Комитетъ Человѣколюбиваго Общества непремѣнно самимъ завѣщателемъ, а не постороннимъ лицомъ; безъ соблюденія этой формальности, завѣщаніе не можетъ подлежать утвержденію.*

Бездѣтная купеческая вдова А-ва по духовному завѣщанію 23 февраля 1855 г. отказала все родовое имѣніе свое племянницѣ своей купчихѣ К-вой, мимо родныхъ племянниковъ и ближайшихъ законныхъ наслѣдниковъ, купеческихъ сыновей Н-хъ.

Завѣщаніе это, по изъясненному въ ономъ желанію завѣщательницы, внесено было для храненія въ Опекунскій Совѣтъ надворнымъ совѣтникомъ Р-мъ, при объявленіи, подписанномъ по просьбѣ А-вой купцомъ С-вымъ.

По смерти А-вой, завѣщаніе ея препровождено было Опекунскимъ Совѣтомъ въ гражданскую палату и ею принято къ явкѣ.

На сіе повѣренный Н-хъ принесъ жалобу Правительствующему Сенату, объясняя, что по силѣ ст. 1068 т. X ч. I Св. Зак. Гражд. завѣщаніе А-вой недѣйствительно, такъ какъ оно внесено въ Опекунскій Совѣтъ не самою А-вою, а чиновникомъ Р-мъ, безъ формальной на то довѣренности.

Изъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ возникъ общій вопросъ: какъ понимать правило, установленное въ ст. 1068-ой ч. I-й X т. о внесеніи домашнихъ духовныхъ завѣщаній на родовыя имѣнія въ Опекунскій Совѣтъ или Комитетъ Человѣколюбиваго Общества самимъ завѣщателемъ, т. е. необходима ли при семъ дѣйствіи личность завѣщателя или можно ограничиться подачею объявленія отъ его лица?

Вопросъ сей положительно разрѣшается редакціею 1068 ст. X т. ч. I св. гр. зак. До 1850 г. для дѣйствительности завѣщанія этого рода, достаточно было только внести оное для храненія въ указанное закономъ присутственное мѣсто, но въ этомъ году (23 іюля, №. 24348) признано необходимымъ установить для сего еще другое условіе, а именно, чтобы завѣщаніе было внесено для храненія самимъ завѣщателемъ.

По смыслу вышеприведеннаго узаконенія завѣщанія на родовое имѣніе могутъ быть совершаемы либо крѣпостнымъ, либо домашнимъ порядкомъ; но въ семъ послѣднемъ случаѣ необходимо, чтобы завѣщанія были внесены самимъ завѣщателемъ для храненія въ Опекунскій Совѣтъ или Комитетъ Человѣколюбиваго Общества; если же завѣщатель находился бы въ тяжкой болѣзни, то ему дозволяется просить надлежащій судъ о засвидѣтельствованіи завѣщанія въ мѣстѣ его жительства (ст. 1068 т. X ч. I св. зак. гр.)

Имѣя въ виду предоставляемое завѣщателю право, въ случаѣ тяжкой болѣзни, просить судъ о засвидѣтельствованіи завѣщанія на мѣстѣ его жительства, и принимая во вниманіе, что строгость условій, предписанныхъ для дѣйствительности духовныхъ завѣщаній на родовыя имѣнія, очевидно клонится къ устраненію возможности составленія въ этомъ случаѣ подложныхъ актовъ, нельзя не признать, что требованіе закона заключается именно въ томъ, чтобы означенныя завѣщанія представляемы были *лично самими завѣщателями*, безъ всякаго участія въ этомъ дѣйствіи постороннихъ довѣренныхъ лицъ. Подобное объя-

сненіе сего постановленія вполнѣ обезпечиваетъ достиженіе цѣли онаго—предотвращенія поводовъ къ подлогамъ, которые легко бы могли возникнуть при отсутствіи неоспоримыхъ доказательствъ, что завѣщаніе или объявленіе, при которомъ оно представляется, подписаны именно самими завѣщателями, особенно въ такихъ случахъ, когда завѣщатели неграмотны и слѣдовательно не могутъ сами подписать ни завѣщанія, ни объявленія.

Примѣняя вышеизложенныя общія положенія къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ заключилъ: завѣщаніе А-вой, въ той мѣрѣ, въ какой оно касается родоваго имѣнія, оставить безъ утвержденія.

Изъ прочихъ, заявленныхъ по настоящему дѣлу мнѣній одно заключалось въ томъ, что хотя по ст. 1068 домашнее завѣщаніе на родовое имѣніе и должно быть вносимо въ Опекунскій Совѣтъ самимъ завѣщателемъ, но закономъ не постановлено, чтобы обязанность эта непремѣнно была исполняема завѣщателемъ *лично*, и немогла быть передаваема имъ какому—либо постороннему лицу. Такое мнѣніе представляется совершенно произвольнымъ толкованіемъ ст. 1068-ой. Слова «*самимъ завѣщателемъ*» очевидно означаютъ ничто иное, какъ «*лично завѣщателемъ.*»

По другому мнѣнію законнымъ наслѣдникамъ А-вой предполагалось предоставить оспоривать завѣщаніе ея въ обыкновенномъ судебномъ порядкѣ. Это мнѣніе равномѣрно не можетъ быть признано основательнымъ, потому что, какъ уже объяснено въ предъидущей книжкѣ журнала (Русская судебная практика №. II, дѣло о духовномъ завѣщаніи дѣвицы Л-вой), всѣ вопросы, касающіеся формальности или неформальности завѣщаній, могутъ быть разсматриваемы только въ частномъ, нотаріальномъ, а не въ судебно-апелляціонномъ порядкѣ; а способъ внесенія завѣщаній въ Опекунскій Совѣтъ конечно относится къ числу означенныхъ вопросовъ.

IV.

Довѣритель не отвѣтствуетъ за дѣйствія повѣреннаго, совершенныя внѣ предѣловъ предоставленной ему по довѣренности власти. Расходы, произведенные повѣреннымъ безъ разрѣшенія и уполномочія довѣрителя, не могутъ быть приняты на счетъ послѣдняго, хотя бы и было вполнѣ доказано, что они были произведены на его надобности и въ его пользу.

Почетный гражданинъ Павелъ Л-въ 18 іюня 1848 г. выдалъ мѣщанину И-ву довѣренность на заключеіне въ Правленіи Сестрорѣцкаго Оружейнаго завода контракта, на полученіе изъ Правленія залоговъ и всякихъ денежныхъ суммъ, и на подачу дѣловыхъ бумагъ, до контракта относящихся.

За тѣмъ 15 августа и 17 ноября 1848 г. И-въ выдалъ купцу Б-ву росписку на сумму 616 р. сер. и на роспискѣ этой подписался повѣреннымъ купца Л-ва.

Въ слѣдствіе сего Б-въ 28 сентября 1851 г. предъявилъ по этой роспискѣ въ магистратѣ искъ къ Л-ву, объясняя, что означенные 616 р. сер. выданы частью наличными деньгами, частью съѣстными припасами, рабочимъ Л-ва въ Сестрорѣцкомъ заводѣ.

Въ подтвержденіе сего Б-въ сослался на свидѣтелей, которые (въ числѣ 4) подъ присягою показали, что Б-въ выдавалъ разные товары и денежныя суммы по требованію прика-

щика Л-ва, мѣщанина И-ва, и что Л-въ просилъ Б-ва вѣрить И-ву на сумму до 10-т. р. сер.

Противъ сего Л-въ возражалъ, что довѣренностію онъ не предоставлялъ И-ву права кредитоваться за его счетъ, и потому означенная росписка до него вовсе не относится, а показанная въ оной сумма должна быть взыскана съ самаго И-ва.

Магистратъ, по разсмотрѣніи дѣла сего, находя, что представленная Б-вымъ росписка не оспорена въ дѣйствительности ея и что присяжнымъ показаніемъ 4-хъ свидѣтелей вполнѣ доказывается, что сумма 616 р. сер употреблена на дѣла Л-ва, заключилъ: означенную сумму съ процентами взыскать съ Л-ва на удовлетвореніе Б-ва.

Въ послѣдствіи, по апелляціоннымъ жалобамъ Л-ва и Б-ва, настоящее дѣло восходило на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената, который нашелъ, что для разрѣшенія вопроса о степени обязательности для Л-ва росписки И-ва слѣдуетъ сообразить оную съ условіями выданной сему послѣднему довѣренности и опредѣлить, подходитъ-ли сдѣланный И-вымъ у Б-ва заемъ подъ разрядъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ И-ву предоставлено было право дѣйствовать отъ лица его довѣрителя Л-ва.

По силѣ означенной довѣренности И-въ долженъ былъ заключить въ Правленіи Сестрорѣцкаго Оружейнаго завода контрактъ на принятый Л-вымъ подрядъ, получать изъ Правленія залоги Л-ва и разныя слѣдовавшія ему суммы и подавать прошенія и объявленія, до подряда относящіяся,—но о томъ, чтобы онъ могъ выдавать вмѣсто Л-ва частнымъ лицамъ заемныя обязательства, или брать на его счетъ въ лавкахъ припасы и деньги для работниковъ, — въ довѣренности ничего не сказано.

По закону: вѣритель не имѣетъ права оспоривать тѣхъ дѣйствій повѣреннаго, которыя не превышаютъ данной ему вла-

сти (ст. 193 ч. II т. X), но и повѣренный обязанъ не выходить изъ предѣловъ довѣренности и въ правѣ производить токмо то, что ему по точному содержанію оной предоставлено (ст. 2326 т. X ч. I).

Примѣненіе сихъ узаконеній къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла обнаружило, что выданная И-вымъ росписка превышаетъ власть, данную ему по довѣренности Л-ва, и потому довѣритель къ отвѣтственности по этому акту привлекаемъ быть не можетъ.

Независимо отъ сего было принято во вниманіе, что въ настоящемъ производствѣ не имѣется никакихъ доказательствъ о томъ, чтобы означенные въ роспискѣ И-ва 616 р. сер. дѣйствительно были получены на надобности Л-ва, ибо въ самой роспискѣ сказано только, что И-въ состоитъ должнымъ Б-ву эту сумму, безъ показанія употребленія оной, а выставленные свидѣтели хотя и удостовѣряютъ, что И-въ забиралъ товары для рабочихъ изъ лавки Б-ва и что Л-въ просилъ сего послѣдняго вѣрить И-ву до 10-т. р. сер., но ни одинъ изъ свидѣтелей не подтверждаетъ, чтобы И-въ, въ лицѣ Л-ва, задолжалъ Б-ву по работамъ въ Сестрорѣцкомъ Оружейномъ заводѣ тѣ 616 р. сер., о которыхъ возникло дѣло.

При такомъ положеніи дѣла, не встрѣчая законныхъ основаній къ обязанію Л-ва удовлетворить предъявленную къ нему купцомъ Б-вымъ претензію, Правительствующій Сенатъ ходатайство Б-ва оставилъ безъ уваженія, предоставивъ ему о взысканіи по роспискѣ 616 р. сер. обратиться къ самому И-ву, или если Л-въ дѣйствительно состоитъ долженъ Б-ву за забранный товаръ и не разсчитался съ нимъ, то предъявить въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ искъ къ нему, Л-ву, съ законными на то доказательствами.

Изъ вышеизложеннаго видно, что окончательное рѣшеніе, постановленное по настоящему дѣлу, несогласно съ заключеніемъ, состоявшимся въ магистратѣ. Заключеніе это при дальнѣйшемъ производствѣ дѣла подкрѣпляемо было слѣдующими главными доводами: 1) сумма, занятая И-вымъ у Б-ва, была употреблена между прочимъ на покупку съѣстныхъ припасовъ для работниковъ Л-ва; работники эти были необходимы для исполненія предпринятаго Л-вымъ подряда, и въ свою очередь не могли обойтись безъ съѣстныхъ припасовъ, и 2) Л-въ не опровергалъ свидѣтельскихъ показаній о словесномъ открытіи имъ у Б-ва для И-ва кредита на сумму 10 т. руб. сер. Оба эти довода опровергаются преимущественно тѣмъ весьма важнымъ, выведеннымъ въ рѣшеніи обстоятельствомъ, что показанія свидѣтелей не относятся непосредственно къ самой роспискѣ, составляющей предметъ спора, и потому оставляютъ неразъясненнымъ вопросъ о происхожденіи и цѣли сдѣланнаго И-вымъ у Б-ва займа. Независимо отъ того, еслибы даже и было доказано, что 616 руб. дѣйствительно были заняты И-вымъ для нуждъ работниковъ Л-ва, то и въ этомъ случаѣ отвѣтственность за заемъ не могла бы упадать на Л-ва, который не уполномочилъ И-ва на заключеніе его. По точному смыслу законовъ, дѣйствія повѣреннаго обязательны для довѣрителя лишь въ той мѣрѣ, въ какой они соотвѣтствуютъ условіямъ довѣренности; повѣренный, вообще говоря, не есть полный юридическій представитель довѣрителя, а только заступникъ его въ тѣхъ случаяхъ, которыя именно опредѣлены и обозначены въ вѣрющемъ письмѣ. Засимъ очевидно, что дѣйствія повѣреннаго должны согласоваться не только съ выгодами и нуждами довѣрителя, но и съ волею его, прямо и положительно высказанною въ довѣренности; она должна служить единственнымъ руководствомъ при обсужденіи взаимныхъ притязаній повѣреннаго и довѣрителя.

V.

Данныя на недвижимыя имѣнія могутъ быть выдаваемы только въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, т. е. при продажѣ имѣній съ публичнаго торга; выдача ихъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть условливаема частными лицами при добровольной переуступкѣ имѣнія. Запродажная запись обезпечивается только неустойкою и не можетъ имѣть послѣдствіемъ принужденіе продавца къ выдачѣ купчей крѣпости. Исполненіе запродажной записи не можетъ быть отлогаемо по усмотрѣнію договаривающихся сторонъ. Право на недвижимое имѣніе не можетъ быть пріобрѣтено по мировому прошенію, если просители не состоятъ между собою по предмету этого права въ спорѣ или въ такихъ отношеніяхъ, изъ которыхъ можетъ возникнуть споръ.

Жена корнета Флорентина Б-ва, съ согласія мужа и попечителя своего, заключила 21-го февраля 1850 г. въ гражданской палатѣ съ сестрою своею У-ою запродажную запись на часть села Криваго съ 130 крестьянами за 19,500 р. сер.

Въ счетъ условленной суммы Б-ва получила 4,000 р. сер., съ тѣмъ, что остальныя деньги У-ва должна была представить 25 января 1851 г. въ гражданскую палату и получить на означенное имѣніе данную.

По наступленіи сего срока договаривавшіяся стороны, поданными въ палату прошеніями, отсрочили исполненіе условій запродажной сдѣлки по 30-е января 1852 г.

За тѣмъ 31-го января 1852 г. Б-ва, У-ва и мачиха ихъ З-ая подали въ гражданскую палату за общимъ подписомъ мировое прошеніе, въ томъ, что З-ая пріобрѣла всѣ права по запродажной сдѣлкѣ 21-го февраля 1850 г., и потому если Б-ва не возвратитъ ей 25-го января 1853 г. полученныя ею въ счетъ уплаты за имѣніе деньги, то на другой день, 26-го января, З-ая имѣетъ право внести въ палату остальныя деньги и получить на имѣніе данную.

Гражданская палата, отобравъ отъ просительницъ надлежащія въ подтвержденіе мироваго прошенія подписки, предоставила имъ, по наступленіи назначеннаго срока, просить объ исполненіи постановленныхъ ими условій.

Наконецъ 26-го января 1853 г. Б-ва и З-ая вновь отсрочили исполненіе условій по 25-е января 1854-го года.

Въ слѣдствіе сего 26-го января 1854 г. З-ая, представивъ въ палату остальныя деньги, просила выдать ей, согласно условіямъ мировой сдѣлки, данную на имѣніе Б-вой, которая съ своей стороны объяснила, что запродажная сдѣлка и мировое прошеніе подписаны ею въ малолѣтствѣ и объ уничтоженіи оныхъ она начала искъ въ уѣздномъ судѣ, а потому ходатайствовала не совершать на имѣніе ея данной, но предоставить домогательство З-ой разсмотрѣнію уѣзднаго суда.

Гражданская палата, находя, что выданная Б—вою запродажная не только не была ею оспорена, но неоднократно подтверждена мировыми и отсрочными прошеніями и при томъ самый искъ противъ сей сдѣлки предъявленъ ею по истеченіи срока для исполненія оной, по опредѣленію 5-го марта 1854 г. выдала З-ой на означенное имѣніе данную. На таковое распоряженіе Б-ва жаловалась Правительствующему Сенату.

Изъ всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ возникъ слѣдующій вопросъ: правильно ли гражданская палата выдала З-ой данную на имѣніе Б-вой. Въ совершенной Б-вою 21-го фе-

враля 1850 г. запродажной записи, а также въ мировомъ и отсрочныхъ прошеніяхъ постоянно поставлялось непремѣннымъ условіемъ, что если Б-ва не возвратитъ покупщицѣ задаточныя деньги, то сія послѣдняя, по представленіи остальной суммы, должна получить изъ гражданской палаты на переходъ означеннаго имѣнія данную.

По точному смыслу нашихъ узаконеній (ст. 1507, 1508 и 1509 ч. I X т. св. гр. зак.), данныя выдаются единственно на имѣнія, продаваемыя по распоряженію правительства съ публичныхъ торговъ; но о томъ, чтобы подобные акты могли быть выдаваемы вмѣсто купчихъ крѣпостей при продажѣ имуществъ между частными лицами, не упоминается ни въ общихъ постановленіяхъ о порядкѣ совершенія крѣпостныхъ актовъ, ни въ особенныхъ о составленіи предварительныхъ записей на продажу имуществъ. Напротивъ того въ сихъ послѣднихъ (:ст. 1679 ч. I т. X:) для обезпеченія договора о запродажѣ имѣнія постановленъ только одинъ способъ—назначеніе неустойки.

Столь опредѣлительный смыслъ приведенныхъ узаконеній вполнѣ удостовѣряетъ, что исполненіе договора запродажи производится единственно посредствомъ выдачи на запроданное имѣніе купчей крѣпости, и что при уклоненіи отъ сего продавца правительство не понуждаетъ его къ условленной передачѣ имѣнія, а тѣмъ болѣе не можетъ заступить въ этомъ случаѣ его мѣсто и выдать отъ своего лица покупщику данную, потому что порядокъ совершенія купчихъ крѣпостей и данныхъ совершенно различенъ и одинъ изъ сихъ документовъ не можетъ быть замѣненъ другимъ. Въ слѣдствіе сего помѣщеніе въ запродажную запись, заключенную между Б-вою и У-вою, условія, что сія послѣдняя имѣетъ право просить о выдачѣ ей данной, не соотвѣтствуетъ 1530 ст. ч. I т. X св. гр. зак., которою дозволено помѣщать въ договоры только условія, законамъ непротивныя, а потому и самая выдача гражданскою палатою на означенное имѣніе данной ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана правильною.

Относительно правъ самой З-ой на имѣніе Б-ей было найдено, что въ законодательствѣ нашемъ установленъ только одинъ родъ документовъ, которымъ владѣлецъ можетъ принять на себя обязанность продать кому-либо свое имущество въ теченіи опредѣленнаго срока; это—запродажныя записи (ст. 1680 т. X ч. I св. зак. гр.).

Подобная запродажная запись совершена была и въ настоящемъ случаѣ между Б-вою и У-вою, но по наступленіи срока исполненія оной, она была отсрочена, чрезъ подачу договарившимися сторонами прошенія въ гражданскую палату. Наконецъ по мировому прошенію, поданному договаривавшимися сторонами и третьимъ совершенно постороннимъ лицомъ—З-ою, право на пріобрѣтеніе имѣнія передано было З-ой.

Въ законахъ нашихъ о совершеніи запродажныхъ записей (ст. 1679—1690 т. X ч. I св. гр. зак.) недозволено назначенный на выдачу купчей срокъ отдалять по взаимному согласію сторонъ на неопредѣленное время.

За симъ Б-ва и У-ва не имѣли никакого права произвольно отдалять назначенный ими въ запродажной срокъ на выдачу купчей крѣпости, потому что съ истеченіемъ сего срока самый договоръ ихъ по сему предмету потерялъ свое дѣйствіе, а если онѣ желали оставить его въ силѣ, то обязаны были совершить установленнымъ порядкомъ новую запродажную запись. Такимъ образомъ права самой У-вой на полученіе купчей крѣпости на имѣніе Б-вой оказываются ничтожными; тѣмъ болѣе ничтожны права на то З-ой, которой они были переуступлены по мировому прошенію. Мировыя прошенія могутъ быть подаваемы только лицами тяжущимися или такими, которыя находятся между собою въ отношеніяхъ, могущихъ послужить поводомъ къ тяжбѣ (:ст. 1131, 1132 и 1135 т. X ч. II св. гр. зак:).—Но два лица, заключившія запродажную запись, не могутъ по мировому прошенію передать третьему постороннему лицу право получить на запроданное имѣніе купчую крѣ-

ность, потому что право это постороннее лицо можетъ пріобрѣсти не по мировому прошенію, но единственно по новой, совершенной имъ самимъ запродажной записи.

По всѣмъ симъ основаніямъ, распоряженіе гражданской палаты о выдачѣ З-вой данной на имѣніе Б-вой, признано было противузаконнымъ, а притязанія З-ой на означенное имѣніе незаслуживающими уваженія, при чемъ З-ой предоставлено было отыскивать съ Б-вой исполнительнымъ порядкомъ полученныя послѣднею въ счетъ уплаты за имѣніе деньги.

При производствѣ настоящаго дѣла, заявлено было и другое мнѣніе, противуположное вышеприведенному рѣшенію. По смыслу этого мнѣнія, З-ая пріобрѣла безспорное право на имѣніе Б-вой посредствомъ мироваго прошенія, подписаннаго обѣими сторонами, подтвержденнаго ими въ гражданской палатѣ и имѣющаго по закону равную силу съ окончательнымъ судебнымъ рѣшеніемъ, такъ какъ по ст. 1137 т. X ч. II тяжба, прекращенная мировою сдѣлкою, почитается навсегда рѣшенною и не можетъ подлежать возобновленію.

Ошибочность такого взгляда на настоящее дѣло очевидно заключается въ томъ, что мировое прошеніе З-ой, Б-вой и У-вой, не можетъ имѣть той силы, какая присвояется ему. Тяжба, прекращенная или предупрежденная мировымъ прошеніемъ, конечно не подлежитъ возобновленію; но Б-ва, У-ва и З-ая не состояли между собою въ спорѣ и не имѣли, во время подачи мироваго прошенія, никакого повода къ начатію тяжбы. Мировымъ прошеніемъ могутъ быть пріобрѣтены только спорныя права, одною изъ спорящихъ или могущихъ состоять въ спорѣ сторонъ. Допустить передачу спорныхъ правъ посредствомъ мироваго прошенія третьему, постороннему лицу, значило бы установить новый способъ пріобрѣтенія имѣній, крайне невыгодный для казны, которая лишилась бы слѣдующихъ ей по закону крѣпостныхъ и гербовыхъ пошлинъ.

Весьма важны соображенія, заключающіяся въ вышеприведенномъ рѣшеніи относительно способовъ обезпеченія и исполненія запродажныхъ записей. Соображенія эти предупреждаютъ неправильное умноженіе случаевъ, въ которыхъ имѣніе частнаго лица отсуждается изъ его владѣнія при участіи правительства, посредствомъ выдачи данной. Законъ, указавъ на неустойку, какъ на средство обезпеченія запродажныхъ записей, устранилъ тѣмъ самымъ принятіе какихъ-либо другихъ мѣръ къ исполненію ихъ. Лучшимъ доказательствомъ сего служитъ ст. 1682 т. X ч. I св. зак. гражд., въ которой сказано: По истеченіи назначеннаго на продажу имѣнія срока, запродажная запись, *въ отношеніи обязанности совершить купчую крѣпость*, считается ничтожною. Статья эта показываетъ, что если лицо, запродавшее имѣніе, неисполнитъ обязанности, принятой имъ на себя относительно продажи имѣнія, то оно не можетъ быть принуждено къ выдачѣ купчей крѣпости, и запродажная запись сохраняетъ свою силу лишь относительно опредѣленной въ ней неустойки.

VI.

Право владѣнія и пользованія землею можетъ быть отдѣлено отъ права собственности не иначе, какъ по законно совершенному акту. Всякое распоряженіе по сему предмету, основанное на словесномъ соглашеніи и не облеченное въ законную форму, не обязательно ни для самого собственника, ни тѣмъ менѣе для преемниковъ его, и можетъ быть отмѣнено по непосредственному усмотренію ихъ.

Помѣщики и государственные крестьяне села Литвяковъ жаловались на К-ій монастырь за неотдачу имъ подъ об-

щественный выгонъ 80 десятинъ земли, пріобрѣтенной монастыремъ отъ помѣщицы А-вой

Прежній владѣлецъ означенной земли, помѣщикъ Е-ій, для пастьбы своего скота пользовался общественнымъ выгономъ села Литвяковъ, а въ замѣнъ этого собственную свою землю чрезъ каждые два года отдавалъ селу подъ выгонъ. Въ послѣдствіи права его на землю перешли по закладной къ помѣщицѣ А-вой, которая по крѣпостному, никѣмъ ни оспоренному акту, продала оную Л-му монастырю.

Монастырь, не имѣя надобности въ общественномъ выгонѣ, пересталъ отдавать купленную землю въ пользованіе жителей села Литвяковъ и началъ обработывать оную на правѣ полной собственности.

Изъ вышеизъясненныхъ обстоятельствъ видно, что право полной собственности на спорную землю принадлежало сначала помѣщику Е-му, который пользованіе и владѣніе оною предоставлялъ на особыхъ условіяхъ обществу жителей села Литвяковъ, въ замѣнъ даннаго ему права пасти свой скотъ на ихъ выгонахъ; но акта на сіе не совершалъ.

По закону: вотчинникъ имущества можетъ передать другому лицу право владѣнія и пользованія онымъ отдѣльно отъ права собственности, но не иначе, какъ по узаконеннымъ для того актамъ, при чемъ пространство и срочность сего отдѣльнаго права опредѣляется тѣмъ самымъ актомъ, коимъ оно установлено (ст. 514 и 535 т. X Св. Зак. Граж.). Вотчинникъ, не смотря на то, что имущество его находится по законно совершеннымъ актамъ во временномъ отдѣльномъ владѣніи посторонняго лица, можетъ уступить или продать кому-либо, по своему произволу, принадлежащее ему право собственности на таковое имущество, впрочемъ не стѣсняя тѣмъ правъ отдѣльнаго владѣнія (ст. 521).

Точный смыслъ сихъ узаконеній показываетъ, что общество жителей села Литвяковъ могло пользоваться землею Е-го

по словесному соглашенію только въ теченіи того времени, пока она принадлежала Е-му, но при поступленіи оной въ собственность другихъ лицъ, по законно совершеннымъ и никѣмъ неоспореннымъ крѣпостнымъ документамъ, пріобрѣтатели получили на сію землю всѣ тѣ права, которыя принадлежали прежнему владѣльцу и которыхъ онъ не отдѣлилъ отъ права собственности предписаннымъ для того въ законахъ порядкомъ.

Въ слѣдствіе сего, такъ какъ право владѣнія и пользованія спорною землею не было предоставлено Е-мъ жителямъ села Литвяковъ по письменному, законно совершенному акту, то новые владѣльцы земли имѣютъ исключительное право пользоваться и распоряжаться своею собственностію и не быть принуждены къ отдачѣ оной подъ общественный выгонъ.

По всѣмъ симъ основаніямъ, пріобрѣтенная К-мъ монастыремъ отъ помѣщицы А-вой земля признана была неотъемлемою монастырскою собственностію и оставлена въ полномъ распоряженіи монастырскаго начальства.

При разсмотрѣніи настоящаго дѣла заявлено было и другое мнѣніе, слѣдующаго содержанія:

По собственному показанію монастырскаго начальства, право помѣщицы А-вой на спорную землю перешло къ монастырю въ томъ самомъ объемѣ, въ которомъ А-ва приняла оное отъ помѣщика Е-го; между тѣмъ право этого помѣщика было не исключительное, а совмѣстное съ жителями села Литвякъ; отсюда слѣдуетъ заключить, что жители села Литвякъ сохранили свое право на спорную землю и по переходѣ оной во владѣніе монастыря. Законное основаніе къ таковому заключенію можно найти въ ст. 449 и 450 т. X ч. I. Св. Зак. Гражд., установляющихъ какъ бы нѣкоторый родъ *сервитутнаго права*, хотя понятіе объ этомъ правѣ не развито въ нашемъ законодательствѣ; а также въ ст. 432 и 433-й, содержащихъ въ себѣ общія положенія о правѣ собственности неполномъ.

Статьи 449-я и 450-ая, на которыя сдѣлана ссылка въ вышеприведенномъ мнѣніи, касаются такъ называемыхъ *малыхъ дорогъ* для проѣзда чрезъ постороннія дачи на пашни, покосы, въ лѣса и для водопоя. Обязанность землевладѣльцевъ устраивать такія дороги и право сосѣднихъ жителей пользоваться ими безъ сомнѣнія близко подходятъ къ тому юридическому установленію, которое въ Римскомъ правѣ извѣстно подъ именемъ *сервитутовъ*. Сюда же можно отнести и предъидущія статьи 445—447 т. X ч. I Св. Зак. Гражд., въ которыхъ равномѣрно говорится о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ смежныхъ владѣльцевъ, или другими словами объ ограниченіяхъ, налагаемыхъ на одного изъ нихъ въ пользу другаго. Но ни одно изъ этихъ узаконеній не даетъ повода заключать, чтобы понятіе о сервитутахъ могло быть примѣняемо и въ другихъ, не указанныхъ въ законѣ случаяхъ, и чтобы право отдѣленнаго пользованія въ чужомъ имуществѣ, продолжавшееся нѣсколько времени по добровольному согласію хозяина, могло бы считаться навсегда обязательнымъ для сего послѣдняго и для преемниковъ его. Если въ законѣ со всею точностію исчислены и опредѣлены случаи, въ которыхъ одно лице ipso jure имѣетъ извѣстное право на имущество другаго, то отсюда явствуетъ, что во всѣхъ остальныхъ случаяхъ подобное право можетъ быть пріобрѣтено не иначе, какъ общимъ, установленнымъ для того порядкомъ, т. е. посредствомъ надлежащаго акта. Къ такимъ именно случаямъ относится и настоящее дѣло. Жители села Литвякъ пользовались землею помѣщика Е-го по словесному съ нимъ условію, и притомъ тѣмъ менѣе имѣли право простирать какую—либо претензію къ преемникамъ Е-го, что сей послѣдній въ свою очередь пользовался общественною землею, а монастырь отказался отъ этого пользованія. Давность равномѣрно не можетъ имѣть примѣненія къ настоящему дѣлу, потому что право, уступаемое хозяиномъ добровольно, условно и на время другому лицу, безъ сомнѣнія никогда не можетъ быть утрачено посредствомъ давности.

В. ИНОСТРАННАЯ.

I.

Процессъ по обвиненію Куртильяка и Серьѐ въ покушеніи на убійство полицейскаго чиновника Превѐ.

Одна изъ особенностей французскаго суда присяжныхъ (jury) состоитъ въ томъ, что если присяжные признаютъ подсудимаго виновнымъ въ совершеніи извѣстнаго преступленія, то судьи (la cour) имѣютъ право, если они убѣждены въ неправильности такого приговора по существу, отложить дѣло до слѣдующаго засѣданія и предоставить сужденіе его другимъ присяжнымъ, въ числѣ коихъ не можетъ находиться ни одинъ изъ присяжныхъ, произнесшихъ первоначальный приговоръ.

Это правило, составляющее одну изъ важнѣйшихъ гарантій французскаго уголовнаго суда, примѣняется лишь въ самыхъ сомнительныхъ случаяхъ и съ соблюденіемъ особенной осторожности.

Такъ въ недавнее время въ одномъ изъ департаментовъ Франціи судъ счелъ необходимымъ воспользоваться этимъ правомъ при разсмотрѣніи дѣла о взведенномъ на А. Куртильяка, и Д. Серьѐ обвиненіи въ покушеніи на убійство одного изъ полицейскихъ чиновниковъ.

Въ этомъ отношеніи означенное дѣло представляетъ особенный интересъ.—Посмотримъ, имѣлъ ли судъ въ настоящемъ случаѣ полное основаніе къ уничтоженію приговора присяжныхъ.

Подсудимые Куртильякъ 27 лѣтъ и Серье́ 22 лѣтъ привлечены были къ суду ассизовъ (:cour d' assises); первый, какъ виновникъ, и второй, какъ участникъ, въ покушеніи на убійство съ предъ-умышленіемъ полицейскаго чиновника во время исполненія имъ своихъ обязанностей.

Обстоятельства этого дѣла, изложенныя въ обвинительномъ актѣ, заключаются въ слѣдующемъ:

Въ ночь съ 10-го на 11-е іюня Превò, полицейскій чиновникъ въ Пезенасѣ, совершалъ свой обычный обходъ для наблюденія за спокойствіемъ города.

Поворачивая изъ одной улицы въ другую, онъ замѣтилъ на углу ихъ, въ небольшомъ разстояніи отъ него, двухъ людей, спрятавшихся за дверью дома.

Онъ шелъ прямо къ нимъ съ тѣмъ, чтобы ихъ разсмотрѣть, но едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ раздался выстрѣлъ и пыжъ огнестрѣльнаго оружія упалъ къ его ногамъ, не причинивъ ему впрочемъ никакого вреда.

Въ тоже время лица, находившіяся за дверью, скрылись по разнымъ направленіямъ.

Превò отправился въ погоню за сдѣлавшимъ выстрѣлъ и догналъ его въ ту минуту, когда онъ намѣревался войти въ одинъ изъ домовъ Петровской улицы. Это былъ Куртильякъ.

Превò остановилъ его и, не смотря на его просьбы, отвелъ его въ полицію.

При обыскѣ Куртильяка, при немъ оказался кромѣ пистолета, изъ котораго онъ выстрѣлилъ, другой заряженный пистолетъ.

На спросъ полицейскаго коммиссара Куртильякъ отвѣчалъ, что, по выходѣ его изъ трактирнаго заведенія Лейде, ему пришла въ голову мысль выстрѣлить изъ пистолета и утверждалъ, что онъ не имѣлъ въ отношеніи къ Превò никакого преступнаго намѣренія, и что онъ даже его не замѣтилъ.

Эти доводы Куртильяка не согласовались съ обстоятельствами, обнаруженными слѣдствіемъ.

Серье́, бывшій вмѣстѣ съ Куртильякомъ при совершеніи имъ выстрѣла и вполнѣ узнанный Прево̀, неоднократно замѣченъ былъ прежде вмѣстѣ съ нимъ въ пререканіяхъ съ полиціею.

Куртильякъ былъ уже подверженъ за оскорбленіе одного изъ полицейскихъ чиновниковъ 10 дневному тюремному заключенію, а Серьѐ 8 дневному заключенію за воровство.

Полицейскіе чиновники Прево̀ и Гарбаль были наиболѣе ненавидимы Куртильякомъ, который не скрывалъ давнишняго своего намѣренія отмстить имъ.

Въ январѣ текущаго года Гарбаль былъ предувѣдомленъ своимъ зятемъ объ этомъ намѣреніи Куртильяка.

Тѣмъ не менѣе Прево̀ и Гарбаль слѣдили за Куртильякомъ и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Прево̀ остановилъ Куртильяка, когда онъ бродилъ ночью съ толпою своихъ пріятелей по улицамъ Пезенаса, нарушая спокойствіе жителей.

Послѣ сдѣланнаго Куртильяку, по доносу объ этомъ Прево̀, полицейскимъ коммиссаромъ выговора, Куртильякъ принялъ рѣшительное намѣреніе отмстить чѣмъ нибудь Прево̀.

Въ маѣ мѣсяцѣ онъ купилъ въ магазинѣ Маоку пару пистолетовъ за 7½ франковъ и послѣ пробы зарядилъ ихъ вновь одинъ пулею, а другой дробью.

10 іюня вечеромъ Куртильякъ, взявши съ собою оба пистолета, отправился вмѣстѣ съ Серьѐ, знавшимъ о его намѣреніи, въ трактирное заведеніе, содержимое Лейде.

Скоро послѣ того въ этотъ же домъ пришли по дѣламъ службы Прево̀ и Гарбаль.

Они были введены въ комнату, находившуюся рядомъ съ тою, гдѣ были Куртильякъ и Серьѐ, которые такимъ образомъ могли слышать все, что говорили полицейскіе чинов-

ники, тѣмъ болѣе, что они разговаривали громко и потому непремѣнно были узнаны.

Они ушли немного ранѣе часа для совершенія ночнаго обхода, а черезъ 10 минутъ послѣ нихъ вышли и Куртильякъ съ Серьѐ; при чемъ Серьѐ освѣдомился, ушли ли чиновники, и потомъ, смотря на улицу, сказалъ: никого нѣтъ.— Куртильякъ и Серьѐ вѣроятно знали, гдѣ найти Превò и Гарбаля, потому что полицейскіе чиновники должны постоянно обходить одни и тѣже мѣста, а Превò и Гарбаль наблюдали за двумя улицами.

Вотъ почему Куртильякъ и Серьѐ, оставивъ трактиръ, отправились въ улицу Петровскую и скрылись за дверью одного изъ домовъ, мимо котораго непремѣнно долженъ былъ проходить Превò, который такимъ образомъ и нашелъ ихъ.

Серьѐ былъ остановленъ на другой день утромъ. Онъ отпирался отъ всякаго участія въ преступленіи съ Куртильякомъ, показывая, что онъ даже не находился съ Куртильякомъ въ то время, когда онъ выстрѣлилъ въ Превò.

Но Превò, какъ выше было сказано, узналъ его въ то время, когда онъ находился за дверью вмѣстѣ съ Куртильякомъ.

Оба они замѣчены въ дурномъ поведеніи и слывутъ въ Пезенасѣ за опасныхъ людей.

Всѣ вышеописанные факты были вполнѣ подтверждены свидѣтельскими показаніями.

Нѣкоторое сомнѣніе возникло лишь относительно участія Серьѐ въ преступленіи, совершенномъ Куртильякомъ.

По выслушаніи обвинительнаго акта, показаній свидѣтелей и адвокатовъ подсудимыхъ, присяжные объявили слѣдующее рѣшеніе: 1, Серьѐ признанъ невиновнымъ 2, Куртильякъ признанъ виновнымъ въ покушеніи на убійство Превò и 3, въ отношеніи Куртильяка признаны увеличивающія вину обстоятельства, такъ какъ покушеніе на преступленіе совершено было

надъ правительственнымъ лицемъ во время исполненія имъ своихъ обязанностей.

Это рѣшеніе, которое должно было бы имѣть послѣдствіемъ приговоръ Куртильяка къ смертной казни, возбудило въ слушателяхъ сильное волненіе.

Судьи удалились для совѣщанія и послѣ довольно продолжительнаго времени президентъ объявилъ, что судьи, убѣжденные въ томъ, что присяжные при соблюденіи всей должной формальности ошиблись въ существѣ дѣла, опредѣляютъ отложить дѣло до слѣдующаго засѣданія.

Такимъ образомъ уничтоженъ былъ послѣдовавшій по настоящему дѣлу приговоръ присяжныхъ.

Въ журналѣ, изъ коего извлеченъ этотъ процессъ, не помѣщены ни обвинительная рѣчь генералъ-адвоката, ни защитительныя рѣчи адвокатовъ подсудимыхъ, почему подробности дѣла остаются для насъ неразъясненными.

Тѣмъ не менѣе факты, изложенные въ обвинительномъ актѣ и подтвержденные свидѣтельскими показаніями, даютъ возможность опредѣлить, имѣлъ ли судъ основаніе къ уничтоженію приговора присяжныхъ.

Въ этомъ отношеніи самое поверхностное разсмотрѣніе дѣла ведетъ къ предположенію, что подсудимый Куртильякъ дѣйствительно покушался на убійство полицейскаго чиновника Превó.

Такое предположеніе подтверждается слѣдующими соображеніями:

Полицейскій чиновникъ Превó остановилъ Куртильяка немедленно послѣ сдѣланнаго имъ выстрѣла, т. е. на мѣстѣ преступленія (flagrant délit:), при чемъ нашелъ у него два пистолета, одинъ разряженный, изъ коего сдѣланъ былъ выстрѣлъ, и другой еще заряженный.

При такихъ явныхъ уликахъ Куртильякъ не имѣлъ возможности отпираться въ совершеніи выстрѣла.

Въ объясненіе и оправданіе этого поступка Куртильякъ приводилъ единственно тотъ доводъ, что при выходѣ изъ трактирнаго заведенія Лейде, ему пришла въ голову мысль выстрѣлить изъ пистолета, утверждая, что въ отношеніи къ Превò онъ не имѣлъ никакого преступнаго намѣренія и даже его не замѣтилъ.

Такое объясненіе, неподкрѣпленное никакими доказательствами, очевидно нè заслуживаетъ никакого уваженія.

Оно не разрѣшаетъ вопроса: для чего Куртильякъ, отправляясь въ трактирное заведеніе Лейде, вооружился заряженными пистолетами?

Одно это обстоятельство устраняетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что Куртильякъ, выходя изъ дому, имѣлъ преступное намѣреніе.

Далѣе изъ дѣла видно, что Куртильякъ и Серьè вышли изъ трактира немедленно послѣ полицейскихъ чиновниковъ и спрятались за дверью одного изъ домовъ той улицы, по которой поименованные чиновники совершали обыкновенно ночной обходъ.

Наконецъ выстрѣлъ раздался въ ту минуту, когда Превò, замѣтивъ спрятавшихся людей, шелъ къ нимъ, чтобы ихъ разсмотрѣть.

Всѣ эти обстоятельства находятся въ явномъ противурѣчіи съ показаніемъ Куртильяка, что онъ незамѣтилъ Превò и выстрѣлилъ единственно по внезапной фантазіи, безъ всякой преступной цѣли.

Такая мысль могла бы прійти только въ голову человѣка лишеннаго разсудка, и едва ли можно предположить, чтобы человѣкъ въ здравомъ разсудкѣ и трезвый рѣшился для удовлетворенія фантазіи стрѣлять изъ заряженнаго пистолета въ обитаемой улицѣ.

Независимо отъ сего, обнаруженныя слѣдствіемъ обстоятельства о дурномъ поведеніи Куртильяка и о давнемъ нерасполо-

ложеніи его къ Превó, нѣсколько разъ останавливавшему его при совершеніи различныхъ проступковъ, еще болѣе подтверждаютъ то заключеніе, что Куртильякъ дѣйствительно покушался на жизнь Превó.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, приговоръ присяжныхъ о признаніи Куртильяка виновнымъ въ покушеніи на убійство Превó представляется справедливымъ и согласнымъ съ обстоятельствами дѣла.

Притомъ Куртильякъ сдѣлалъ все, что онъ считалъ нужнымъ для совершенія преступленія, и если Превó не былъ убитъ, то это произошло лишь по обстоятельствамъ отъ воли Куртильяка независѣвшимъ, почему совершенное имъ дѣйствіе должно отнести къ *преступленіямъ несостоявшимся* (delit manqué).

Тутъ возникаетъ вопросъ: почему судъ счелъ нужнымъ воспользоваться въ настоящемъ случаѣ правомъ уничтоженія приговора присяжныхъ, не смотря на то, что правомъ этимъ суды обыкновенно пользуются лишь въ самыхъ сомнительныхъ случаяхъ.

Такое рѣшеніе суда объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что по силѣ французскаго кодекса покушеніе на убійство наказывается, какъ и самое преступленіе, смертною казнію.

Между тѣмъ ужасъ, внушаемый смертною казнію, такъ великъ, что даже въ случаѣ убѣжденія въ совершеніи подсудимымъ преступленія, влекущаго за собою это наказаніе, присяжные обыкновенно стараются найти какое либо смягчающее вину обстоятельство (circonstances atténuantes) съ цѣлію замѣнить казнь приговоромъ къ каторжной работѣ.

Тѣмъ болѣе стараются присяжные избѣгать приговора къ смертной казни въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимый виновенъ лишь въ покушеніи на преступленіе, за которымъ слѣдуетъ смертная казнь.

Вообще право объявлять смягчающія вину обстоятельства (circonstances atténuantes), составляющее одно изъ существен-

ныхъ различій между французскимъ и англійскимъ судомъ присяжныхъ, сдѣлалось во Франціи обыкновеніемъ и не примѣняется лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимый по особенной закоснѣлости своей и по тягости совершеннаго преступленія не заслуживаетъ милосердія.

Въ настоящемъ случаѣ присяжные, вопреки этому обыкновенію, объявили подсудимаго Куртильяка виновнымъ въ покушеніи на убійство безъ признанія смягчающихъ вину обстоятельствъ, а напротивъ признали увеличивающее вину обстоятельство, такъ какъ покушеніе совершено было надъ правительственнымъ лицомъ.

Вотъ чѣмъ, по нашему мнѣнію, объясняются неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на публику этимъ приговоромъ присяжныхъ, и рѣшимость суда передать дѣло разсмотрѣнію новыхъ присяжныхъ.

Затѣмъ, если новые присяжные объявятъ рѣшеніе, подобное первому, то судъ не будетъ уже имѣть никакого вліянія на существо этого рѣшенія.

По поводу изложеннаго процесса считаемъ неизлишнимъ и не лишеннымъ интереса изложить въ самыхъ краткихъ словахъ воззрѣніе одного изъ замѣчательнѣйшихъ юристовъ новѣйшаго времени, бывшаго профессора римскаго права въ Женевской академіи Росси, на покушеніе и на несостоявшееся преступленіе, что будетъ нѣкоторымъ образомъ служить объясненіемъ рѣшенія суда въ приведенномъ случаѣ.

Въ сочиненіи своемъ объ уголовномъ правѣ (Traité du droit pénal) въ статьѣ о покушеніи на преступленіе, несостоявшееся по обстоятельствамъ отъ воли преступника независѣвшимъ (кн. II гл. 31), Росси, между прочимъ, предлагаетъ вопросъ: какое наказаніе должно быть назначаемо за покушеніе? Вопросъ этотъ, говоритъ авторъ, возбуждалъ между юристами много толковъ и пререканій.

Но здравый смыслъ и общественное мнѣніе давно рѣшили: что если преступленіе не совершено, то наказаніе должно быть легче,

Эта матеріальная соразмѣрность, это чувство, такъ сказать, грубой справедливости, свойствены человѣку по самому несовершенству его природы.

Не смотря на вліяніе, которое имѣютъ законодатели на общественное мнѣніе, во всякомъ народѣ, вышедшемъ изъ состоянія застоя и невѣжества, существуетъ убѣжденіе, что наказаніе за покушеніе должно отличаться отъ наказанія за совершенное преступленіе.

Общественное мнѣніе не можетъ усвоить того принципа, по которому убійца, жертва коего лежитъ въ могилѣ, погибаетъ на эшафотѣ, равнымъ образомъ какъ и тотъ, жертва коего находится, быть можетъ, въ числѣ зрителей его казни.

Если фактъ этотъ вѣренъ, то можно, не входя въ разсмотрѣніе существа общественнаго мнѣнія, сомнѣваться въ достоинствѣ принципа, уравнивающаго покушеніе съ преступленіемъ, потому, что можетъ ли быть польза въ наказаніи, опровергаемомъ общественнымъ мнѣніемъ?

Засимъ общественная власть не должна прибѣгать къ такому наказанію даже и въ томъ случаѣ, еслибы можно было доказать его абстрактную справедливость.

Поэтому принципъ, уравнивающій покушеніе съ преступленіемъ, не представляется примѣнимымъ и справедливымъ.

Все это, конечно, относится и можетъ относиться только къ справедливости, осуществимой на землѣ.

Что касается вѣчной правды, то воля человѣка не составляетъ для нея тайны.

Хотя дѣяніе и не совершилось, но намѣреніе преступника извѣстно во всѣхъ подробностяхъ; вѣчная правда одна можетъ сказать, что преступникъ не остановился бы въ приведеніи въ исполненіе преступнаго замысла, что душѣ его чуждо раскаяніе.

Низойдемъ до справедливости, осуществимой на землѣ. Здѣсь нѣтъ уже ничего точнаго, ничего положительнаго.—Нужны матеріальныя средства для открытія того, что было; но что будетъ, что могло бы быть,—этаго общественная справедливость

не можетъ рѣшить. Права ея ограничены несовершенствомъ средствъ, которыя она должна употреблять, и существомъ цѣли, къ которой она стремится.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что когда покушеніе остановлено, то преступникъ не извлекъ еще изъ преступленія тѣхъ незаконныхъ выгодъ, которыхъ онъ ожидалъ, и которыя долженъ былъ бы искупить чрезъ наказаніе.

Съ другой стороны матеріальный вредъ, причиненный покушеніемъ, не можетъ быть сравненъ съ матеріальнымъ вредомъ, который былъ бы причиненъ преступленіемъ.

Такимъ образомъ ни нравственная, ни матеріальная сторона преступнаго дѣйствія не оправдываютъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія предположеннаго равенства между покушеніемъ и преступленіемъ.

Потому подобный законъ есть ничто иное, какъ предупредительная и устрашительная мѣра.

Развивая далѣе во всѣхъ подробностяхъ мысль о различіи покушенія отъ преступленія, авторъ приходитъ къ тому заключенію: 1, что наказаніе за покушеніе должно быть во всякомъ случаѣ легче наказанія за оконченное преступленіе, и 2., что наказаніе за покушеніе должно увеличиваться по мѣрѣ близости онаго къ преступленію.

Объяснивъ такимъ образомъ значеніе покушенія на преступленіе, авторъ переходитъ къ разъясненію преступленія несостоявшагося (кн. 2. гл. 33.).

Единственный вопросъ, который можетъ быть возбужденъ въ этомъ отношеніи, говоритъ онъ, заключается въ томъ, должно-ли наказывать за преступленіе несостоявшееся, какъ за совершенно оконченное преступленіе.

Виновникъ несостоявшагося преступленія сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло для совершенія преступленія. Преступное намѣреніе получило полное развитіе. Виновнику не представляется болѣе возможности остановиться, раскаяться предъ совершеніемъ дѣйствія.

Виновникъ окончательнаго преступнаго дѣйствія имѣетъ физическую увѣренность въ успѣхѣ. Если преступленіе не состоялось, то это единственно по причинѣ, не находящейся въ области человѣческой предусмотрительности: это случай. Но случаемъ никто не имѣетъ права воспользоваться, точно также какъ никто не подлежитъ отвѣтственности за зло, произведенное случаемъ, особенно если онъ не былъ причиной приключенія.

Хотя матеріальное зло и не причинено, но матеріальный фактъ, который долженъ былъ причинить зло, совершенъ. Преступное намѣреніе приведено къ окончанію; нѣтъ болѣе сомнѣнія на счетъ намѣренія. Нравственное преступленіе, также какъ и общественное, совершено и очень важно, потому что общество не можетъ довѣриться игрѣ случая.

Тѣмъ не менѣе существуетъ фактъ постоянный, всеобщій, одинъ изъ фактовъ, свойственныхъ человѣчеству, который непремѣнно долженъ быть въ виду законодателя, хотя бы онъ и не могъ объяснить его точнымъ образомъ.

Люди никогда не смѣшиваютъ и не смѣшивали виновника преступленія несостоявшагося съ виновникомъ преступленія оконченнаго. Это различіе ощущается внутренно и самими виновниками: всякій могъ это испытать, совершивъ зло по неосторожности. Тотъ, кто по неосторожности едва не сдѣлался виновникомъ зла, и тотъ, кто чрезъ эту самую неосторожность дѣйствительно причинилъ зло, не испытываютъ равнымъ образомъ нравственнаго мученія; они не равнымъ образомъ взволнованы. Тотъ, кто въ порывѣ гнѣва ранилъ кого нибудь, и тотъ, чей ударъ при одинакихъ обстоятельствахъ не достигъ цѣли, чувствуютъ себя виновными, какъ тотъ, такъ и другой, но мученія совѣсти болѣе ощущаются первымъ, чѣмъ вторымъ; совѣсть этого послѣдняго успокоивается скорѣе.

Отъ чего происходитъ это различіе чувствъ, тогда какъ различіе послѣдствій нисколько не зависитъ отъ воли виновника, тогда какъ тотъ и другой сдѣлали все, что было нужно, чтобы прійти къ одной и той же цѣли. Отъ чего это отноше-

ніе, этотъ союзъ, признаваемый общественною совѣстію, между дѣйствіемъ и безнравственностью виновника онаго, еще болѣе между возможнымъ успѣхомъ матеріальнаго факта и нравственною важностію преступленія?

Стремленіе нашего ума судить о важности человѣческихъ дѣйствій по совершившемуся факту проявляется поразительнымъ образомъ, когда имѣются въ виду два факта, изъ коихъ одинъ причинилъ зло исправимое, а другой неисправимое.

Мы всегда склонны къ снисходительности, когда дѣло касается зла исправимаго; напротивъ зло неисправимое встрѣчаетъ въ насъ судей рѣшительныхъ и строгихъ.

Не проявляется ли это различіе, столь ствойственное человѣческому уму, между зломъ исправимымъ и неисправимымъ въ нашихъ чувствахъ въ отношеніи виновника преступленія несостоявшагося и виновника преступленія оконченнаго.

Если бы это и было справедливо, то задача тѣмъ не менѣе осталась бы неразрѣшенною; изложеніе ея было бы измѣнено, но трудность ея оставалась бы вполнѣ.

Оцѣнка незаконныхъ выгодъ, происходящихъ отъ преступленія, не содѣйствуетъ ли различію нашихъ чувствъ относительно преступленія оконченнаго и преступленія несостоявшагося. Если искупленіе должно быть также соразмѣрно съ незаконными выгодами, которыя виновникъ пріобрѣтаетъ чрезъ преступленіе, то оно должно быть менѣе тяжко, если эти выгоды не состоялись.

Отсюда ясно, почему это правило нравственной справедливости примѣняется здравымъ смысломъ даже къ законному наказанію.

Объясненный фактъ неопровержимъ. Законодатель, который не имѣетъ его въ виду, ставитъ такимъ образомъ законъ въ противурѣчіе съ чувствомъ всего человѣчества.

Противудѣйствіе наиболѣе сильно, когда дѣло идетъ о смертной казни.

Тоже различіе между зломъ исправимымъ и зломъ неисправимымъ выражается особенно ясно въ примѣненіи къ смертному приговору.

Объяснивъ такимъ образомъ значеніе и различіе между покушеніемъ на преступленіе и преступленіемъ несостоявшимся, Росси заключаетъ эту главу совѣтомъ законодателю смягчать наказанія за извѣстныя преступленія, и въ особенности за преступленія, наказываемыя смертною казнію, въ отношеніи того, чье преступное намѣреніе несостоялось, для того, чтобы и онъ воспользовался счастьемъ, покровительствовавшимъ его жертвѣ.

Приведенная статья Росси, основанная на глубокомъ психическомъ изученіи человѣческой природы и примѣнимая къ чувствамъ всѣхъ вообще народовъ, кажется, достаточнымъ образомъ объясняетъ, почему приговоръ присяжныхъ о признаніи Куртильяка виновнымъ въ покушеніи на жизнь Превò съ увеличивающими вину обстоятельствами не былъ одобренъ ни публикою, ни судомъ, и почему дѣло передано разсмотрѣнію новыхъ присяжныхъ.

Любопытно было бы знать, подчинятся ли новые присяжные суду общественнаго мнѣнія и признаютъ ли въ отношеніи къ Куртильяку уменьшающія вину обстоятельства для избавленія его отъ смертной казни.

Во всякомъ случаѣ правило, предоставляющее суду въ извѣстныхъ случаяхъ уничтожать приговоръ присяжныхъ посредствомъ передачи дѣла разсмотрѣнію новыхъ присяжныхъ, по нашему мнѣнію, весьма полезно, въ томъ отношеніи что со временемъ сомнительная и темная сторона дѣла можетъ разъясниться и въ пользу подсудимаго могутъ представиться новые доводы, клонящіеся къ его оправданію или смягченію его вины.

Это правило существуетъ и въ англійскомъ уголовномъ судопроизводствѣ (new trial Pontalis: Revue du droit Français et etranger; 1857, l-er liv. du jury Anglais p. 68), но тамъ, какъ извѣстно, судъ пользуется правами гораздо болѣе обширными, чѣмъ судъ французскій, въ отношеніи вліянія на присяжныхъ и назначенія наказанія, почему и въ примѣненіи приведеннаго правила на практикѣ рѣже представляется необходимость.

II.

Процессъ агента Марсельскаго общества морскаго страхованія, Бульаннь-Коломба, съ капитаномъ австрійскаго корабля Ида-Киссъ.

Во время крымской войны, австрійское судно Ида-Киссъ, принадлежащее г. Годцевичу, было нанято для перевозки различныхъ товаровъ изъ Марселя въ Камышъ. Судно это было сначала подъ командой капитана Іосифа Галцинича, а впослѣдствіи капитана Геновича.

Во время переѣзда, Ида-Киссъ подверглась аваріи и принуждена была остановиться въ Курцолѣ, въ Далмаціи, гдѣ товаръ былъ выгруженъ и сдѣланы были необходимыя починки. Для покрытія издержекъ по исправленію судна, капитанъ Галциничъ занялъ въ Тріестѣ у агента Марсельскаго общества морскаго страхованія Бульаннь-Коломба, по векселю отъ 8 марта 1856 г., сумму 46,500 фр. съ преміей 20 на сто. Срокъ уплаты назначенъ былъ чрезъ восемь дней послѣ прибытія Иды-Киссъ въ Камышъ, а обезпеченіемъ долга служили цѣнность самаго корабля, фрахтовыя деньги и весь грузъ.

Ида-Киссъ, починенная съ помощью занятыхъ денегъ, вновь нагрузилась и прибыла благополучно въ Камышъ 20 мая 1856 г. Но деньги по векселю, срокъ которому истекъ 29 мая, не были уплачены, и векселедержатель вынужденъ былъ призвать капитана въ превотальный судъ восточной арміи, имѣвшій мѣстопребываніе въ Камышѣ. Судъ рѣшеніемъ своимъ, состоявшимся 5-го іюня, присудилъ капитана къ уплатѣ по векселю и распорядился отдачею фрахтовыхъ денегъ на сохраненіе постороннему лицу. Другимъ своимъ рѣшеніемъ отъ 28 іюня, превотал-

ный судъ, присудивъ капитана Галцинича къ уплатѣ 30% съ цѣны груза въ качествѣ вознагражденія за убытки, разрѣшилъ возвратъ фрахтовыхъ денегъ и наконецъ приказалъ, чтобы Ида-Киссъ была отведена другимъ капитаномъ въ Марсель, для продажи съ публичнаго торга.

Чтобы избѣгнуть дѣйствія сихъ рѣшеній, капитанъ Иды-Киссъ тайно выѣхалъ изъ Камыша и укрылся въ Константинополѣ, гдѣ по ходатайству векселедержателя, на корабль было наложено запрещеніе. Но и эта мѣра осталась безъ послѣдствій, по причинѣ поспѣшнаго отъѣзда капитана.

Затѣмъ Ида-Киссъ была отыскана въ Генуѣ, въ декабрѣ 1857 года; Г. Бульаннь-Коломбъ наложилъ на нее секвестръ, подтвержденный рѣшеніями мѣстныхъ трибунала и апелляціоннаго суда.

Секвестръ не помѣшалъ однако капитану выѣхать изъ Генуи и прибыть въ Гавръ, гдѣ онъ по просьбѣ Бульаннь-Коломба, подвергнутъ былъ аресту. Такимъ образомъ, послѣ трехлѣтнихъ странствованій и бѣгствъ, Ида-Киссъ наконецъ была поставлена въ необходимость выплатить лежавшіе на ней долги.

Между тѣмъ, г. Бульаннь-Коломбъ въ 1858 году началъ въ Тріестскомъ морскомъ коммерческомъ судѣ искъ противъ владѣльца Иды-Киссъ, Годцевича. Послѣ задержанія корабля въ Гаврѣ, г. Бульаннь-Коломбъ предъявилъ 23 декабря 1858 года искъ въ Гаврскомъ коммерческомъ судѣ, требуя отъ новаго капитана Геновича уплаты какъ всего капитала съ процентами, въ количествѣ 55,800 франковъ, такъ и вознагражденія за убытки: какъ то, за издержки по преслѣдованію, секвестру корабля и судебному производству, въ количествѣ 8630 франковъ.

Рѣшеніе по этому иску еще не было постановлено Гаврскимъ коммерческимъ судомъ, когда 14 января 1859 года послѣдовало въ Тріестскомъ морскомъ коммерческомъ судѣ рѣшеніе противъ владѣльца Иды-Киссъ. Симъ рѣшеніемъ судъ присудилъ Годцевича уплатить въ трехъ-дневный срокъ всю причита-

ющуюся по векселю сумму, т. е. капиталъ съ процентами, а также издержки по секвестру корабля въ Генуѣ.

Не смотря на это рѣшеніе, г. Бульаннь-Коломбъ сообщилъ капитану Геновичу, 10 февраля 1859 г., вызовъ явиться въ Гаврскій коммерческій судъ для отвѣта противу предъявленнаго 23 декабря 1858 г. иска. На этотъ вызовъ капитанъ Геновичь не явился, и потому судъ 12 февраля постановилъ противъ него заочное рѣшеніе, коимъ присудилъ его уплатить Бульаннь-Коломбу 64,430 франковъ, т. е. сумму, покрывающую всѣ претензіи Бульаннь-Коломба. Противъ сего рѣшенія капитанъ Геновичъ предъявилъ отзывъ (*), въ коемъ онъ, отрицая право Гаврскаго суда входить въ разсмотрѣніе иска г. Бульаннь-Коломба, изъяснилъ, что подобная же тяжба начата гораздо ранѣе въ Тріестскомъ судѣ, въ которомъ и состоялось по ней рѣшеніе 14-го января. За симъ, по объясненію Геновича, г. Бульаннь-Коломбъ имѣетъ право ходатайствовать только о сообщеніи рѣшенію Тріестскаго суда исполнительной силы во Франціи. Наконецъ Геновичъ утверждалъ, что не съ него должны быть взысканы всѣ тѣ суммы, уплаты коихъ требуетъ Бульаннь-Коломбъ.

Гаврскій коммерческій судъ, по выслушаніи адвокатовъ тяжущихся сторонъ, отказалъ капитану Геновичу во всѣхъ его домогательствахъ и утвердилъ заочное свое рѣшеніе, состоявшееся 12-го февраля.

Сущность окончательнаго рѣшенія суда заключается въ слѣдующемъ: капитанъ австрійскаго корабля Ида-Киссъ, Геновичъ, въ отзывѣ своемъ противъ состоявшагося 12-го февраля 1859 г. заочнаго рѣшенія, ссылается на правила, изложенныя въ статьѣ 171 кодекса гражданскаго судопроизводства и предъявляетъ отводъ, основанный на тождественности иска, вчиненнаго уже Бульаннь-Коломбомъ въ Тріестскомъ судѣ.

(*) Opposition—такъ называется во Французскомъ судопроизводствѣ особый способъ обжалованія заочныхъ рѣшеній.

По сему судъ призналъ необходимымъ обратиться прежде всего къ разсмотрѣнію этого отвода.

Въ этомъ отношеніи судъ нашелъ:

1, что вышеприведенная 171 статья относится лишь до французскихъ судовъ;

2, что какъ по праву, такъ и по юриспруденціи, французъ, начавшій противъ иностранца искъ въ иностранномъ судѣ, тѣмъ не менѣе имѣетъ полное право призвать сего иностранца и во французскій судъ, хотя бы предметъ иска оставался тотъ же самый,

3, что трудно предположить добровольный со стороны француза отказъ отъ права, предоставляемаго ему статьею 14 гражданскаго кодекса, и что посему отводъ, основанный на тождествѣ иска, или состоявшемся уже рѣшеніи (exception de litispendance ou de chose jugée), можетъ быть предоставляемъ лишь въ томъ случаѣ, если выборъ суда былъ совершенно свободенъ и зрѣло обдуманъ;

4, что такое толкованіе законовъ, высказанное уже однажды въ рѣшеніи Гаврскаго суда и одобренное судомъ апелляціоннымъ, было подтверждено многократными приговорами Кассаціоннаго суда;

5, что Бульаннь-Коломбъ прибѣгнулъ къ защитѣ иностраннаго суда не добровольно, а въ слѣдствіе неоднократнаго бѣгства должника, поставившаго такимъ образомъ заимодавца въ необходимость принимать противъ него мѣры вездѣ, гдѣ только онъ могъ его настигнуть.

По симъ соображеніямъ, находя представленный Геновичемъ отводъ незаслуживающимъ уваженія, судъ призналъ себя въ правѣ войти въ разсмотрѣніе настоящаго дѣла, приступилъ къ таковому разсмотрѣнію и для рѣшенія дѣла по существу принялъ во вниманіе слѣдующія обстоятельства:

1, что Геновичъ не оспориваетъ дѣйствительность и законность векселя;

2, что судебныя издержки въ Генуѣ и Тріестѣ, уплаты коихъ домогается истецъ, были послѣдствіемъ преднамѣреннаго сопротивленія капитана Геновича удовлетворить лежавшія на немъ обязательства, и что посему, издержки должны быть взысканы съ виновника ихъ;

3. что требованіе уплаты вознагражденія за убытки вполнѣ оправдывается обстоятельствами настоящаго дѣла и подтверждается документами;

4, что корабль Ида-Киссъ 20 мая 1856 г. прибылъ въ Камышъ съ грузомъ значительной цѣнности; что деньги по векселю, обезпеченному кораблемъ и грузомъ, не были уплачены въ назначенный срокъ и что въ слѣдствіе послѣдовавшаго въ превотальномъ судѣ восточной арміи рѣшенія противъ капитана Галцинича, замѣненнаго послѣ Геновичемъ, онъ, капитанъ Галциничь, уѣхалъ въ Константинополь, гдѣ угрожавшій ему секвестръ принудилъ его бѣжать сперва въ Тріестъ, а потомъ въ Геную; что послѣдовавшія въ обоихъ вышеназванныхъ городахъ судебныя рѣшенія вынудили капитана оставить ихъ и укрыться въ Гаврѣ, откуда онъ безъ сомнѣнія также скрылся бы, если, бы мѣстное начальство тому не воспротивилось;

5, что капитанъ Геновичъ напрасно старается ограничить искъ Бульаннъ-Коломба дѣйствіемъ ст. 1153 гражданскаго кодекса; что въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ вовсе не объ обыкновенной просрочкѣ въ уплатѣ долга, а о сокрытіи предмета, которымъ обезпечивался долгъ, и о всѣхъ необходимо проистекшихъ отъ того послѣдствіяхъ; что это важное обстоятельство прямо подходитъ подъ дѣйствіе другой статьи того же кодекса;

6, что кредиторъ не можетъ быть безмолвнымъ зрителемъ утраты или уничтоженія залога, обезпечивающаго его претензію, и не долженъ одинъ подвергаться всѣмъ издержкамъ, понесеннымъ для сохраненія сего залога;

7, что все вышеизложенное съ полною ясностію и очевидностью показываетъ, что капитанъ Геновичъ, уклоняясь въ теченіи трехъ лѣтъ отъ исполненія своихъ обязательствъ, отнимая у Бульаннь-Коломба залогъ, которымъ обезпечивался вексель, и подвергая его случайностямъ, не согласнымъ съ волею заимодавца, вовлекъ сего послѣдняго въ значительныя издержки, и слѣдовательно причинилъ ему важные убытки, которые по силѣ ст. 1382 гражданскаго кодекса должны быть вознаграждены виновникомъ оныхъ.

По всѣмъ симъ основаніямъ, руководствуясь ст. 1149 гражданскаго кодекса, и принимая во вниманіе, что Бульаннь-Коломбъ достаточно подтвердилъ количество причиненныхъ ему капитаномъ Геновичемъ убытковъ, судъ, въ качествѣ первой инстанціи, отказалъ капитану Геновичу во всѣхъ его домогательствахъ, съ тѣмъ, чтобы заочное рѣшеніе 12 февраля сохранило полную силу и приведено было въ немедленное исполненіе, не взирая ни на апелляцію, ни на какія бы то ни было другія обстоятельства, и безъ истребованія поручительства отъ Бульаннь-Коломба.

Сообщенное нами дѣло Бульаннь-Коломба съ Геновичемъ, независимо отъ интереса чисто фактическаго, основаннаго на упорномъ укрывательствѣ должника и столь же упорномъ преслѣдованіи заимодавца, представляетъ много занимательнаго въ юридическомъ отношеніи. Слѣдуя порядку, принятому въ судебномъ рѣшеніи, разсмотримъ сначала формальную сторону дѣла, т. е. подсудность его и отводъ, представленный Геновичемъ, а потомъ и самое содержаніе дѣла.

Подъ именемъ отводовъ или эксцепцій (exceptions) разумѣются во французскомъ судопроизводствѣ всѣ различныя средства, съ помощью которыхъ отвѣтчикъ можетъ остановить или прекратить производство начатаго истцемъ дѣла, безъ возраженій по существу иска (Code de procedure civile, art. 1-er liv. II-me, tit. IX, art. 166-192); предметомъ отвода можетъ быть

либо неподсудность дѣла тому суду, въ которомъ оно начато (exceptions dèclinatoires); либо несоблюденіе установленныхъ закономъ формъ и обрядовъ (nullités de procédure); либо несвоевременность предъявленнаго иска (exceptions dilatoires). Къ числу отводовъ перваго рода относится по французскимъ законамъ отводъ, основанный на тождествѣ или взаимной связи дѣлъ (exception de litispendance et de connéxité). Отводъ этотъ можетъ имѣть мѣсто тогда, когда при вчинаніи иска въ извѣстномъ судѣ тождественное или тѣсно связанное съ нимъ дѣло состоитъ уже въ производствѣ и разсмотрѣніи другаго суда. Понятно, что одновременное обсужденіе и разрѣшеніе одного и того же предмета въ двухъ различныхъ судебныхъ мѣстахъ могло бы подвергнуть отвѣтчика важнымъ затрудненіямъ и притомъ повести къ такому противурѣчію въ судебныхъ рѣшеніяхъ, которое сдѣлало бы невозможнымъ исполненіе ихъ и въ свою очередь возбудило бы новое, сложное производство. Во избѣжаніе этихъ неудобствъ, законъ даетъ отвѣтчику право отвода втораго иска, и повелѣваетъ отсылку его въ то судебное мѣсто, гдѣ производится первое, по времени начатія, дѣло.

Такой именно отводъ и былъ въ настоящемъ случаѣ представленъ капитаномъ Геновичемъ на усмотрѣніе Гаврскаго коммерческаго суда. Ссылаясь на статью французскаго кодекса (art. 171) объ отводѣ по тождеству исковъ, Геновичъ утверждалъ, что Гаврскій судъ не можетъ входить въ разсмотрѣніе дѣла, состоящаго уже въ производствѣ Тріестскаго морскаго коммерческаго суда. Засимъ Гаврскому суду очевидно предстояло рѣшить, относится ли приведенное Геновичемъ узаконеніе къ тому случаю, когда изъ двухъ тождественныхъ дѣлъ одно производится во французскомъ, а другое—въ иностранномъ трибуналѣ. Вопросъ этотъ, любопытный самъ по себѣ, имѣетъ для насъ и нѣкоторую практическую важность потому, что понятіе объ отводѣ дѣлъ, до сихъ поръ почти чуждое на-

шему законодательству, (*) будетъ введено въ него съ изданіемъ новаго устава гражданскаго судопроизводства.

Мы уже видѣли основанія, по которымъ отводъ Геновича оставленъ былъ безъ послѣдствій Гаврскимъ коммерческимъ судомъ. Основанія эти заключаются въ томъ: 1) что статья 171-я относится только къ французскимъ судамъ. 2) Что французъ, начавшій дѣло съ иностранцемъ въ иностранномъ судѣ, тѣмъ не менѣе можетъ призвать его и во французскій судъ, хотя бы предметъ тяжбы и не перемѣнился, и 3) что французъ тогда только можетъ считаться отказавшимся отъ права, предоставленнаго ему ст. 14-й гражданскаго кодекса, когда обращеніе его къ иностранному суду было вполнѣ свободно и зрѣло обдумано.

Статья 171-я по точному смыслу своему, безъ сомнѣнія, относится только къ французскимъ трибуналамъ, такъ какъ въ ней говорится объ отсылкѣ дѣла изъ одного суда въ другой. Очевидно, что такая отсылка возможна только между судами состоящими въ одномъ и томъ же государствѣ и руководствующимися одними и тѣми же законами. Но при обширномъ правѣ толкованія и аналогическаго примѣненія, дарованномъ французскимъ судамъ, молчаніе ст. 171-й само по себѣ еще не представляло достаточнаго основанія къ устраненію отвода: доказательствомъ этому служатъ послѣдующія соображенія суда, прибѣгнувшаго къ указаніямъ юриспруденціи и къ совершенно умозрительному толкованію статьи 14-ой гражданскаго кодекса. Въ какой же степени справедливы эти соображенія?

Основанія, послужившія поводомъ къ установленію отвода по тождеству и взаимной связи дѣлъ, вполнѣ, кажется, относятся и къ тому случаю, когда изъ двухъ тождественныхъ дѣлъ одно производится во французскомъ, а другое въ иностранномъ

(*) Въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ существуетъ одинъ только видъ отвода дѣлъ: отводъ по неподсудности (т. X ч. II св. зак. гражд. ст. 207). Статьи 297—311 того же тома относятся къ отводу не дѣлъ, а судей.

судѣ. Скажемъ болѣе: въ этомъ случаѣ всѣ неудобства совокупнаго производства пріобрѣтаютъ особенную силу и важность. Не говоря уже о затрудненіи отвѣчать въ одно и тоже время предъ судомъ въ двухъ различныхъ государствахъ,—представимъ себѣ, что оба суда присудили отвѣтчика къ одинаковому взысканію. Еслибы такой случай произошелъ въ двухъ французскихъ судахъ, отвѣтчикъ могъ бы прибѣгнуть къ апелляціонному или кассаціонному суду, который безъ сомнѣнія повелѣлъ бы произвести съ него взысканіе лишь въ одномъ размѣрѣ; но что можетъ сдѣлать отвѣтчикъ, когда приговоръ состоялся въ двухъ различныхъ государствахъ? Очевидно, что каждый судъ будетъ настаивать на полномъ исполненіи своего рѣшенія, и обратитъ на то все находящееся въ его вѣдомствѣ имущество отвѣтчика, который такимъ образомъ заплатитъ вдвое противу слѣдующей съ него суммы. Если же рѣшенія будутъ противурѣчить другъ другу, тогда, на оборотъ, взысканіе, присужденное однимъ изъ нихъ, не всегда будетъ покрыто сполна, потому что удовлетвореніе его будетъ произведено изъ той только части имущества отвѣтчика, которая находится въ вѣдомствѣ обвинившаго его суда.

Независимо отъ того, нельзя не замѣтить, что истецъ-французъ, начавшій дѣло въ иностранномъ судѣ, тѣмъ самымъ добровольно подчинилъ себя рѣшенію этого суда, и слѣдовательно утратилъ право домогаться того же самаго во французскомъ судѣ. (*) Статья 14-я, предоставляя французу право призвать къ французскому суду иностранца, заключившаго съ нимъ обяза-

(*) Въ 1858 г. въ Правительствующемъ Сенатѣ производилось дѣло, въ которомъ просители, обратившіеся сначала съ своею претензіею въ французскія судебныя мѣста, и получившія тамъ отказъ, предъявили затѣмъ туже претензію въ русскія судебныя мѣста. Оставляя эту претензію безъ уваженія, Правительствующій Сенатъ, между прочимъ, принялъ во вниманіе, что просители *сами признали* подсудность французскому суду.—Дѣло это, заключающее въ себѣ еще другой, весьма любопытный вопросъ, будетъ помѣщено вполнѣ въ слѣдующей книжкѣ, въ отдѣлѣ судебной практики.

тельство внѣ Франціи, не предвидитъ и не разрѣшаетъ того случая, когда французъ уже началъ съ иностранцемъ дѣло въ иностранномъ судѣ.—Толкованіе, принятое Гаврскимъ судомъ, даетъ французу право испробовать счастія въ обѣихъ странахъ: сначала въ той, гдѣ заключено обязательство, а потомъ во Франціи. Если рѣшеніе иностраннаго суда почему нибудь покажется французу неудовлетворительнымъ, онъ можетъ возобновить свой искъ во Франціи, въ надеждѣ болѣе выгоднаго разрѣшенія его. Удовлетворяетъ ли подобный порядокъ вещей всѣмъ требованіямъ справедливости?

Самъ Гаврскій судъ допускаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ французъ можетъ считаться отказавшимся отъ права, предоставляемаго ему ст. 14-ю: а именно, когда выборъ иностраннаго суда былъ сдѣланъ имъ *вполнѣ свободно и обдуманно*. Нѣтъ надобности доказывать, какъ неопредѣленны эти слова: какимъ образомъ проникнуть въ побужденія человѣка и открыть причины, заставившія его обратиться въ тотъ или другой судъ?

Говоря о свободномъ и обдуманномъ выборѣ, судъ очевидно имѣлъ въ виду особыя обстоятельства настоящаго дѣла, въ которомъ должникъ постоянно уклонялся отъ преслѣдованій заимодавца, въ слѣдствіе чего послѣдній по необходимости долженъ былъ начать искъ въ одномъ изъ иностранныхъ судовъ, не зная еще въ то время о прибытіи должника во Францію. Но и это обстоятельство, по нашему мнѣнію, не опровергаетъ всего сказаннаго нами выше, потому что Бульяннь-Коломбъ, узнавъ о прибытіи «Иды-Киссъ» во Францію, могъ, какъ объясняетъ въ своемъ отзывѣ и самъ Геновичъ, ходатайствовать о сообщеніи рѣшенію Тріестскаго суда исполнительной силы во Франціи. По силѣ статей 2123 гражданскаго кодекса и 546 кодекса гражданскаго судопроизводства, рѣшеніе иностраннаго суда тогда только можетъ получить исполнительную силу во Франціи, когда оно будетъ снабжено исполнительною формулою со стороны французскаго суда (Mandons et ordonnons, etc)

Законы эти не опредѣляютъ, имѣетъ ли французскій судъ право входить въ разсмотрѣніе рѣшенія иностраннаго суда, или же онъ долженъ безусловно дать ему исполнительную силу: но юристы весьма справедливо, кажется, склоняются въ пользу втораго мнѣнія, если только рѣшеніе иностраннаго суда, какъ и въ настоящемъ случаѣ, должно быть приведено въ исполненіе не противъ Француза (Bonnier, Elèments de procèdure civile p. 499). И такъ Бульаннь-Коломбъ могъ получить удовлетвореніе во Франціи и по рѣшенію Тріестскаго суда, безъ новаго судебнаго производства. Вотъ основанія, заставляющія насъ думать, что Гаврскій судъ могъ бы принять отводъ капитана Геновича и оставить безъ разсмотрѣнія искъ Бульаннь-Коломба.

Не столь интересно самое разрѣшеніе настоящаго дѣла по существу. Съ одной стороны подлинность и законность векселя, съ другой стороны дѣйствительность понесенныхъ Бульаннь-Коломбомъ убытковъ, такъ очевидны, что въ этомъ отношеніи не могло встрѣтиться никакихъ важныхъ затрудненій. Нельзя не остановиться только на объясненіи Геновича, что не съ него должны быть взысканы слѣдующія Бульаннь-Коломбу деньги. Объясненіе это тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ Тріестскомъ коммерческомъ судѣ Бульаннь-Коломбъ дѣйствительно предъявилъ искъ не къ капитану, а къ хозяину корабля Иды-Киссъ.

Обративъ отвѣтственность по иску Бульаннь-Коломба на Капитана Геновича, Гаврскій судъ руководствовался преимущественно ст. 1382 гражданскаго кодекса, по которой лицо, потерпѣвшее убытки, имѣетъ право требовать вознагражденія отъ виновника убытковъ. Отсюда видно, что судъ разсматривалъ Геновича не какъ должника Бульаннь-Коломба по векселю, а какъ лицо, причинившее ему убытокъ и обязанное вознаградить его за то. Такой способъ воззрѣнія, безъ сомнѣнія, могъ и долженъ былъ повести къ присужденію Геновича уплатить Бульаннь-Коломбу требуемое симъ послѣднимъ вознагражденіе за убытки (dommages-intérets), но представлялъ ли онъ достаточное осно-

ваніе къ взысканію съ Геновича и самой капитальной суммы по векселю? Едвали, потому что вексель выданъ былъ не самимъ Геновичемъ, а предшественникомъ его, капитаномъ Галциничемъ, а занятыя деньги употреблены были на починку корабля, и слѣдовательно въ пользу владѣльца его Годцевича. Въ этомъ отношеніи нельзя, кажется, не признать болѣе правильнымъ рѣшеніе Тріестскаго суда, обратившаго удовлетвореніе по векселю на хозяина корабля Годцевича. Наконецъ, въ какой степени Геновичъ могъ отвѣтствовать за убытки, причиненные Бульаннь-Коломбу еще прежнимъ капитаномъ корабля Иды-Киссъ, Галциничемъ?

Любопытно было бы знать, какимъ образомъ будутъ приведены въ исполненіе противурѣчащія другъ другу рѣшенія Гаврскаго и Тріестскаго судовъ, изъ коихъ одинъ присудилъ Бульаннь-Коломбу удовлетвореніе по векселю съ капитана Геновича, а другой съ хозяина корабля, Годцевича. Неужели Бульаннь-Коломбъ получитъ два раза одну и туже сумму? Если же нѣтъ, то какое рѣшеніе будетъ исполнено предпочтительно предъ другимъ? Должно полагать, что Бульаннь-Коломбъ, отъ котораго зависитъ просить объ исполненіи того или другаго рѣшенія, изберетъ рѣшеніе Гаврскаго суда, какъ болѣе для него выгодное; но въ случаѣ недобросовѣстности заимодавца, кто помѣшаетъ ему домогаться одновременно исполненія обоихъ рѣшеній? куда въ подобномъ случаѣ обратится съ жалобою обиженная сторона, или, лучше сказать, который изъ отвѣтчиковъ будетъ имѣть право считать себя обиженнымъ? Во всякомъ случаѣ, настоящее дѣло легко можетъ возбудить новое судебное производство въ Австріи или Франціи. Всѣ эти неудобства были бы отвращены, еслибы Гаврскій судъ уважилъ отводъ капитана Геновича, или по крайней мѣрѣ принялъ на себя лишь разсмотрѣніе предмета объ убыткахъ, не разрѣшеннаго Тріестскимъ судомъ.

ОТДѢЛЪ III.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I.

АРХИВЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ ДО РОССІИ. *Книга 1-ая и приложеніе къ ней. С. Петербургъ.* 1859 *г.*

Настоящій періодъ общественнаго быта нашего отечества, не смотря на свою кратковременность, успѣлъ уже ознаменовать себя во многихъ отношеніяхъ. Сѣмена образованности, полтора вѣка тому назадъ брошенныя великимъ нашимъ сѣятелемъ на русскую почву, несмотря на плодородіе ея, принимались прежде туго и едва пробивались сквозь тяготѣвшую надъ ними кору консерватизма и застоя; нынѣ же, благодаря сочувствію общества къ просвѣщеннымъ стремленіямъ правительства, сѣмена эти, твердо укоренившись въ почвѣ, быстро возрастаютъ на ней, и мы пользуемся уже ихъ плодами. Каждый день приноситъ намъ нынѣ благодѣтельные результаты раціональной правительственной дѣятельности, каждый день слышимъ мы о какой-нибудь новой мѣрѣ, клонящейся къ общественному благу. Съ своей стороны и общество, ясно сознавая пользу такихъ предначертаній, принимаетъ живое участіе въ трудѣ, предпринятомъ правительствомъ, и также работаетъ на пользу общую въ предоставленной ему сферѣ дѣйствій, доказательствомъ чему

служитъ, напримѣръ, учрежденіе многочисленныхъ акціонерныхъ компаній. Такое пробужденіе народныхъ силъ естественно должно было отразиться и въ литературѣ, этомъ вѣрномъ зеркалѣ общественной жизни, и она развила въ послѣднее время дѣятельность свою въ обширныхъ размѣрахъ. Не говоря уже о значительно увеличившемся количествѣ энциклопедическихъ періодическихъ изданій и отдѣльныхъ сочиненій по разнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній, появились многіе журналы съ характеромъ спеціальнымъ.

Въ ряду такихъ спеціальныхъ періодическихъ изданій почетное мѣсто занимаетъ Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый ученымъ юристомъ нашимъ г. Калачовымъ.

Цѣль этого журнала, какъ объясняетъ г. Калачовъ въ программѣ Архива, заключается въ томъ, чтобы «знакомить публику съ одной стороны вообще съ древнимъ бытомъ нашего отечества (въ этомъ отношеніи предпринимаемый вновь журналъ долженъ замѣнить Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній), а съ другой съ тѣми данными настоящаго времени, которыя, представляя картину современнаго быта въ разныхъ слояхъ русскаго общества и въ разныхъ частяхъ Россіи, могли бы притомъ служить полезнымъ указаніемъ способовъ, принимаемыхъ правительствомъ или предполагаемыхъ частными лицами для лучшаго удовлетворенія признаваемыхъ имъ потребностей. Обѣ эти части изданія, не смотря на то, что относятся къ разному времени, будутъ приводимы въ тѣснѣйшую между собою связь, на основаніи слѣдующихъ соображеній: русское государство въ томъ видѣ, или съ тѣми началами и формами общественнаго быта, какія имѣетъ теперь, есть результатъ долговременнаго развитія и большею частію постепеннаго перехода отъ началъ и формъ этого быта у народа младенчествующаго къ началамъ и формамъ современныхъ намъ европейскихъ государствъ, результатъ, который обусловливался усердною дѣятельностію нашего правительства въ теченіи многихъ столѣтій

на пользу общественную. Подъ вліяніемъ этой продолжительной дѣятельности правительства, многіе существенные вопросы, занимающіе насъ въ настоящее время, подвергались не одинъ разъ тщательному разсмотрѣнію или рѣшенію, такъ или иначе, на основаніи данныхъ извѣстной эпохи. Отсюда ясно, что историческое изученіе нашего быта, историческая разработка всѣхъ общественныхъ вопросовъ, занимавшихъ нашихъ предковъ, съ указаніемъ на тѣ данныя, какія при рѣшеніи ихъ имѣлись въ виду у правительства, составляютъ существенную необходимость при современномъ пересмотрѣ и рѣшеніи тѣхъ же вопросовъ; такое изученіе ихъ и разработка тѣмъ болѣе полезны, что они послужатъ лучшимъ пособіемъ для того, чтобы вглядѣться пристальнѣе въ самыя начала и формы нашей общественной жизни и различить тѣ изъ нихъ, которыя проходятъ чрезъ всю нашу исторію и слѣдовательно могутъ быть названы національными, отъ тѣхъ, которыя были приняты нами и выработаны, какъ народомъ европейскимъ. Итакъ, при разсмотрѣніи вопросовъ, касающихся общественнаго быта, редакція, по возможности, предполагаетъ предпосылать твердую основу, заключающуюся въ историческихъ розысканіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду необходимую связь, существующую между положительнымъ правомъ и дѣйствительною жизнію, редакція назначаетъ особое *приложеніе* къ ея изданію для разсмотрѣнія практическихъ вопросовъ современной юриспруденціи, русской и иностранной, на основаніи данныхъ, доставляемыхъ наукою и опытомъ».

Такую цѣль, предположенную почтеннымъ издателемъ своему журналу, конечно нельзя не признать вполнѣ соотвѣтствующею настоящему состоянію нашей науки правовѣдѣнія. Извѣстно, что на западѣ Европѣ философія играла чрезвычайно важную роль въ развитіи науки права, и такое явленіе было естественнымъ слѣдствіемъ развитія европейской жизни. Государства, возникшія на развалинахъ древняго міра, конечно не могли не отразить на себя вліянія и характера греческой и рим-

ской образованности, и знаменитые мыслители грековъ сдѣлались предметомъ тщательнаго изученія и учителями средневѣковыхъ народовъ. Аристотель былъ идоломъ ученыхъ тогдашняго времени, и огромный періодъ такъ называемой схоластической философіи, чуждой познаній историческихъ и изученія естественныхъ наукъ, проявлялъ свою дѣятельность преимущественно въ умозрительныхъ трактатахъ, хотя имѣвшихъ малое достоинство и не представлявшихъ въ себѣ дальнѣйшаго развитія философскихъ началъ. Затѣмъ, вслѣдствіе событій, приготовившихъ *эпоху возрожденія*, схоластическій формализмъ встрѣтилъ сильныхъ противниковъ, которые поражали его положенія путемъ новыхъ философскихъ системъ. Такимъ образомъ философія, имѣвшая огромное значеніе у древнихъ народовъ, вырвавшись изъ оковъ схоластицизма, съ новою силою проявила свое господство въ новомъ мірѣ и наконецъ дошла до того, что разумъ человѣка, обнявъ всѣ проявленія какъ частной, такъ и общественной жизни, и отрѣшившись отъ преданій историческихъ, объявилъ себя авторитетомъ, который одинъ обсуживаетъ все существующее и одинъ установляетъ правила, на основаніи которыхъ совершаются преобразованія государственныя. Такое субъективное направленіе философіи, порожденное предшествовавшими ему событіями, получило полныя права гражданства, и историческому элементу въ развитіи понятій о правдѣ и государствѣ дано было второстепенное мѣсто. «Умъ философствующій», говоритъ покойный Неволинъ, опредѣляя характеръ философіи законодательства XVII и XVIII вѣка,—(*) «ища основаній для познанія истины, сначала искалъ ихъ еще не совершенно довѣряя своимъ силамъ, въ томъ, что можно было по крайней мѣрѣ самому человѣку повѣрить на дѣлѣ каждую минуту. Послѣ сего, въ сознаніи собственной силы, разумъ хотѣлъ искать истины прямо и непосредственно въ себѣ самомъ, въ своихъ понятіяхъ, и притомъ или исключительно, или по крайней мѣрѣ преимущественно въ

(*) Полн. Собраніе сочиненій К. А. Неволина т. I стр. 404.

разумѣ. Не находя удовлетворенія своему стремленію ни на томъ, ни на другомъ пути, духъ человѣческій вооружился наконецъ противъ всякой твердой истины и явился съ направленіемъ, которое разрушало ее. Философія отдѣлилась такимъ образомъ отъ ученія откровеннаго и даже поставила себя во враждебное къ нему отношеніе. Она отдѣлилась и отъ всей вообще исторіи и не только не хотѣла обращать вниманія на свидѣтельство и урокъ временъ, но рѣшилась даже построивать прошедшее по своимъ понятіямъ».

Субъективное направленіе философіи, выводившее свои положенія исключительно изъ начала индивидуальной воли, имѣло съ одной стороны справедливыя основанія, но съ другой обнаружило и несовершенства, почему встрѣтило сильное противудѣйствіе въ школѣ исторической, представителями которой явились профессоры Гуго и Савиньи, школѣ богословской и философской школѣ Шеллинга и Гегеля.

Эти три направленія, въ особенности же школы Савиньи и Гегеля, имѣли огромный авторитетъ въ новѣйшее время, который хотя теперь и ослабѣлъ, но вліяніе его не утратилось. Благодаря этимъ великимъ учителямъ, теперь ясно сознается необходимость тѣсной связи философіи съ исторіею и потребность для первой строго сообразовать свои выводы съ матеріалами, сообщаемыми второю, для того, чтобы истины философіи имѣли практическое достоинство.

Въ нашемъ отечествѣ не было и тѣни подобныхъ философскихъ бореній, потому что не было философіи. Чуждая интересовъ и началъ западной жизни, Россія не только не принимала дѣятельнаго участія въ ней, но даже почти и не знала ея. Право наше выработывалось преимущественно путемъ практическимъ, испытывая на себѣ только косвенное вліяніе проникавшихъ, вслѣдствіе политическихъ событій, началъ западныхъ законодательствъ. Не только о философіи права, но даже и о научной разработкѣ положительнаго законодательства не было почти и помину до новѣйшаго времени. Хотя отдѣльныя по-

пытки въ этомъ родѣ замѣчаются уже въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія, но начало правильному научному изслѣдованію нашего законодательства положено было только въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, когда были приняты рѣшительныя мѣры къ составленію свода законовъ. Къ этому времени относятся наиболѣе достойныя замѣчанія изслѣдованія о различныхъ предметахъ законовѣдѣнія, такъ напримѣръ появились историко-юридическія изслѣдованія Эверса, Рейца, Мацѣевскаго и др.; съ этого времени было обращено правительствомъ серіозное вниманіе на изученіе права, чему главнѣйшимъ образомъ содѣйствовалъ покойный графъ М. М. Сперанскій. Какъ слабо была развита у насъ наука права до этого времени, видно изъ словъ графа, сказанныхъ вызваннымъ изъ Московской Духовной Академіи студентамъ, которыхъ онъ предназначалъ на юридическое поприще: «вы должны», говорилъ графъ, «*положить основаніе* наукѣ россійскаго правовѣдѣнія. Я хочу, чтобы оно было преподаваемо въ университетахъ подлинно по ученому, а не по приказнически.» (*)

Въ числѣ этихъ студентовъ былъ и извѣстный впослѣдствіи юристъ нашъ К. А. Неволинъ. Неволинъ, получивъ предварительныя юридическія свѣдѣнія при II Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, гдѣ онъ вмѣстѣ съ другими студентами слушалъ лекціи, посѣщая въ тоже время и университетъ, былъ послѣ этого отправленъ за границу для довершенія своего юридическаго образованія; и здѣсь-то, подъ руководствомъ знаменитыхъ германскихъ профессоровъ Кленце, Филипса, Рудорфа, особенно же Савиньи и Гегеля, образовалъ онъ изъ себя юриста, открывшаго своими трудами дорогу къ научной разработкѣ отечественнаго права. Знакомство Неволина съ теоріями западныхъ мыслителей, лекціи знаменитыхъ наставниковъ его, Савиньи и Гегеля, указавшихъ недостаточность

(*) См. предисловіе г. Андреевскаго къ изданному имъ Полному Собранію сочиненій К. А. Неволина, стр. VII.

субъективнаго направленія философіи, равно какъ и печальное состояніе правовѣдѣнія въ нашемъ отечествѣ, убѣдили Неволина въ томъ, что правильное развитіе понятій о правдѣ и государствѣ необходимо предполагаетъ предварительное знакомство съ исторіею вообще и исторіею законодательства. «Чтобы достигнуть возможной степени совершенства», говоритъ Неволинъ въ своей Экциклопедіи законовѣдѣнія, «философія должна вступить въ тѣсный союзъ съ исторіею. Исторія представляетъ намъ такое множество законодательствъ, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, такое множество формъ жизни общественной, такое множество нравственныхъ явленій, что философіи остается только этотъ грубый матеріалъ очищать отъ разнородной примѣси, и, отдѣляя необходимое отъ случайнаго, общее отъ частнаго, принимать всеобщее и необходимое въ свою систему.» (*) Вѣрный этимъ идеямъ, Неволинъ посвятилъ себя изученію исторіи русскаго законодательства и успѣлъ оставить по себѣ капитальные труды по этой отрасли человѣческихъ знаній, открывшіе путь послѣдующимъ ученымъ къ разъясненію темныхъ вопросовъ въ исторіи отечественнаго права.

Направленіе, данное Неволинымъ нашей юридической литературѣ, при нераспространеніи у насъ философскихъ началъ, вполнѣ привилось къ ней,—и всѣ наши послѣдующіе ученые почти исключительно посвятили себя исторической разработкѣ права. Изъ этого направленія въ недавнемъ времени стало развиваться другое, которое можно назвать *практическимъ*. Твердое начало этому направленію положилъ покойный профессоръ Мейеръ, который предпринялъ научную разработку дѣйствующаго законодательства. Такое направленіе обнаружилось напр. въ сочиненіи Мейера: «о значеніи практики въ системѣ юридическаго образованія» и въ лекціяхъ его о русскомъ вексельномъ правѣ, и о русскомъ гражданскомъ правѣ, издаваемыхъ г. Вицынымъ.

(*) Полн. Собр. соч. Неволина т. I. стр. 501.

Сравнивая теперь вышеприведенную цѣль разсматриваемаго журнала съ настоящею степенью развитія науки права въ Россіи, мы убѣждаемся, что Архивъ является вѣрнымъ отголоскомъ возникшихъ въ наукѣ нашей направленій и пособіемъ къ дальнѣйшему ихъ развитію.

Конечно, въ настоящее время было бы еще преждевременно произнести окончательный судъ о томъ, выполнилъ ли Архивъ предположенную ему цѣль; но уже и первыя книжки его даютъ право надѣяться, что онъ будетъ вѣренъ своему направленію и съ честію пойдетъ по избранному имъ пути.

Въ доказательство словъ нашихъ обратимъ вниманіе читателей на статьи, помѣщенныя въ первой книжкѣ Архива и приложеніи къ ней, указывая преимущественно на статьи чисто юридическаго содержанія.

Первая книжка начинается статьею, подъ заглавіемъ: «мысли графа М. М. Сперанскаго.» Здѣсь говорится о системѣ законовъ, о правѣ вообще, о законахъ гражданскихъ, о системѣ законовъ о собственности и объ охраненіи собственности. Помѣщеніемъ мыслей знаменитаго государственнаго мужа редакція журнала оказала несомнѣнную услугу русской юриспруденціи. Настоящая статья заимствована изъ бумагъ, принадлежащихъ Императорской Публичной Библіотекѣ; впрочемъ всѣ помѣщенные въ настоящей книжкѣ отрывки находятся въ Публичной Библіотекѣ лишь въ копіяхъ,—почему редакція свѣряла ихъ съ дубликатами копій же, хранящихся во II Отдѣленіи.

За этою весьма интересною статьею слѣдуетъ статья: «о завѣщаніяхъ» г. Полежаева. Разсмотрѣніе завѣщательнаго права авторъ весьма основательно раздробляетъ на три періода: 1.) древній, до Петра Великаго, т. е. до передачи дѣлъ этого рода суду свѣтскому, 2.) съ Петра Великаго до 1831 г., т. е. до изданія положенія о духовныхъ завѣщаніяхъ, и наконецъ 3.) новѣйшій періодъ,—дѣйствующее законодательство. Въ каждомъ

изъ этихъ періодовъ авторъ разсматриваетъ слѣдующіе вопросы: подсудность, лица, имѣвшія право завѣщать, лица, имѣвшія право пріобрѣтать по завѣщанію, содержаніе завѣщаній, совершеніе ихъ и засвидѣтельствованіе.

Не излагая дальнѣйшаго содержанія настоящей статьи, ограничимся краткими замѣчаніями объ историческомъ отдѣлѣ ея и изложеніи дѣйствующихъ законовъ. Что касается исторической разработки вопроса о завѣщаніяхъ, то должно отдать автору справедливость въ систематическомъ изложеніи предмета, которое даетъ возможность читателю удобно прослѣдить постепенное развитіе нашего законодательства о завѣщаніяхъ; но мысли и изслѣдованія г. Полежаева въ этомъ отношеніи не новы: онѣ извѣстны изъ сочиненія покойнаго Неволина: »Исторія Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ«, какъ это можно видѣть изъ сравненія историческаго отдѣла разсматриваемой статьи съ изысканіями Неволина, изложенными въ IV раздѣлѣ 3-го тома его Исторіи,—о наслѣдствѣ,—и во II раздѣлѣ 2-го тома, главѣ 3-й,—о вотчинахъ и помѣстьяхъ. Изложеніе дѣйствующаго законодательства отличается также живымъ языкомъ и системою, которая незнающему нашего законодательства можетъ дать вѣрное понятіе о существующихъ постановленіяхъ касательно завѣщаній; жаль только, что критическія замѣчанія, находимыя здѣсь, очень малочисленны и кратки. Мы не имѣемъ въ настоящемъ бѣгломъ обзорѣ возможности подробнѣе поговорить объ этомъ предметѣ; но всякому, практически знакомому съ нашими постановленіями о завѣщаніяхъ, открываются въ нихъ недостатки и неполноты, на которые и автору слѣдовало бы обратить болѣе серьезное вниманіе, если въ статьѣ своей онъ не ограничивается однимъ только систематическимъ изложеніемъ такихъ постановленій. Поэтому догматическую часть настоящей статьи мы можемъ назвать систематическимъ перечнемъ постановленій нашего законодательства о духовныхъ завѣщаніяхъ.

Впрочемъ вопросъ о завѣщаніяхъ, съ его практической стороны, нашелъ себѣ въ разсматриваемомъ журналѣ добросовѣстнаго изслѣдователя въ лицѣ г. Побѣдоносцева, написавшаго статью, подъ заглавіемъ: «нѣкоторые вопросы, возникающіе по духовнымъ завѣщаніямъ», начало которой помѣщено въ приложеніи къ первой книжкѣ Архива. Статья эта заслуживаетъ полнаго вниманія читателей и имѣетъ несомнѣнное практическое достоинство, ибо авторъ, подвергая въ ней изслѣдованію нѣкоторые темные вопросы и неясности нашихъ постановленій о завѣщаніяхъ, разрѣшаетъ ихъ съ основательностію, обличающею въ немъ свѣтлое знакомство съ предметомъ и ясное пониманіе духа нашего законодательства. Подобныя изслѣдованія составляютъ важное пособіе для юристовъ-практиковъ, которымъ очень часто приходится сталкиваться съ такими неясностями и встрѣчать затрудненія въ правильномъ разрѣшеніи ихъ, если они не обладаютъ тѣмъ тактомъ, который замѣтенъ въ авторѣ настоящей статьи. Г. Побѣдоносцевъ въ настоящемъ своемъ изслѣдованіи разсматриваетъ слѣдующіе вопросы: 1.) должно ли, въ какой срокъ и куда именно представлять къ явкѣ по смерти завѣщателя духовное завѣщаніе, при жизни его явленное уже у крѣпостныхъ дѣлъ; 2.) можетъ ли быть допущено по завѣщанію соединеніе въ одномъ лицѣ: а.) рукоприкладчика и свидѣтеля, б.) переписчика и рукоприкладчика и в.) переписчика и свидѣтеля; 3.) обязанность означать въ завѣщаніи того, кто переписывалъ оное, должна ли относиться къ завѣщаніямъ, составленнымъ до изданія положенія 1831 г., 4.) можетъ ли почитаться законнымъ свидѣтелемъ на завѣщаніи священникъ, или другое духовное лице, когда въ завѣщаніи назначена тому причту, къ которому лице сіе принадлежитъ, денежная выдача на поминовеніе завѣщателя; 5.) для уничтоженія крѣпостнаго завѣщанія достаточно ли одной подачи о томъ прошенія въ судебное мѣсто, безъ учиненія допроса завѣщателю по сему прошенію; и въ правѣ ли завѣщатель вслѣдъ за подачею такой просьбы признавать ничтожнымъ то завѣщаніе, къ которому

она относится и 6.) можетъ ли завѣщатель безусловно лишить законныхъ наслѣдниковъ своихъ права оспоривать завѣщаніе? Всѣ вопросы эти разобраны авторомъ, повторяемъ, весьма основательно.

Кромѣ статьи г. Побѣдоносцева въ «Архивѣ» находимъ и другія съ тѣмъ же направленіемъ и тѣми же достоинствами; таковы: «замѣтка о подрядахъ и поставкахъ,» К. Д. Кавелина, и «о значеніи доказательствъ, исчисляемыхъ въ 312-й ст. 2-й книги свода законовъ уголовныхъ,» провинціяльнаго практика.

Помѣщеніе редакціею на страницахъ своего журнала статей, подобныхъ вышеназваннымъ, заслуживаетъ полной признательности со стороны всѣхъ интересующихся яснымъ пониманіемъ нашего дѣйствующаго законодательства,—и намъ остается только желать, чтобы подобныя статьи какъ можно чаще встрѣчались на страницахъ разсматриваемаго журнала. Практическая польза подобныхъ изслѣдованій, повторяемъ, очень значительна и мы думаемъ, что развитіе такой практической стороны въ нашей юридической литературѣ принесетъ гораздо бо̀льшую пользу, чѣмъ напримѣръ предлагаемая г. Царевскимъ мѣра къ приготовленію свѣдущихъ юристовъ-практиковъ, изложенная въ статьѣ его: «о практическихъ занятіяхъ при изученіи права въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.»

Скажемъ нѣсколько словъ объ этой статьѣ. Для болѣе нагляднаго представленія необходимости введенія практическихъ занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, г. Царевскій рисуетъ предъ читателемъ печальную картину бѣдствій, сопровождающихъ молодаго человѣка, изучившаго права въ университетѣ или лицеѣ, поступающаго на службу и съ трепещущимъ отъ рвенія сердцемъ приступающаго къ написанію порученной ему бумаги. Но увы! восклицаетъ г. Царевскій,—онъ не знаетъ, что ему предстоитъ борьба, не хуже любой битвы съ ожесточеннымъ врагомъ. Онъ перебираетъ всѣ теоріи, какія оста-

лись у него въ головѣ послѣ курса словесности, соображаетъ законы, относящіеся къ данному случаю и по своему изобрѣтаетъ форму; ликуя внутренно, что написалъ по всѣмъ правиламъ новѣйшей науки, идетъ онъ, положимъ, къ столоначальнику и самодовольно вручаетъ ему написанное. И какое страшное разочарованіе поражаетъ его: столоначальникъ, прочитавъ бумагу, или приказываетъ снова написать ее, иногда уже другому чиновнику, болѣе опытному и нигдѣ неучившемуся, или дѣлаетъ самъ поправки, говоря, что она написана не по формѣ. «*Язвительная улыбка появляется на лицѣ столоначальника, прочіе его канцелярскіе сослуживцы какъ бы невидимой силой внезапно пробуждаются изъ своего апатическаго состоянія*». Бѣдный студентъ стоитъ, какъ громомъ пораженный: его упрекаютъ въ незнаніи, говорятъ, что наука, которой онъ себя посвятилъ, ничему его не выучила, и удивляются, чему онъ учился, когда прочіе, и не окончивъ курса въ университетѣ или лицеѣ, пишутъ прекрасно.—Здѣсь г. Царевскій съ намѣреніемъ, желая вѣроятно подѣйствовать съ бо̀льшею силою на воображеніе читателей, обставляетъ молодаго юриста такими гадкими личностями; но смѣемъ замѣтить, что слова автора болѣе краснорѣчивы, чѣмъ дѣльны: глупость и необразованность не есть непремѣнная принадлежность столоначальниковъ, равно какъ и дикая радость при неудачѣ неопытнаго чиновника не есть отличительное свойство чиновниковъ, уже привыкшихъ къ дѣлу; а если такое обстоятельство иногда и встрѣчается въ дѣйствительности, то во 1-хъ оно составляетъ еще очень слабый поводъ къ введенію практическихъ занятій въ университетахъ, а во 2-хъ такая мѣра ни мало не обуздаетъ столоначальника-рутиниста и *апатическихъ чиновниковъ*, потому что всѣмъ рутиннымъ свѣдѣніямъ едва ли успѣлъ бы научиться студентъ въ университетѣ, даже если бы онъ исключительно предался этому труду и ему бы дали въ наставники того же столоначальника «съ язвительною улыбкою». Но пойдемъ далѣе. «Представимъ себѣ», продолжаетъ авторъ, «что тому же молодому человѣку поручено

написать проэктъ рѣшенія по какому нибудь спорному гражданскому дѣлу. Перечитывая бумаги, къ нему относящіяся, онъ во первыхъ тысячу разъ встрѣтитъ почти непреодолимое затрудненіе въ ихъ пониманіи. Извѣстно, что нашъ дѣловой языкъ не отличается совершенствомъ и далеко отсталъ отъ языка литературнаго (разумѣется я не говорю о высшихъ учрежденіяхъ). Бездна словъ, никогда не встрѣчающихся въ общежитіи и книгѣ, какъ напр. поискуемый, гвалтовно и самоправно, обольно, дѣльчій актъ и проч., обороты, въ которыхъ не соблюдены иногда и первоначальныя правила грамматики, озадачатъ хоть кого отъ непривычки.» Какую же пользу здѣсь, спрашиваемъ мы, принесутъ практическія занятія въ университетахъ? Ужъ не думаетъ ли г. Царевскій ввести въ университетахъ систематическое преподаваніе безграмотности и того языка, которымъ пишутъ чиновники—невѣжды? А безъ этого едва ли студентъ успѣетъ постигнуть всѣ глупости, встрѣчаемыя въ нашей практикѣ, если бы даже и согласиться съ необходимостію такого изученія. Но кромѣ того у молодаго человѣка, продолжаетъ г. Царевскій, нѣтъ навыка примѣнять законы къ дѣйствительной жизни.—Это совершенно справедливо; но у молодаго человѣка, хорошо прослушавшаго юридическій курсъ, есть свѣтлый взглядъ на законы, чего авторъ, кажется, и не подозрѣваетъ въ немъ; а то, что авторъ называетъ навыкомъ, т. е. привычку къ внѣшнимъ формальностямъ, молодой юристъ пріобрѣтетъ со временемъ, при поступленіи на службу; а кромѣ того изъ приведенныхъ словъ г. Царевскаго все еще нельзя вывести прямо необходимости пріобрѣтать практическія свѣдѣнія именно въ университетахъ, а не по окончаніи юридическаго курса. Впрочемъ объ этомъ скажемъ ниже, а теперь представимъ, со словъ автора, печальную участь молодаго человѣка, не съумѣвшаго написать проэктъ рѣшенія по порученному ему дѣлу. «Молодой человѣкъ» говоритъ г. Царевскій, «сначала бьется, какъ рыба объ ледъ, и наконецъ, выбившись изъ силъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, начинаетъ обращаться за совѣтами къ рутинистамъ-практи-

камъ. Мало по малу у него рождается сомнѣніе въ пользѣ пріобрѣтенныхъ знаній(?), переходящее наконецъ въ настоящее твердое убѣжденіе(??), *хотя все таки изъ тщеславія онъ старается считаться человѣкомъ образованнымъ, говоритъ иногда громкія фразы, хочетъ употреблять иностранные слова, мало понятныя для его сослуживцевъ-профановъ. Но наука брошена и пріобрѣтенное многими долголѣтними трудами, испаряясь постепенно, оставляетъ наконецъ одну торичелліеву пустоту.»* Неужели авторъ серьозно думаетъ, что до приведенія въ дѣйствительное исполненіе предлагаемой имъ мѣры, которую сейчасъ изложимъ, у всѣхъ нашихъ юристовъ, посвятившихъ себя практической дѣятельности, есть и будетъ въ головѣ торичелліева пустота? Смѣлое, но не совсѣмъ вѣжливое и справедливое мнѣніе!

Обратимся однако къ самой мѣрѣ, предлагаемой г. Царевскимъ. «Будучи самъ преподавателемъ гражданскаго права», говоритъ авторъ, «и занимаясь съ своими слушателями между прочимъ и практикой, я на каждомъ шагу встрѣчаю непреодолимыя трудности (очень жаль!), *нравственную* невозможность удовлетворить потребности, которая вопіетъ настоятельно. Первый камень преткновенія—это неприготовленность самаго профессора, который, изучивъ право только по книжкамъ, въ идеальной, кабинетной обстановкѣ, самъ является такимъ же теоретикомъ, какъ и его слушители. Нѣтъ надобности говорить, что полное знакомство съ формами и съ практическими пріемами при переходѣ права въ міръ дѣйствительный и пріобрѣтается только въ средѣ соприкосновенія его съ жизнію дѣйствительной. И такъ преподаватель, незнакомый самъ съ практической стороной права, сидя на кафедрѣ, чтобы знакомить слушателей съ тѣмъ, чего самъ не знаетъ, долженъ или сознаться въ своемъ безсиліи, или притвориться всезнайкой.» Для избѣжанія этого авторъ совѣтуетъ отправлять преподавателей на нѣкоторое время въ Сенатъ, или въ Министерство Юстиціи, что и облечь въ форму закона. Но такъ какъ приготовивъ себя, преподаватель

требуетъ еще постояннаго подновленія своихъ свѣдѣній, то для этого г. Царевскій предлагаетъ посылать въ высшія юридическія училища всѣ печатныя докладныя записки изъ оконченныхъ дѣлъ, производившихся въ Сенатѣ и Государственномъ Совѣтѣ. Потомъ необходимо, по мнѣнію автора, предоставить преподавателю право входа въ судебныя мѣста той мѣстности, гдѣ существуетъ учебное заведеніе, съ предоставленіемъ ему даже права голоса и дозволеніемъ брать дѣла на домъ.

Не входя въ подробный разборъ такой мѣры и вообще необходимости введенія практическихъ занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно же въ университетахъ, ограничимся только нѣсколькими замѣтками. Во первыхъ относительно профессоровъ замѣтимъ, что едва ли для нихъ была бы физическая возможность въ одно и тоже время слѣдить за преподаваемымъ ими предметомъ въ его дальнѣйшемъ научномъ развитіи, читать лекціи, просматривать всѣ печатныя докладныя записки изъ дѣлъ, производившихся въ Сенатѣ и Государственномъ Совѣтѣ, засѣдать въ присутственныхъ мѣстахъ и наконецъ брать еще дѣла судебныхъ мѣстъ на домъ. Еслибы подобную мѣру сдѣлать обязательною, то профессоръ сдѣлался бы и худымъ профессоромъ и плохимъ практикомъ, если же не дѣлать ея обязательною, то она и будетъ существовать только на бумагѣ. За двумя зайцами погонишься, говоритъ справедливая русская пословица, ни одного не поймаешь. Во вторыхъ, разсматривая эту мѣру въ ея отношеніи къ студентамъ, замѣтимъ также, что и студентъ, желая получить основательное знакомство съ преподаваемыми ему предметами, еще болѣе чѣмъ профессоръ, будетъ затрудненъ въ совершенномъ знакомствѣ съ практикою, ибо на 4 года его пребыванія въ университетѣ ему хватитъ занятій и безъ изученія практики; самъ же авторъ говоритъ, что практическое знаніе пріобрѣтается не вдругъ. Кромѣ того замѣтимъ еще: 1.) что университеты не имѣютъ цѣлію приготовлять чиновниковъ—практиковъ, а преподаютъ общія начала науки, предоставляя студентамъ самимъ впослѣдствіи избирать

путь къ приложенію и развитію пріобрѣтенныхъ ими познаній; 2.) еслибы даже и допустить такую цѣль, то она все таки не могла бы осуществиться при настоящемъ устройствѣ юридическихъ факультетовъ, ибо предметы не читаются всѣ вдругъ, а раздѣляются по курсамъ, а въ практическихъ дѣлахъ, какъ вѣроятно извѣстно автору, весьма часто встрѣчаются случаи, требующіе познаній въ различныхъ отрасляхъ правовѣдѣнія; слѣдовательно съ пользою практическія занятія могли бы относиться только къ студентамъ, прослушавшимъ весь курсъ юридическихъ наукъ, т. е. къ студентамъ, кончившимъ курсъ, и 3) практическіе случаи въ разрѣшеніи юридическихъ вопросовъ такъ многочисленны и разнообразны, что уловить ихъ всѣхъ нѣтъ никакой возможности, а потому весьма достаточно предложить общія начала для ихъ разрѣшенія; если же подъ практическими свѣдѣніями авторъ разумѣетъ внѣшнія формальности, то тѣ изъ нихъ, которыя требуются закономъ, излагаются съ каѳедръ, при преподаваніи дѣйствующаго законодательства, а которыя не освящены закономъ, тѣхъ и знать собственно нѣтъ нужды, да и знать нельзя, оттого, что въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ, въ каждомъ отдѣльномъ управленіи существуютъ свои обычаи, свои формы, извѣстныя только служащимъ тамъ лицамъ. Поэтому, хотя мы не отвергаемъ возможности допустить практическія занятія въ университетахъ, но не считаемъ нужнымъ допускать ихъ въ обширныхъ размѣрахъ и даемъ имъ только значеніе пособія, представляющаго въ болѣе наглядной формѣ преподаваемое съ каѳедры, но отнюдь не предполагаемъ возможности путемъ ихъ достигнуть того, чтобы студентъ, кончившій курсъ въ университетѣ, былъ уже отличнымъ практикомъ, могъ бы исполнить всякую бумагу по духу и понятіямъ того мѣста, куда судьба бросила его на службу, былъ бы обезпеченъ отъ «язвительной улыбки столоначальника», и не выводилъ своихъ сослуживцевъ изъ апатическаго состоянія.

Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе статья г. Колосовскаго: «о значеніи возраста въ области уголовнаго вмѣненія», на-

писанная по поводу сочиненія Фридрейха: «Compendium der berichtlichen Anthropologie». Статья эта представляетъ въ себѣ много интереснаго, какъ по важности и занимательности самаго вопроса, которому она посвящена, такъ и по здравому взгляду на него. Предѣлы нашего обзора не позволяютъ намъ, къ сожалѣнію, изложить въ подробности содержаніе этой статьи и потому ограничимся только указаніемъ главной мысли автора. Причина, на основаніи которой возрастъ преступника становится предметомъ научнаго изслѣдованія и получаетъ мѣсто въ области уголовнаго вмѣненія, находится въ тѣсной связи съ кореннымъ началомъ этого послѣдняго. Непремѣннымъ условіемъ и юридической и нравственной отвѣтственности каждаго человѣческаго дѣянія, служитъ, какъ извѣстно, свободная воля или способность самоопредѣленія. Но это необходимое условіе вмѣняемости, составляющее одну изъ существенныхъ принадлежностей природы человѣка, не дается ему однако разомъ, при его рожденіи, и растетъ въ немъ постепенно, точно также, какъ и тѣлесный организмъ. Естественно послѣ того, что моментъ достиженія человѣкомъ духовной зрѣлости, когда завершается развитіе способности самоопредѣленія, долженъ совпадать съ открытіемъ вмѣненія; до того же времени послѣднее не можетъ имѣть мѣста. Цѣль, къ которой стремятся въ этомъ отношеніи наука и законодательство, состоитъ слѣдовательно въ томъ, чтобы отыскать положительную и неизмѣнную норму для указаннаго момента. Но при первомъ же шагѣ на этой дорогѣ возникаетъ вопросъ: по силамъ ли человѣческимъ такая задача и возможно ли вообще ея разрѣшеніе? Чтобы отвѣчать на него основательно, съ полнымъ сознаніемъ въ вѣрности своего убѣжденія, должно прослѣдить прежде тотъ постепенный процессъ органическаго развитія, говоритъ авторъ, которому слѣдуетъ двойственная природа человѣка, съ перваго появленія его на свѣтъ. Всѣмъ извѣстенъ тотъ законъ органической природы, слѣдуя которому человѣкъ растетъ постепенно, достигая совершенной зрѣлости; только въ теченіе извѣстнаго времени за-

конъ этотъ равно обязателенъ для обоихъ существенныхъ элементовъ человѣческой личности, ибо и духовныя способности развертываются тоже не вдругъ, и имъ назначенъ постепенный путь развитія, которому слѣдуетъ тѣлесный организмъ, но ясно, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о неизмѣнно опредѣленныхъ терминахъ, которые бы всегда оставались вѣрны своему содержанію. Съ другой же стороны, если и справедливо, что границы видовъ человѣческаго возраста никогда не получатъ неизмѣнной опредѣленности, то этимъ нисколько еще не устраняется ихъ возможность и состоятельность, потому что нельзя все таки не замѣтить въ жизни человѣка, особенно въ первую половину его органическаго развитія, такихъ ступеней послѣдняго, которыя отличаются отъ предыдущихъ и послѣдующихъ рѣзкими измѣненіями. Вслѣдствіе такихъ мыслей авторъ приступаетъ къ разсмотрѣнію видовъ человѣческаго возраста, изслѣдуя ихъ въ ихъ органической послѣдовательности и указывая общія характерическія черты каждаго, какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніи, и отсюда опредѣляетъ значеніе и мѣсто ихъ въ вопросѣ о вмѣненіи. Вообще о каждомъ изъ возрастовъ авторъ основательно замѣчаетъ, что ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ точныхъ количественныхъ терминовъ для обозначенія своей грани, и единственнымъ основаніемъ опредѣленія его служитъ существенный характеръ внутренняго человѣческаго міра; для облегченія же практическаго признанія наступленія того или другаго возраста, авторъ допускаетъ видимыя числовыя данныя, справедливо считая ихъ *только приблизительно вѣрными*.

Два первые изъ этихъ возрастовъ не имѣютъ мѣста въ очеркѣ автора, потому что не состоятъ въ прямомъ отношеніи съ предметомъ его изложенія: это такъ называемые *embrionatus* и *aetas neonatorum* (возрастъ зародышей и новорожденныхъ). За этимъ возрастомъ слѣдуетъ младенчество (infantia), разсматривая который съ вышеуказанной точки зрѣнія, авторъ на вопросъ о возможности вмѣненія въ немъ отвѣчаетъ отри-

цательно и переходитъ за тѣмъ къ отрочеству (puerit'a). Здѣсь также, создавая возможно вѣрный типъ предмета, какъ въ физіологическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи, авторъ заключаетъ, что и въ этомъ возрастѣ люди не могутъ быть субъектами юридическаго вмѣненія, потому что въ жизни ихъ недостаетъ того основнаго принципа, которымъ оно обусловливается, т. е. разумной свободы воли. Отрочество переходитъ въ юношескій возрастъ (pubertas). Этотъ возрастъ отличается полнѣйшимъ развитіемъ познавательной способности, вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпнетъ память, разумъ расширяетъ предѣлы своей области и пріобрѣтаетъ проницательность. Такія условія даютъ бытіе новому явленію,—психической свободѣ, способности самоопредѣленія, которая, впрочемъ, по недавности своего рожденія, не имѣетъ еще той крѣпости и спокойствія, которыя пріобрѣтаются ею въ зрѣлый возрастъ, когда завершается процессъ органическаго развитія и духовная природа человѣка складывается въ извѣстную, опредѣленную форму. Поэтому, если съ одной стороны, вмѣстѣ съ появленіемъ кореннаго начала вмѣненія, нельзя оставлять далѣе человѣка безъ подчиненія этому послѣднему, то съ другой стороны, въ силу недавняго появленія новаго элемента и еще неустановившейся физіономіи его, нельзя и не ввести сюда сравнительно мягкаго юридическаго толкованія, ибо нельзя не замѣтить здѣсь особенныхъ обстоятельствъ, которыя по необходимости смягчаютъ строгость вмѣненія. Къ числу ихъ относится множество чувствованій, склонностей, влеченій, желаній, которыя по преимуществу свойственны настоящему возрасту и составляя его естественную принадлежность, не могутъ не быть приняты во вниманіе, когда приходится обсуждать свойство совершеннаго преступленія. Изъ сказаннаго открывается, что юноша, получивъ способность самоопредѣленія, вступаетъ въ первый разъ въ область вмѣненія въ качествѣ ея субъекта; но при этомъ новомъ своемъ положеніи онъ не подвергается разомъ всей строгости юридическаго толкованія, ибо идея справедливости окружаетъ его рядомъ извиняющихъ об-

стоятельствъ, принимая во вниманіе существенный характеръ духовной природы, не достигшей еще окончательной зрѣлости. Вполнѣ же область вмѣненія открывается только въ зрѣломъ возрастѣ (aetas virilis), за которымъ наступаетъ старость (senectus), переходящая наконецъ въ глубокую старость (senectus decrepita), гдѣ вмѣненіе опять постепенно слабѣетъ.

Разсмотрѣвъ всѣ эти возрасты, авторъ приходитъ къ убѣжденію, что наука не въ состояніи вѣрно обозначить однимъ количественнымъ терминомъ тотъ моментъ въ жизни человѣка, когда этотъ послѣдній пріобрѣтаетъ свободу воли и становится вслѣдствіе того субъектомъ вмѣненія. Какъ же въ такомъ случаѣ поступить законодательству? Должно ли оно совершенно отказаться отъ рѣшенія задачи въ ея настоящемъ видѣ, или признавъ приблизительно вѣрные термины за неизмѣнно точные, сознательно внести въ свои кодексы начало несправедливости, разрушивъ тѣмъ все свое достоинство и значеніе?

Фридрейхъ объявляетъ себя рѣшительно противъ такого направленія, полагая въ тоже время возможнымъ указать законодательству правильный путь, которымъ оно можетъ подойти къ рѣшенію вопроса съ другой стороны. Именно, по мнѣнію Фридрейха, законодательство должно признать за общее неизмѣнное правило, что только тотъ индивидуумъ считается способнымъ къ вмѣненію, который во время совершенія дѣйствія находится въ психическо-свободномъ состояніи, обладаетъ разумною способностію самоопредѣленія; въ противномъ же случаѣ нѣтъ и вмѣненія. Отсюда слѣдуетъ, что при каждомъ встрѣтившемся преступленіи прежде всего надо изслѣдовать психическое состояніе дѣйствующаго, и потомъ уже рѣшать этотъ случай на основаніи предыдущаго правила.

Г. Колосовскій не вполнѣ раздѣляетъ такое мнѣніе: «законодательство,» говоритъ онъ, «само всегда сознавало справедливость того правила, что субъектомъ вмѣненія можетъ считаться только тотъ человѣкъ, который, во время совершенія дѣйствія, облада-

етъ свободной волей; оно и не думало сомнѣваться, что моментъ, когда открывается возможность вмѣненія, долженъ непремѣнно совпадать съ появленіемъ того психическаго состоянія, которое служитъ кореннымъ для нея началомъ. Но законодательство не можетъ считать себя въ правѣ остановиться на одномъ общемъ постановленіи. Такое направленіе добывается имъ изъ сознанія своей цѣли и обязанностей. Дѣйствительно, если законодательство не должно представлять изъ себя только разрозненныхъ постановленій на каждый индивидуальный случай, то съ другой стороны, ему нельзя довольствоваться только самымъ общимъ опредѣленіемъ. Стремленіе достигнуть полноты и ясности въ уголовномъ кодексѣ съ помощію перваго способа обличаетъ въ народѣ низкую степень юридическаго образованія и удаляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ желанной цѣли; къ такому же результату придутъ, если захотятъ ограничиться однимъ общимъ правиломъ.»

Примѣняя эту справедливую мысль къ настоящему вопросу, авторъ приходитъ къ той мысли, что законодательство должно опредѣлять числовые термины возрастовъ, не давая однако этимъ опредѣленіямъ абсолютной силы, а соображая ихъ съ другими условіями и признаками, означающими достиженіе лицомъ того или другаго возраста. «Ограничиться правиломъ, предлагаемымъ Фридрейхомъ» говоритъ г. Колосовскій, «значитъ тоже, что отказаться отъ рѣшенія предложенной задачи. По этому-то современное законодательство и старается отыскать тѣ видимые признаки, коихъ присутствіе въ извѣстныхъ случаяхъ давало бы возможность заключать о состояніи внутренняго міра преступника. Но такъ какъ эти признаки далеко не имѣютъ характера точныхъ данныхъ, то спрашивается, можно ли выставлять ихъ въ законодательныхъ кодексахъ? не значитъ ли это сознательно узаконять явно несправедливое? Нѣтъ, мы думаемъ, что законодательство всегда въ состояніи избѣгнуть подобныхъ упрековъ, если только распорядится благоразумно. Безъ всякаго сомнѣнія, опредѣлять начало вмѣняемости исключитель-

но на основаніи достиженія человѣкомъ извѣстнаго года жизни представляется величайшею несообразностію, какъ очевидная несправедливость, ибо отношеніе числовыхъ терминовъ къ состоянію внутренняго міра человѣка не имѣетъ неизмѣнной точности. Но развѣ, употребляя этотъ пріемъ, законодательство по необходимости должно ограничиться только имъ исключительно? развѣ нельзя въ помощь ему выставить другое обстоятельство, или сдѣлать приличную оговорку? Конечно, при такой обстановкѣ числовой терминъ, получивъ *условное* значеніе, будетъ имѣть характеръ надежнаго проводника для отысканія истины, потерявъ всякую возможность вести въ противоположную сторону. Слѣдовательно въ этомъ видѣ онъ будетъ приносить только пользу, не имѣя никакой силы причинить вредъ.» Сообразно этимъ мыслямъ авторъ и опредѣляетъ числовыя грани каждаго изъ помянутыхъ возрастовъ.

Съ справедливостію такого мнѣнія г. Колосовскаго нельзя не согласиться. Если *точное* опредѣленіе возраста полезно и даже необходимо въ сферѣ гражданскихъ отношеній, то оно столько же вредно въ сферѣ уголовнаго права. Конечно для того, чтобы осуществленіе на практикѣ подобной мысли автора сопровождалось пользою, необходимо государству имѣть свѣдущихъ судей, которымъ и должно быть предоставлено право опредѣлять, къ какому возрасту принадлежитъ преступникъ и сообразно этому произносить приговоръ свой. Хотя многіе находятъ вреднымъ давать извѣстный просторъ судебному произволу, но онъ, по нашему мнѣнію, совершенно необходимъ, конечно въ извѣстныхъ предѣлахъ, въ уголовной практикѣ. По этому, повторяемъ, разсмотрѣнная статьи г. Колосовскаго заслуживаетъ полнаго одобренія.

Кромѣ помянутыхъ статей въ разсматриваемой книжкѣ Архива находимъ нѣкоторые любопытные памятники, относящіеся до исторіи русскаго законодательства, каковы договоры вольныхъ людей, конца XVII и начала XVIII вѣка, о поступленіи въ крестьяне и дворовые на срочное время, и суд-

ное дѣло 1500 года; также здѣсь помѣщено начало историческаго труда г. Ланге, подъ заглавіемъ:« изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ русской правды», отчетъ о которомъ мы надѣемся отдать по отпечатаніи всего изслѣдованія,—равно какъ и многія другія интересныя статьи.

Оканчивая обзоръ нашъ, считаемъ пріятнымъ долгомъ сказать, что, судя по началу, журналъ нашего почтеннаго юриста г. Калачова обѣщаетъ быть однимъ изъ лучшихъ украшеній нашей юной юридической литературы.

Д. М.

II.

РУССКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, *чтенія Д. И. Мейера, изданныя подъ редакціею А. Вицына.*

Три года тому назадъ одинъ русскій журналистъ, приступая къ разбору сочиненій Бѣлинскаго, привелъ замѣчательныя слова, сказанныя въ Лондонѣ, во время представленія какой-то трагедіи Шекспира. Въ это представленіе великій актеръ Гаррикъ игралъ съ особеннымъ одушевленіемъ: каждое его слово, каждый жестъ производили въ театрѣ неистовыя рукоплесканія. Только одинъ англичанинъ какъ бы не подчинялся общему восторгу и безпрестанно выражалъ знаки досады и нетерпѣнія. Когда наконецъ сосѣдъ его рѣшился спросить о причинѣ такого равнодушія, онъ отвѣчалъ: «мнѣ больно и досадно подумать, что пройдетъ нѣсколько лѣтъ,—и ничего не останется отъ этого великаго таланта.»

По мнѣнію Г. Дружинина, тѣже слова можно примѣнить и къ великому критику.

По нашему мнѣнію, ихъ можно примѣнить ко всякому замѣчательному профессору.

Всѣ-ли понимаютъ, какое громадное вліяніе можетъ имѣть профессоръ на слушателей? Жестоко заблуждаются тѣ изъ профессоровъ, которые думаютъ, что ихъ назначеніе—прочитать на своихъ лекціяхъ то, что требуется по программѣ, и съ Божіею помощью сдать экзаменъ. Нѣтъ, они, если хотятъ, могутъ найти болѣе широкій кругъ дѣятельности. Пріохотить слушателей не только къ своему предмету, но и къ наукѣ вообще, поощрять ихъ къ занятіямъ самостоятельнымъ, давать направленіе въ наукѣ и въ самой жизни—вотъ ихъ высшее назначеніе и высшая награда. Но что же отъ нихъ потомъ останется? Лекцій своихъ они бо́льшею частью не печатаютъ, а если бы и печатали, то можетъ ли книга дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовало живое слово, а главное—самая личность профессора? Мы, конечно, говоримъ только о тѣхъ изъ нихъ, которые всею жизнью своею подтверждали то, что говорили на лекціяхъ, а безъ этой гармоніи науки и личности профессора его вліяніе безсильно.

Такимъ могучимъ дѣятелемъ былъ Грановскій; таковъ былъ Д. И. Мейеръ, о которомъ будетъ рѣчь въ настоящей статьѣ.

Да, жаль, что ничего или весьма мало останется отъ этой великой дѣятельности! Мы искренно благодаримъ г. Вицына за его прекрасно задуманный и добросовѣстно исполненный трудъ; но это не поколеблетъ нашего убѣжденія, что публика далеко не оцѣнитъ Мейера, какъ могли и должны были оцѣнить его слушатели. Мы постараемся по крайней мѣрѣ извлечь изъ его напечатанныхъ лекцій тѣ идеи, тѣ воззрѣнія, которыя болѣе или менѣе отражаютъ въ себѣ его свѣтлую личность.

Уже въ самомъ опредѣленіи гражданскаго права не видно рутины другихъ учебниковъ. Обыкновенное опредѣленіе

гражданскаго права (какъ науки объ отношеніяхъ между гражданами), подъ которое могутъ подойти и уголовные законы, не принято Мейеромъ. По его мнѣнію, гражданское право есть наука объ *имущественныхъ правахъ*. То обстоятельство, что въ составъ гражданскаго права вносится ученіе о бракѣ, объ отеческой власти, о союзѣ родственномъ, онъ объясняетъ исторически и относитъ эти предметы къ правамъ каноническому и государственному. Впрочемъ онъ въ своемъ курсѣ обѣщаетъ касаться этихъ предметовъ, «такъ какъ распредѣленіе преподаванія юридическихъ наукъ въ связи съ раздѣленіемъ свода законовъ.» (стр. 7).

Достоинство гражданскаго права, какъ науки, Мейеръ доказываетъ существованіемъ въ каждомъ народѣ извѣстныхъ юридическихъ воззрѣній, потому что одни законы, подвергаясь безчисленнымъ измѣненіямъ, весьма шатки и слѣдовательно не могутъ составить прочнаго содержанія науки. Имущественныя отношенія имѣютъ такое развитіе въ обществѣ, что для опредѣленія ихъ были бы даже достаточны одни юридическія воззрѣнія народа; однако по многимъ причинамъ государство не можетъ ограничиться ими,—между прочимъ и потому, что не всегда эти воззрѣнія имѣютъ поводъ выясняться. Тутъ весьма замѣчателенъ примѣръ, представленный Мейеромъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ для рѣшенія спора между крестьянами обращаются къ старикамъ, въ другихъ деревняхъ споры рѣшаетъ самъ помѣщикъ. Въ первомъ случаѣ юридическое воззрѣніе народа выясняется, помѣщичій же судъ этому выясненію не благопріятствуетъ. И такъ, дѣятельность общественной власти необходима, но эта дѣятельность, по мнѣнію Мейера, все-таки второстепенная, дополнительная: «она примыкаетъ лишь къ тѣмъ юридическимъ воззрѣніямъ, которыя общественная власть уже застаетъ готовыми.» (стр. 13). Потому ея задача—слѣдовать юридическимъ воззрѣніямъ народа; въ противномъ случаѣ образуется двойственное право: право кодексовъ и право народа,—и послѣднее торжествуетъ.

Но какъ воспроизвести въ законъ юридическое понятіе народа? Знаменитый Бентамъ въ сочиненіи »De l'organisation judiciaire et de la codification" выражаетъ мнѣніе, что эту задачу лучше всего можетъ выполнить иностранецъ—чуждый всѣмъ мѣстнымъ предразсудкамъ и интересамъ страны. Намъ въ высшей степени кажется страннымъ встрѣтить такое мнѣніе у великаго англійскаго юриста, возросшаго среди націи, которая болѣе всѣхъ другихъ націй проникнута чувствомъ народности. Мейеръ опровергаетъ это мнѣніе. Онъ постепенно приходитъ къ одной завѣтной мысли и наконецъ выражаетъ ее прямо: «всѣ лица, совершающія процессъ воспроизведенія, должны стоять среди народа и быть пропитаны его понятіями, разумѣется, очищенными, просвѣтленными.» (стр. 15.)

Переходя къ изложенію взгляда Мейера на элементы науки гражданскаго права, мы позволимъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе.

Въ послѣднее время между преподавателями юридическихъ наукъ начало обнаруживаться вообще какое-то недоброжелательство къ теоріи. Начали говорить о необходимости исключительно-практическаго образованія, слово «философія» стали произносить не только съ ироніей, но даже съ какимъ-то ожесточеніемъ. Многіе изъ этихъ пропагандистовъ практичности, люди вполнѣ добросовѣстные, тѣмъ не менѣе мы не можемъ скрыть, что ихъ заблужденіе въ высшей степени забавно. Говорятъ, что молодые люди-будущіе юристы-практики должны получить исключительно-практическое образованіе; намъ кажется, что именно потому-то, что они будутъ практиками, имъ и надо преподавать преимущественно теорію. Объяснимъ это примѣромъ. Противникамъ философіи, вѣроятно, извѣстно, что существуетъ наука «судебная медицина.» Въ Германіи эту науку преподаютъ двоякимъ образомъ, смотря по тому, кто ее изучаетъ:-врачи или юристы. Для врачей, которымъ медицинская часть предполагается хорошо извѣстною, главное вниманіе обращаютъ на часть

юридическую; для юристовъ по той же причинѣ болѣе развиваютъ медицинскую сторону науки. Понятно, почему и въ чисто-юридической сферѣ для будущаго чиновника нужны въ особенности теоретическія свѣдѣнія. Онъ на службѣ и безъ того узнаетъ практику, знанія же теоріи ему не замѣнить ничѣмъ. Тутъ ошибка происходитъ отъ смѣшенія цѣли и средствъ. По мнѣнію многихъ, главная цѣль жизни-служба, а чтобы первый шагъ былъ блестящъ, нуженъ внѣшній эффектъ знанія законовъ. Но на дѣлѣ даже и этого не бываетъ. Масса положительныхъ законовъ, выученныхъ на память безъ всякой системы, испаряется на другой день послѣ экзамена, и молодой человѣкъ является на службу въ такомъ же невѣдѣніи положительнаго права,-какъ и не изучавшій его. Положимъ, это еще не большая бѣда; онъ его изучитъ на практикѣ, но за то чуть явится въ продолженіи службы вопросъ, требующій соображеній болѣе глубокихъ, бѣдный практикъ или опускаетъ голову съ сознаніемъ своего безсилія, или самонадѣянно портитъ дѣло. Впрочемъ это еще не все: главное несчастіе въ томъ, что онъ на всю жизнь можетъ остаться ограниченнымъ чиновникомъ, узкимъ спеціалистомъ, невѣждой. Если онъ, понявъ свое положеніе, бросится наконецъ изучать теорію, у него нѣтъ основанія, нѣтъ почвы и много надо ему сдѣлать отчаянныхъ усилій, чтобы выйти изъ общей колеи. При современномъ наплывѣ узкихъ воззрѣній сословіе профессоровъ должно стоять на стражѣ въ защиту науки; профессоръ, отвергающій теорію, такое же непонятное явленіе, какъ слѣпорожденный живописецъ, какъ жрецъ, проповѣдующій атеизмъ.

Само собою разумѣется, что Мейеръ не могъ принадлежать къ числу такихъ профессоровъ. Онъ произноситъ надъ ними безпощадный приговоръ. «Если въ государствѣ еще нѣтъ кодекса, говоритъ онъ, если законодательныя опредѣленія не собраны въ систематическое цѣлое, то выборка дѣйствующихъ законовъ изъ массы отдѣльныхъ указовъ и систематическое изложеніе такихъ законовъ составляетъ своего рода заслугу. Но

если положительное законодательство собрано въ одно цѣлое (какъ это и есть у насъ), то какая заслуга, какое достоинство въ такомъ изображеніи его, которое разнится отъ свода законовъ только въ порядкѣ расположенія статей?» (стр. 20)

Въ другомъ мѣстѣ онъ разбираетъ причины этого явленія. По его мнѣнію, главная причина заключается въ томъ, что изучать положительные законы гораздо легче, нежели изучить законы дѣйствительности.

Второю причиной признаетъ онъ ложную мысль, будто бы всѣ юридическія отношенія опредѣляются положительными законами. Изъ взгляда Мейера на юридическія воззрѣнія народа, который мы изложили, уже видно, что онъ не можетъ согласиться съ этою мыслью. «Постоянно должно имѣть въ виду отношеніе положительныхъ законовъ къ тѣмъ законамъ, по которымъ происходятъ имущественныя явленія въ дѣйствительности, указывать уклоненія положительныхъ гражданскихъ законовъ отъ юридическихъ воззрѣній народа, объяснять эти уклоненія (стр. 17.)»

Причины, приводимыя Мейеромъ, намъ кажутся не довольно глубокими. По нашему мнѣнію, главная причина жалкихъ воззрѣній, о которыхъ мы говорили, заключается во всемъ направленіи современнаго общества, въ упадкѣ философіи вообще. Можетъ-ли процвѣтать теорія права какъ прикладная философія, когда чистая философія находится въ такомъ странномъ и печальномъ пренебреженіи? Было время, когда туманныя умствованія философовъ составляли дѣйствительно болѣзнь эпохи; но впрочемъ и тогда ни одно философское ученіе не прошло безплодно, внося новые элементы въ жизнь, приготовляя почву для будущихъ поколѣній. Наше время страдаетъ другою болѣзнью. Мы эгоистически и скромно пользуемся плодами работы нашихъ предшественниковъ, а сами на почвѣ идей не разработываемъ ничего. Духъ мелкой практичности, духъ расчета оковалъ современное общество. Мейеръ ясно понималъ это,

хотя и не прямо высказалъ свой взглядъ. Съ горькимъ сарказмомъ говоритъ онъ въ началѣ своихъ вступительныхъ понятій, что «въ каждомъ государствѣ, а также и въ нашемъ отечествѣ огромное большинство людей живетъ чисто-матеріальною жизнью» (стр. 9) и черезъ нѣсколько строкъ прибавляетъ, что къ удовлетворенію своимъ матеріальнымъ потребностямъ «человѣкъ стремится всю жизнь и нерѣдко жертвуетъ жизнью».

Отъ такого грустнаго положенія могла бы насъ освободить одна философія: изъ идей, какъ изъ зерна, можетъ вырости цѣлый рядъ перемѣнъ. Замѣтимъ, что не только теорія права имѣетъ значеніе въ юридической сферѣ; нѣтъ, самая чистая философія, могущая имѣть огромное вліяніе на все развитіе общества, получаетъ особенную важность въ вопросѣ права. Вспомнимъ здѣсь замѣчательныя слова, сказанныя Фихте младшимъ, съ сущностью ученія котораго мы, впрочемъ, совсѣмъ не согласны. Въ сочиненіи своемъ «System der Ethik» онъ говоритъ: идея справедливости значитъ совсѣмъ не то, что идея законности, и принимать право и государство послѣдней цѣлью человѣчества, значитъ отказаться отъ философіи.

Что теорія у такихъ людей, какъ Мейеръ, не можетъ сдѣлаться празднымъ мечтаніемъ, видно изъ того значенія, которое Мейеръ приписываетъ и практической сторонѣ науки. Но какъ понимаетъ онъ ее, эту практическую сторону? «Наукѣ приходится относительно каждаго учрежденія обращать вниманіе не только на то, каковымъ представляется оно въ положительномъ законодательствѣ или въ воззрѣніяхъ народа, но ей слѣдуетъ опредѣлить также, въ какомъ видѣ представляется учрежденіе, когда призывается къ установленію дѣйствительности, сохраняетъ ли оно свой первоначальный видъ, или ему приходится измѣниться, подчиниться вліянію дѣйствительности». Это совсѣмъ не та *практика*, о которой хлопочутъ противники философіи; для одного хорошаго выполненія этой задачи уже нужны обширныя теоретическія свѣдѣнія. Впрочемъ, у насъ чрезвычайно

трудно выполнить хорошо такую задачу, и причину этого Мейеръ видитъ въ недостаткѣ у насъ той судебной гласности, которая существуетъ въ западной Европѣ.

Историческому элементу въ наукѣ Мейеръ не придаетъ такого значенія, какъ другіе ученые, хотя и считаетъ его необходимымъ при изложеніи русскаго гражданскаго права какъ въ слѣдствіе того, что юридическія воззрѣнія народа суть результатъ его прошедшей юридической жизни, такъ и въ слѣдствіе чисто-историческаго процесса нашей кодификаціи. Вообще же «эти элементы должны не расходиться, но идти неразлучно, рука объ руку». Краткой, но мѣткой характеристикой современнаго состоянія науки русскаго гражданскаго права Мейеръ заключаетъ свои вступительныя понятія, на которыя мы обратили особенное вниманіе, такъ какъ въ нихъ по преимуществу высказывается направленіе автора.

Источниками гражданскаго права Мейеръ признаетъ только обычай и законъ.

Относительно обычая онъ принимаетъ ученіе Пухты съ нѣкоторыми впрочемъ ограниченіями. Вотъ какія условія, по его мнѣнію, необходимы для существованія обычая: 1) обычай долженъ содержать въ себѣ воззрѣніе *юридическое*, 2) воззрѣніе это должно быть соблюдаемо въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, 3) соблюдаемо оно должно быть постоянно одинаково, 4) обычай не долженъ противорѣчить нравственности. Послѣднее условіе намъ кажется не совсѣмъ опредѣленно; понятіе о нравственности само такъ условно, что объяснить его можно бы нѣсколько точнѣе. При условіяхъ, о которыхъ мы упомянули, обычай имѣетъ въ юридическомъ быту такую силу, что «пожалуй, выведетъ изъ употребленія законъ, направленный противъ его примѣненія». (стр. 28). Это дѣйствіе обычая конечно не внезапное, а медленное, «подкапывающееся». Тогда только извѣстный обычай можетъ быть вполнѣ вытѣсненъ закономъ, когда юридическое воззрѣніе, составляв-

шее содержаніе обычая, найдетъ себѣ мѣсто въ законѣ. Слѣдовательно, законъ не *отмѣняетъ*, а только *замѣняетъ* обычай.

Законъ выражается въ двухъ различныхъ формахъ: либо въ формѣ общей, либо въ формѣ частныхъ случаевъ. Первую форму Мейеръ признаетъ болѣе удобною для науки, которая имѣетъ дѣло съ началами. Нѣкоторыя законодательства, напр. Французское преимущественно держатся общей формы; наше гражданское законодательство главнымъ образомъ опредѣляетъ частные случаи.

Между раздѣленіями законовъ замѣтимъ раздѣленіе на принудительные и дозволительные законы. Вотъ что говоритъ Мейеръ о послѣднихъ: «въ разрядъ законовъ дозволительныхъ входятъ и такіе законы, которые опредѣляютъ юридическія отношенія лишь на случай, что сами граждане не опредѣляютъ ихъ. Не всегда такое значеніе закона выражено въ немъ. Потому люди, незнакомые съ теоріею права, нерѣдко считаютъ законъ обязательнымъ и полагаютъ невозможнымъ опредѣлить свои отношенія иначе, чѣмъ опредѣлено въ законѣ, тогда-какъ власть законодательная не настаиваетъ на его примѣненіи, а только предлагаетъ извѣстное опредѣленіе и имѣетъ въ виду, что если граждане не сдѣлаютъ инаго постановленія относительно своихъ юридическихъ отношеній, то, значитъ, хотятъ подчиниться закону, примѣняютъ его къ себѣ.» Въ примѣръ авторъ представляетъ постановленіе объ описи и храненіи закладываемаго имущества у залогопринимателя. Само собою разумѣется, что залогоприниматель, если хочетъ, можетъ оставить вещь у залогодателя. За тѣмъ, оставя другія раздѣленія и подраздѣленія, мы перейдемъ къ параграфу о толкованіи законовъ, который мы причисляемъ къ блистательнѣйшимъ страницамъ въ «чтеніяхъ о гражданскомъ правѣ».

Мейеръ допускаетъ два рода толкованія: аутентическое и научное. Но возможно-ли какое-нибудь толкованіе кромѣ аутентическаго? Съ точки зрѣнія философіи права этотъ вопросъ, безъ

сомнѣнія, разрѣшается утвердительно. Законъ издается не для собственнаго удовольствія законодателей, его надо примѣнять къ частныхъ случаямъ, а всѣхъ частныхъ случаевъ онъ обнять не можетъ; независимо отъ этого, въ законѣ могутъ встрѣчаться темныя слова, техническія выраженія, которыя необходимо объяснить. Но съ точки зрѣнія положительнаго русскаго права нѣкоторые отвергаютъ возможность научнаго толкованія, основываясь на 65-ой статьѣ основныхъ законовъ, по которой законы должны быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оныхъ, безъ всякаго измѣненія и распространенія. Это возраженіе не имѣетъ даже смысла. Въ 65-й статьѣ основныхъ законовъ сказано: «законы должны быть исполняемы». . . и т. д. Да чтобы исполнить то законъ, надо же его съ начала понять, а чтобы понять, надо часто прибѣгать къ толкованію. Само собою разумѣется, что толкованіе это дѣлается не иначе, какъ по *буквальному* смысла закона; въ противномъ случаѣ законъ не толкуется, а измѣняется, искажается. Толкованіе законовъ встрѣчается безпрерывно и на службѣ, и въ частной жизни; сами противники толкованія, какъ справедливо замѣчаетъ Мейеръ, «превратно толкуютъ 65-ую статью основныхъ законовъ и подобны философу, который отвергалъ движеніе и въ тоже время ходилъ по комнатѣ.»

Изъ двухъ видовъ толкованія законовъ Мейеръ все преимущество отдаетъ *научному* толкованію; по его мнѣнію, оно получаетъ значеніе только отъ вѣрности законамъ мышленія, тогда какъ толкованіе аутентическое можетъ пренебрегать всѣми логическими законами, можетъ придавать закону тотъ смыслъ, котораго онъ не выражаетъ. Въ этомъ произвольномъ объясненіи законодательная власть часто руководствуется совершенно посторонними соображеніями и цѣлями и жертвуетъ для нихъ правилами логики. Иногда при этомъ случается, что новый законъ, выдаваемый за толкованіе прежняго, получаетъ обратную силу, «но вѣдь придать обратную силу закону также въ волѣ законодателя» (стр. 43). Научное толкованіе можетъ касаться

или текста закона или самой воли законодателя. Въ первомъ случаѣ оно называется *критикою* законовъ и состоитъ въ изслѣдованіи вѣрности текста, подлинности самаго закона. У насъ не можетъ быть и рѣчи о критикѣ законовъ: нашъ сводъ законовъ, изданный законодательною властью, самъ имѣетъ силу закона. Толкованіе воли законодателя Мейеръ раздѣляетъ на грамматическое, систематическое, историческое и логическое. Граммтическое толкованіе основывается на томъ предположеніи, что рѣчь законодателя грамматически правильна, и слѣдовательно ей надо придавать такой смыслъ, при которомъ не нарушаются правила грамматики. Систематическое толкованіе заключается въ соображеніи отдѣльнаго закона съ цѣлой системой законодательства. Тутъ главное правило то, что законъ, помѣщенный подъ рубрикой, опредѣляющей извѣстныя видовыя юридическія отношенія, не долженъ быть примѣняемъ къ юридическимъ отношеніямъ другихъ видовъ. Историческое толкованіе состоитъ въ изъясненіи смысла закона съ помощью тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ онъ взятъ. Наше правительство такъ прониклось мыслью о необходимости историческаго толкованія, что для этой цѣли издало *полное собраніе законовъ*, въ которомъ заключаются всѣ узаконенія отъ уложенія 1649 года до нашего времени. Къ сожалѣнію эта похвальная мысль правительства мало осуществляется на дѣлѣ. Про нисшія присутственныя мѣста говоритъ и Мейеръ, что тамъ «рѣдко обращаются къ историческому толкованію законовъ, и многіе чиновники даже не имѣютъ яснаго понятія о томъ, что такое полное собраніе законовъ и смѣшиваютъ его съ сводомъ законовъ» (стр. 47). Логическимъ толкованіемъ называется извлеченіе изъ законодательныхъ опредѣленій выводовъ посредствомъ ряда силлогизмовъ. Эта дѣятельность имѣетъ примѣненіе во всякомъ законодательствѣ, какъ бы оно ни заключало въ себѣ мало началъ и много частныхъ опредѣленій; получаемые выводы должны имѣть сами силу закона, такъ-какъ они логически вытекаютъ изъ словъ законодателя. Слѣдовательно законодатель тутъ

опять предполагается правильно мыслящимъ. Приведемъ слова Мейера. «Законодатель можетъ конечно устранить тѣ или другіе выводы изъ своихъ опредѣленій, постановить тѣ или другія исключенія, но мы не можемъ не предположить въ законодателѣ готовности быть послѣдовательнымъ; напротивъ, должны допускать, что если законодатель хочетъ чего-либо, то онъ хочетъ и того, что непосредственно вытекаетъ изъ его словъ.» Примѣръ, приведенный Мейеромъ, въ высшей степени современенъ,— какъ и всѣ его примѣры. Онъ поставляетъ слѣдующій вопросъ: можетъ-ли лицо, не имѣющее права потомственнаго дворянства, пріобрѣсти землю, на которой поселены обязанные крестьяне? и отвѣчаетъ на него утвердительно. Вотъ его умозаключеніе: по 204 статьѣ IX тома св. зак. одни *населенныя* имѣнія составляютъ исключительную собственность потомственныхъ дворянъ, по 354 статьѣ X т. св. з. населенными имѣніями называются земли, на которыхъ водворены крѣпостные люди, а по 903 статьѣ IX т. св. зак. обязанные крестьяне причисляются къ сословію свободныхъ сельскихъ обывателей; слѣдовательно, какъ скоро крѣпостные люди обратятся въ обязанныхъ крестьянъ, земли, на которыхъ они живутъ, утрачиваютъ названіе *населенныхъ* и могутъ быть пріобрѣтены лицами всѣхъ сословій. Эту дѣятельность юриста, которую Савиньи охарактеризовалъ словами «rechnen die Begriffe» Мейеръ называетъ «одной изъ привлекательнѣйшихъ сторонъ правовѣдѣнія.» Изъ другихъ видовъ толкованія, толкованіе законовъ *распространительное и ограничительное* не выходятъ, собственно говоря, изъ предѣловъ буквальнаго толкованія, потому что «если законъ распространяется или ограничивается, то значитъ, въ немъ есть данныя, по которымъ смыслъ его именно соотвѣтствуетъ распространительному или ограничительному толкованію.» Толкованіе по аналогіи, которое основывается на уразумѣніи всѣхъ основаній закона, допускается нѣкоторыми законодательствами. «У насъ аналогія имѣетъ значеніе лишь для самаго законодателя.» (стр. 53).

Въ концѣ 10-го параграфа, въ которомъ развивается извѣстное правило о томъ, что законъ не долженъ имѣть обратнаго дѣйствія, находится слѣдующая также въ высшей степени современная мысль: «иногда законъ не опредѣляетъ, что его дѣйствіе обратно, но оно обратное по самому содержанію закона. Таковы именно законы, направленные къ прекращенію существующихъ правъ. Они издаются впрочемъ рѣдко, только въ тѣхъ случаяхъ, когда подъ господствомъ прежнихъ законовъ пріобрѣтались права въ ущербъ общему благу.»

Въ 11-омъ параграфѣ разсматривается примѣненіе законовъ съ точки зрѣнія мѣстности и объясняется значеніе *statuta personalia*, *statuta realia* и *statuta mixta*. Общее правило, выводимое Мейеромъ, то, что «юридическія отношенія, признаваемыя законными въ одной мѣстности, признаются законными и въ другой, если особымъ опредѣленіемъ законодательства этой другой мѣстности не объявлена незаконность того или другаго даннаго отношенія. Говоря о statuta personalia, онъ представляетъ примѣръ такого ограниченія: въ Европѣ не признаютъ рабства, а потому негръ-невольникъ, прибывшій въ какое-нибудь Европейское государство рабомъ, дѣлается свободнымъ.

Необходимость при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ отмѣны законовъ Мейеръ доказываетъ бренностью всякаго человѣческаго произведенія и съ злою ироніей отзывается о законахъ, издаваемыхъ на *вѣчныя времена*.« Какъ будто понятія вѣчность и время уже не исключаютъ другъ друга!» восклицаетъ онъ совершенно справедливо. Отмѣна закона имѣетъ мѣсто въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда законъ изданъ на извѣстный срокъ, съ истеченіемъ этого срока, 2) когда предметъ, составлявшій содержаніе закона, уничтожается, 3) когда издается новый законъ, прямо или безмолвно отвергающій прежній, слѣдовательно принимается правило Римскаго права: lexposterior derogat legi priori. Тутъ опять является случай говорить о *вѣчныхъ*

законахъ, (которыхъ никакъ не надо смѣшивать съ тѣми дѣйствительно вѣчными законами, по которымъ живетъ и движется юридическій бытъ). Возникаетъ вопросъ: должно-ли считать дѣйствительнымъ законъ, который прямо или безмолвно клонится къ уничтоженію другаго прежняго закона, назвавшаго себя вѣчнымъ? Мейеръ отвѣчаетъ конечно утвердительно, мы считаемъ этотъ вопросъ даже излишнимъ. Конечно каждая законодательная власть только потому и издаетъ законъ, что считаетъ его справедливымъ. Но каждому законодателю также должно быть извѣстно, что справедливость—понятіе относительное: что полезно для одного извѣстнаго времени, то можетъ быть весьма вредно для другаго. Если же законодатель, не сознавая этой истины, назвалъ свое постановленіе *вѣчнымъ*, то дѣло послѣдующихъ законодательствъ поправить его ошибку. Итакъ правило Римскаго права: lex posterior derogat legi priori должно принять безусловно. 4) Отмѣна законовъ производится обычаемъ. Въ другомъ мѣстѣ Мейеръ подробно говоритъ объ обычаѣ; здѣсь онъ указываетъ только для примѣра на два постановленія русскаго законодательства, которыя отмѣнены обычаемъ: *о вводѣ во владѣніе домомъ* (домъ, какъ недвижимое имущество, по закону подлежитъ правиламъ о вводѣ во владѣніе) и объ *отказѣ* имущества. Впрочемъ по отношенію къ нашему отечеству Мейеръ не придаетъ большаго значенія обычаю въ дѣлѣ отмѣны законовъ и въ особенности совѣтуетъ не смѣшивать обычая съ злоупотребленіями. Формулу Римскаго права: cessante ratione legis cessat lex ipsa Мейеръ не принимаетъ; правило же, что съ отмѣною извѣстнаго закона, ipso iure отмѣняются и всѣ выводы, которые можно изъ него сдѣлать, онъ принимаетъ безусловно.

Четырнадцатый параграфъ посвященъ обозрѣнію системы дѣйствующаго свода. Это обозрѣніе сдѣлано съ такимъ тактомъ и тонкостію, которымъ позавидовалъ бы любой стилистъ. Мы не выписываемъ оттуда ничего, иначе намъ пришлось бы перепечатать весь параграфъ. Затѣмъ Мейеръ возвращается опять

къ юридическимъ воззрѣніямъ народа, на этотъ разъ чтобы рѣшить вопросъ, можно ли ихъ считать самостоятельнымъ источникомъ права? и рѣшаетъ этотъ вопросъ такъ, что при существующемъ порядкѣ вещей юридическія воззрѣнія народа самостоятельнымъ источникомъ права признавать нельзя, такъ какъ сила закона обусловливается не соотвѣтствіемъ съ понятіями народа, а происхожденіемъ закона отъ общественной власти. Вспомнимъ, что Мейеръ вмѣняетъ законодательной власти въ обязанность сообразоваться съ юридическими воззрѣніями народа и съ индивидуальными обстоятельствами частныхъ лицъ. Право юристовъ Мейеръ, вопреки мнѣніямъ Савиньи и Пухты, также не признаетъ источникомъ права. Да и въ самомъ дѣлѣ, можно ли логическій процессъ выводовъ изъ закона считать самостоятельной дѣятельностью? что касается въ частности до Россіи, у насъ о правѣ юристовъ, какъ источникѣ права, неможетъ быть и рѣчи.« Унасъ, говоритъ Мейеръ, не образовалось до сихъ поръ еще и сословія юристовъ. Примѣненіе права у насъ не находится въ рукахъ лицъ, усвоившихъ себѣ юридическое образованіе, самая служба судебная не отдѣлена рѣзко отъ административной, а это необходимое условіе для образованія класса юристовъ; если нѣтъ такого сословія, то конечно нѣтъ и той дѣятельности, которая совершается юристами.»

Этими замѣчательными словами оканчивается первый выпускъ лекцій о гражданскомъ правѣ. Мы старались по возможности извлечь изъ него тѣ мысли, которыя ясно указываютъ на характеръ направленія Мейера, какъ профессора. Разборъ втораго выпуска мы откладываемъ до выхода остальныхъ частей «гражданскаго права»; тогда мы преимущественно будемъ имѣть въ виду сравненіе сочиненія Мейера съ другими русскими сочиненіями о гражданскомъ правѣ. Это сравненіе тѣмъ болѣе можетъ имѣть практическое значеніе, что другія сочиненія по большей части ничто иное, какъ перепечатка статей свода. Замѣтимъ только, что направленіе во второмъ выпускѣ «чтеній» тоже, какое было и въ первомъ.

Это смѣлое направленіе, эти честныя, непреклонныя убѣжденія не были у Мейера звонкими фразами. Искренность ихъ онъ доказалъ цѣлою жизнію. Около десяти лѣтъ занималъ онъ въ Казани кафедру гражданскихъ законовъ, и вліяніе его было самое плодотворное: слушатели его обожали. Не довольствуясь лекціями, онъ устроилъ въ Университетѣ консультаціи, и самъ занимался веденіемъ судныхъ дѣлъ безъ всякаго вознагражденія. Единственной цѣлью его было показать воспитанникамъ своимъ на практикѣ производство судебныхъ дѣлъ. Какъ велика была нравственная сила этой личности, можно видѣть изъ разсказа, который мы заимствуемъ изъ одной статьи, напечатанной въ Современникѣ 1857-го года.

Въ Казани жилъ купецъ, нѣсколько разъ совершавшій выгодныя для себя продѣлки, именно объявлявшій себя банкротомъ. Пріобрѣтя нужную въ этомъ дѣлѣ опытность, онъ вздумалъ еще разъ испытать свое честное средство обогащенія и предложилъ своимъ кредиторамъ по пяти или по десяти копѣекъ за рубль. Никто не могъ или не хотѣлъ уличить его. Тогда Мейеръ объявилъ кредиторамъ, что беретъ на себя управленіе дѣлами конкурса. Онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ въ городѣ, и кредиторы съ радостью согласились на его предложеніе. Всѣ средства обмана, подкупа и промедленія были употреблены должникомъ и его партизанами, но Мейеръ оставался непоколебимъ. Онъ сидѣлъ надъ счетными книгами и записками, наконецъ привелъ дѣло въ ясность и доказалъ злостность банкротства. Банкротъ былъ арестованъ. Мѣсяцы проходили въ тщетныхъ переговорахъ.—Мейеръ не поддавался. Прошло около года. Наконецъ банкротъ, убѣдившись, что не можетъ ни обольстить, ни пересилить Мейера, заплатилъ долги кредиторамъ и былъ выпущенъ изъ тюрьмы. Прямо оттуда явился онъ въ квартиру Мейера и сказалъ ему: «благодарю тебя, уважаю тебя; на твоемъ примѣрѣ увидѣлъ я, что значитъ быть честнымъ. Черезъ тебя я узналъ, что я поступалъ дурно. У насъ такъ принято дѣлать, какъ дѣлалъ я. Ты мнѣ от-

крылъ глаза. Теперь я понимаю, что дурно и что хорошо. Изъ всѣхъ людей, съ которыми я имѣлъ дѣло, я вѣрю тебѣ одному. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ я буду слушаться тебя, а ты не оставь меня своимъ совѣтомъ.»

Дѣйствительно, нельзя не согласиться съ авторомъ статьи, изъ которой мы заимствовали этотъ разсказъ, что возвысить такого человѣка, въ которомъ соединялись всѣ признаки совершенной испорченности сердца, до любви къ справедливости и добру,—дѣло болѣе неправдоподобное, нежели обратить шайку разбойниковъ въ героевъ добродѣтели. Дѣйствительно, такіе люди, какъ Мейеръ, составляютъ рѣдкое исключеніе во всякомъ обществѣ и въ каждое время.

Въ 1855 году Мейеръ переѣхалъ въ Петербургъ, чтобы занять каѳедры покойнаго К. А. Неволина, и тутъ, нечего таить фактовъ слишкомъ извѣстныхъ,—онъ не былъ по достоинству оцѣненъ слушателями. Наше вѣтреное племя не угадало въ немъ неустрашимаго бойца за правду, рыцаря «безъ страха и упрека». Не смотря на то, онъ продолжалъ исполнять свои обязанности съ прежней энергіей, съ прежней безпредѣльной любовью къ наукѣ. Эта усиленная дѣятельность сокрушила и безъ того уже ослабленный организмъ его. Въ началѣ 1856 года доктора объявили ему пять дней жизни. Тутъ мы видимъ его совершающимъ подвигъ, который достойно заключилъ его жизнь. Чрезъ два дня послѣ приговора медиковъ, въ субботу явился онъ на лекцію въ Училище Правовѣдѣнія; въ понедѣльникъ Мейера не стало. . . Sit tibi terra levis, сказалъ г. Вышнеградскій на его могилѣ, и послѣ этого, имя его очень рѣдко встрѣчалось въ журналахъ, очень рѣдко упоминалось въ публикѣ. Мейера почти забыли. А между тѣмъ человѣкъ, имѣвшій духъ прочитать блестящую лекцію, зная, что черезъ два— три дня онъ уже ничего не будетъ въ состояніи читать, по одному этому факту заслуживалъ бы и удивленія, и благодарности.

Что подумалъ, что перечувствовалъ этотъ необыкновенный человѣкъ, возвратившись домой съ своей послѣдней лекціи? Съ какою гордостью долженъ онъ былъ взглянуть на пигмеевъ современнаго общества! По неволѣ воскликнешь съ поэтомъ:

Нѣтъ великаго Патрокла, ...

А.

стр.

Отдѣлъ II. Судебная практика.

А. Русская.

В. Иностранная.

Отдѣлъ III. Библіографія.

Издаваемый съ нынѣшняго 1859 года *Журналъ Министерства Юстиціи* выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе съ іюля 1859 по іюль 1860 года составляетъ, безъ пересылки и доставки, *шесть* руб. сер., а съ пересылкою и доставкою на домъ *семь* руб. *пятьдесятъ* копѣекъ сер.

Подписка на журналъ принимается исключительно въ Конторѣ Редакціи, находящейся при книжномъ магазинѣ Коммиссіонера Министерства Юстиціи книгопродавца А. И. Давыдова, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Завѣтнова.

Желающіе доставить въ журналъ статью или какое-либо свѣдѣніе благоволятъ обращаться *въ Редакцію Журнала Министерства Юстиціи.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ. 23 сентября 1859 года.
Цензоръ *Обертъ.*